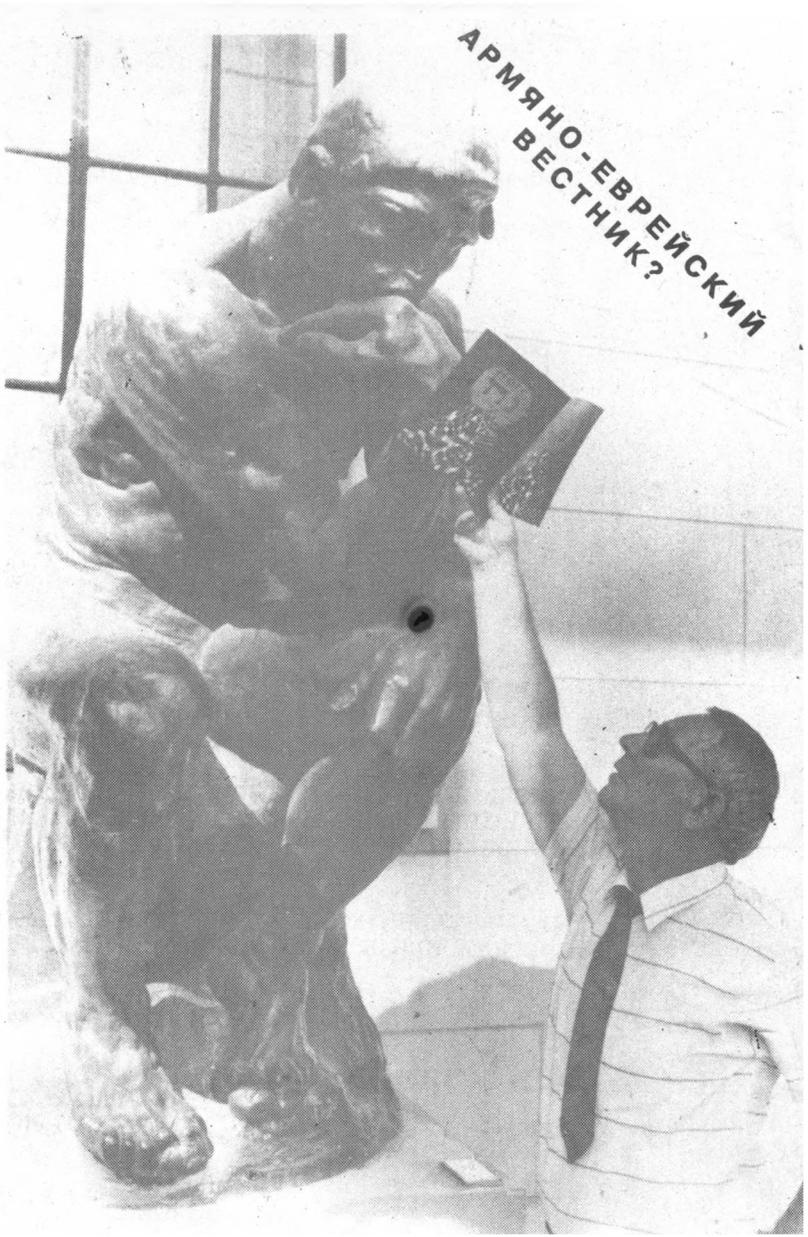

НОЙ
УЛЗ
14

АРМЯНО-ЕВРЕЙСКИЙ
ВЕСТНИК?

Н О Й

АРМЯНО-ЕВРЕЙСКИЙ ВЕСТНИК

ИЗДАТЕЛЬ
И ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ВАРДВАН ВАРЖАПЕТЯН

МОСКВА
1995

© «НОЙ»
ISBN 5-7270-0012-2

**ЭТОТ НОМЕР ВЕСТНИКА
ИЗДАН НА СРЕДСТВА
СЕМЬИ
АЛАВЕРДЯН**

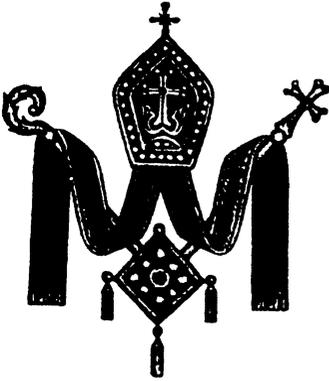
Булат ОКУДЖАВА

В АЛЬБОМ

Инне Лиснянской

Что нам досталось, Инна,
Как поглядеть окрест?
Прекрасная картина
сомнительных торжеств,
поверженные храмы
и вера в светлый день,
тревожный шепот мамы
и Арарата тень.

А что осталось, Инна,
как поглядеть вокруг?
Бескрайняя равнина
и взмах родимых рук,
и робкие надежды,
что не подбит итог,
что жизнь течет, как прежде,
хоть и слезой со щек.

ПРОПОВЕДЬ ПО СЛУЧАЮ ИНТРОНИЗАЦИИ ВЕРХОВНОГО ПАТРИАРХА И КАТОЛИКОСА ВСЕХ АРМЯН ГАРЕГИНА I

*«Господь — пастырь мой:
я ни в чем не буду нуждаться».*

Слава и хвала Тебе, Господь, Отец небесный, с начала моего телесного и духовного рождения даровавший мне, подобно солнечному свету, Твое пресветлое присутствие в душе моей и всемогущество Твое во всей моей жизни. И вот сегодня призвал меня, слугу Твоего, избранного сынами народа Твоего армянского, в высшую священную обитель духовного служения, честь пребывания в коей, как отблеск твоей милости, почитаю честью возвращаемого высокого долга. Как и для любого человека, этот долг был бы для меня непосилен в ограниченных человеческих возможностях и способностях. Как и в минувшие сорок лет своего духовного служения, так и сегодня я чувствую, что не смогу сделать ничего без воздействия Твоего могущества, согласно Твоему истинному слову: «Без Меня не можете делать ничего» (Ин. XV.5).

Вот уже сорок три года, начиная со дня посвящения в иеромонахи, несу Твое бремя, взяв на плечи Твой крест и последовав за Тобою. Бремя Твое было тяжело для моих немощных плеч, но могущество Твоего креста, называемого Любовью и Пожертвованием, облегчило ношу, превратив ее в сладостное благо (Мф. XI. 30). Останься я один, сказал бы словами Твоего Единородного Сына: «Отче! пронеси чашу эту мимо меня», но не промедлил бы добавить: «Но не чего Я хочу, а чего Ты» (Мк. XIV.36). Воля Твоя водительствовала мной, покуда я служил иеромонахом, архимандритом, епископом; Ты подвел меня к высшей ступени Католикоса. Восемнадцать лет я нес это бремя на престоле Киликийского католикосата, и ныне с еще большей ответственностью понесу его на священном престоле Просветителя в святом Эчмиадзине как католикос всех армян.

В высшей обители своего духовного служения, у этого священного алтаря взываю к Господу, Богу моему: дай силы слуге Твоему, окажи мне знак милости Твоей! Чувствуя в себе поток Твоего могущества в сей заветный миг интронизации, повторю слова царя-

псалмопевца: «Господь — пастырь мой: я ни в чем не буду нуждаться» (Пс. XXII. 1).

В сей решающий миг вхождения на широкое поприще служения почитаю долгом сердца обратиться к Всевышнему Богу и просить его упокоить в свете славы Своей и блаженном обетованном мире добрую душу моего предшественника — Католикоса Вазгена I, приняв к радости Своей многие его заслуги перед народом армянским.

Возлюбленные!

Все вы твердо знаете, что проведенное национальным Церковным Советом избрание Католикоса имеет исключительное значение. Впервые в XX столетии оно произошло — как и сия торжественная церемония — по установлении независимой Республики на нашей родине. Освободившийся от семидесятилетнего тиранического ига наш народ живет в условиях демократической власти, утвердившейся в независимой Армении. В нашей современной истории, в этот решающий поворотный миг святая Армянская Апостольская Церковь, первым служителем которой вы пожелали иметь меня, призвана к важной спасительной деятельности. Руководствуясь основными положениями своей благодарной миссии и исторического наследия, она призвана влить новый обильный поток чистой воды святого Евангелия и священных отеческих традиций в жизнь нашего народа. Жившие во Христе и завещанные Евангелием истины, нравственные принципы жизни, духовные ценности должны оросить ниву всеармянской жизни, даруя нашему народу добрые плоды духовной культуры. Без Евангелия ущербна нация. Без возрождения отеческого наследия померкнут облик и образ нашего народа.

Таковы уроки истории. Таковы нужды и требования нашего народа. Верю, что таковы и ожидания нашего государства. Святой первопрестольный Эчмиадзин, утвержденный Христом этот Божий дом, с Господней помощью и при вашем участии должен стать щедрым, живительным источником христианского духовитания.

Нам дана прекрасная возможность в виде 1700-летия принятия христианства как государственной религии и официального основания нашей церкви. Как повсеместно, так и здесь я говорю, что для нашего народа это событие должно чудесным образом вылиться в обновление, дабы им процветала жизнь всех армян во имя служения Богу и всему человечеству.

Церковь наша остается объединяющей силой национального союза, она питает и укрепляет нашу мощь. Если мы бдительны и глубокомысленны, то не можем не видеть, как «знаки времен» воздвигают перед всеми без исключения императив единства, союза и братства, гармоничного, дружного сораатничества. Наша церковь станет внутренне более жизнестойкой, творчески более плодотворной, если станет функционировать как единая во главе с Католикосом всех армян, который признается Первопрестольным всем народом. Новая ситуация в мире и современное положение армянской жизни не диктуют нам ничего иного, кроме укрепления единства святой Армянской Апостольской Церкви. В биографии человечества открыта новая страница. Новая страница открыта и в биографии армян. Новая страница не может не открыться и в армянской церковной жизни. Страницу противостояния и конфронтации следует считать закрытой. Ныне раскрыта страница единства и нашим всеобщим общественным долгом является ее заполнение «мужественными делами», говоря словами Хоренаца, то есть такими выдающимися поступками, из которых, подобно солнечному свету, воссияют единство и величие Армянской Церкви.

Возлюбленные!

XX столетие открылось для нашей истории черной датой — апрельским геноцидом 1915 года, чья смертоносная тень легла на нашу страну. В этом году мы всем народом, под флагами единения и верности отметим на всех уровнях — государственном, церковном, народном — 80-летие преступления, совершенного против армян. Уверен, что этот призыв станет новым сигналом к возрождению всего армянского народа.

Слава, многая слава тому, что история того же двадцатого века закрывается для нас столь важным и величественным событием, имя которому Свободная Независимая Армения, самостоятельное и самовластное государство. Вековая мечта воплотилась в жизнь, обрела плоть. Впервые Президент независимого Армянского государства во главе государственного совета присутствует на процедуре интронизации Католикоса. Верю в то, что утверждающееся и развивающееся день ото дня наше государство, еще более усилившись войдет в третье тысячелетие, чтобы продолжить свой творческий путь в будущее.

Подобная ситуация ведет нас к новому мышлению и новым подходам. Отныне мы призваны рассуждать по-государственному и жить в соответствии с таким мышлением. Мы больше не можем и не будем тем, чем были прежде. Мы воздавали дань чужеземному игу и силе на собственной земле, мы были общинами на четырех концах света и в условиях зарубежных стран. Теперь мы стали независимой

родиной, стали самостоятельным, самовластным демократическим государством. Да, у нас есть и будет диаспора. Зарубежные армяне играют важную роль в жизни матери-родины. Они — преданные и созидающие граждане своих стран, коими и пребудут. Живя в соответствующих условиях, они прилагают все возможные усилия для своего существования и сохранения собственной личности. Однако они никогда не забывают о том, что их истинный дом — Армения и потому не могут остаться безучастными к святому делу возрождения родины. Географическая удаленность, политические разногласия, культурные и бытовые различия не могут повредить союзу сердца, мысли, души и судьбы, если общение будет продолжительным и разумным, удерживаемым духом взаимопонимания.

Я — дитя диаспоры. Я не родился на родине. Но родина родилась во мне. Родилась в тот день, когда армянская речь раздалась в колыбельной песни моей матери, когда «айб», «бен», «гим» открылись моим глазам со школьной доски... Сегодня я приехал на родину как в родной дом, с которым словно и не расставался.

Да, братья и сестры, необходимо перебросить золотые мосты между родиной и диаспорой. Мы должны объединиться в своей духовной географии, должны омыться чувством единой национальной принадлежности. С подобным сознанием мы все должны стать участниками укрепления нашего государства и улучшения условий жизни нашего народа.

С сознанием того же Армянская Церковь должна выполнять свою национальную роль, ибо она неразрывно связана с армянской судьбой и со всей армянской историей.

С сознанием того же наша церковь должна продолжать поддерживать своих арцахских братьев и сестер в их героической борьбе за свои справедливые требования. Арцахский вопрос не носит религиозного характера. Подобно моему светлой памяти предшественнику, я был и остаюсь сторонником идеи его решения мирным путем. Суд арцахского народа должен вершиться посредством искренней совещательности и методом переговоров на основе прав человека и справедливых принципов самоопределения.

В заключение считаем долгом выразить глубокую благодарность главам и представителям братских христианских церквей, межцерковных организаций, украсивших своим присутствием, молитвами,

* Первые буквы армянского алфавита.

устными либо письменными поздравлениями процедуру нашей интронизации.

Выражаем нашу благодарность представителям и дипломатам тех государств, которые почтили своим присутствием первопрестольный Святой Эчмиадзин и наше государство.

Горячо приветствуем Престолы нашей святой церкви:

— Киликийский Католикосат, членом конгрегации которого мы были со дня нашего посвящения до сих пор и духовному служению которому посвятили себя полностью.

— Иерусалимский Армянский Патриарший Престол вместе с его главой, правоверной конгрегацией и исторической миссией.

— Константинопольскую Патриархию вместе с ее главой, духовным сословием и верующим народом.

Наша отеческая любовь и привет всем епископам, предводителям епархий, духовному сословию — архимандритам, священникам и дьяконам, национальным приходским собраниям и всему верующему народу как на родине, так и во всем мире.

Обращаем слово благодарности Президенту Республики Армении глубокоуважаемому Левону Тер-Петросяну, Парламенту, Правительству и всей государственной структуре. Мы высоко ценим их любовь и уважение к Армянской Апостольской церкви.

Да хранит и осенит всевидящее око Господне и Его всемогущая Десница весь верующий армянский народ на родине и за ее пределами!

«Господь — пастырь мой: я ни в чем не буду нуждаться».

Молитесь, чтобы Господь направлял меня, а я бы мог направлять вас «к цветущему краю и к водам мирным» во славу Господа, во имя мира и благополучия мира во славу святой Церкви и во имя жизни и благосостояния народа нашего армянского. Аминь.

ГАРЕГИН I,
КАТОЛИКОС ВСЕХ АРМЯН.

9 апреля 1995
Св. Эчмиадзин

МОСКОВСКОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

Мы, Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, Верховный Патриарх и Католикос всех армян Гарегин I и Председатель Высшего религиозного совета народов Кавказа, Духовный глава мусульман

Азербайджана шейх-уль-ислам Аллахшукюр Паша-заде, — встретились в Москве, дабы обсудить пути преодоления вооруженного противостояния, а также вместе поразмыслить над тем, как мы, религиозные деятели, можем содействовать уврачеванию конфликта, порожденного проблемой Карабаха.

Нас радует, что духовные лидеры наших народов встречаются уже четвертый раз, и что процесс, начатый на встречах 5 мая 1988 года, 17-18 ноября 1993 года и 15 апреля 1994 года при участии представителей выдающегося пастыря и миротворца почившего Святейшего Патриарха Вазгена I, сегодня успешно продолжается.

Мы подтверждаем ранее выраженный на подобных встречах взгляд на армяно-азербайджанский конфликт как на лишенный религиозной почвы и несущий в себе грех с точки зрения Христианства и Ислама. Мы вновь обращаемся к государственным лидерам конфликтующих сторон с призывом сделать все для мирного разрешения существующих споров. Мы также призываем руководство России, исторически имеющей немалое влияние на развитие событий в регионе конфликта, приложить все возможные усилия для установления там стабильного мира и подписания большого политического соглашения. Помочь его достижению может и все мировое сообщество, и мы просим его не забывать о боли тех, кто страдает от пагубной розни.

Ныне, когда обстановка в регионе несколько стабилизировалась, но конфликт может возобновиться каждую минуту, необходимо сделать мир действительно прочным и справедливым, чтобы дать возможность людям вернуться в места, откуда они были изгнаны войной. Вообще скорейшее решение проблемы беженцев, являющейся одним из основных условий мира, должно стать одной из главных тем переговоров. Особого внимания требует тяжелая участь пленников и заложников, в числе которых много женщин и детей.

Мы приветствуем акты доброй воли сторон — освобождение пленных и заложников, и призываем как политических, так и религиозных деятелей активизировать усилия в этом благородном, гуманном процессе до освобождения последнего пленника.

Религиозные деятели, все приверженцы Христианства и Ислама призваны свыше активизировать свое участие в миротворческом процессе. Именно поэтому мы выступаем с инициативой скорейшего проведения мирной конференции по проблемам армяно-азербайджанских отношений, дабы сообща возвестить людям слово примирения. Призывая всевышнего на помощь в этом деле, просим всех верующих, живущих в этих регионах, выслушать нас на благо ведомых ими народов.

Убеждены, что Господь поможет верующим в него восстановить мир и согласие. Ведь их доброе, справедливое слово, служение любви и милосердию, преданность миру и правде могут сделать гораздо больше, чем споры политиков и противостояние военных. Подлинный мир начинается в сердце человеческом. Мы верим, что наши смиренные молитвы и труды помогут людям отвергнуть служение злу и предать свои сердца всевышнему, дающему нам мир, любовь и согласие.

И да поможет нам в этом всевышний Творец. Аминь.

**ПАТРИАРХ
МОСКОВСКИЙ
И ВСЕЯ РУСИ**

**ВЕРХОВНЫЙ
ПАТРИАРХ
КАТОЛИКОС
ВСЕХ АРМЯН**

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
ВЫСШЕГО
РЕЛИГИОЗНОГО
СОВЕТА НАРОДОВ
КАВКАЗА
ШЕЙХ-УЛЬ-ИСЛАМ**

13 июня 1995 года

Борис ГОЛЛЕР

БЕЛЫЕ ОЛЕНИ

Драма в 2-х картинах, с Прологом

П Е Р С О Н А Ж И

ПОЛКОВНИК из штаба войск Кавказской линии — за 50 лет.
ПУШКИН ЛЕВ СЕРГЕЕВИЧ — майор, 37 лет.
ДОРОХОВ РУФИН ИВАНОВИЧ — прапорщик, 35 лет.
СТОЛЫПИН АЛЕКСЕЙ АРКАДЬЕВИЧ — капитан, 25 лет.
БАРКЛАЙ ДЕ-ТОЛЛИ — врач, без возраста.
МОЛОДАЯ ДАМА — лет 25-ти (она же, после, ДАМА В ЛЕТАХ).
МЛАДШАЯ СЕСТРА ее — лет 17-ти, худенькая барышня.
ДЕВУШКА — тоже 17-ти, но выглядит старше.
ОФИЦЕРИК — лет 20-ти (после — Г-Н В ЛЕТАХ).
КАРПОВ — унтер-офицер, лет 25-ти.
НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ — унтер-офицер, 46 лет.
ТИРАН АЛЕКСАНДР ФРАНЦЕВИЧ — молодой подполковник.
ПОЖОГИН-ОТРАШКЕВИЧ — ничем не примечательный господин.
НАЙТАКИ — ресторатор, без возраста.
ПРИЕЗЖИЙ ОФИЦЕР.
ДМИТРЕВСКИЙ — молодой чиновник.
ИГРОКИ: 1-й,
 2-й.
 3-й.
СЭР ГЕНРИ МИЛЛС — полковник английской службы (тоже игрок).
ПОЛОВОЙ.
ДУНЯША — горничная.
АДМИРАЛЬША — старуха в егерском мундире.
НЕИЗВЕСТНЫЙ — без возраста.
ЧЕЛОВЕК, ПИШУЩИЙ ПИСЬМО.
ЮНКЕР БЕНКЕНДОРФ.

ОБЫДЕННЫЙ ПРОЛОГ

По двум углам сцены — два уголка интерьера. — Два сколка некой прошедшей эпохи... (Гостиная, кабинет?..)

Почти зеркально друг другу. Как половинки ореха, разнесенные в пространстве...

В одном углу —

МУЖСКОЙ ГОЛОС (потом сам — ГОСПОДИН В ЛЕТАХ: одет по домашнему... С длинной гнутой трубкой во рту — продолжением лица. — Светский душка. Выпивоха. Любитель пожить... —

Пуская дым кольцами. Незримо к собеседнику).

— ...Белые олени?..

Нет. А что это?..

Нет. Не помню...

Разное говорили! Мало что говорили! Разве упомнишь — что говорили тогда?..

Жаль, жены нет дома! — Вышла за покупками... У ней свои воспоминания.

У каждого — ах-ха! — с в о и воспоминания!..

Вы, вообще, бывали там?..

Помню, как теперь — белые ступени лестницы... нет, пардон! — лестницы к галерее, как раз еще не было!..

Городок еще был — с ладонь! — Плохонький, деревянный. Но с амбициями...

То-есть, некоторые — иные находили его даже прекрасным!..

Ну... Он вполне изящно — террасами — полагался к реке. И улочки вились затейливо и, сказать, прихотливо...

А так... Что там было такого?..

Гостиница? Гошпиталь?..

(Помолчав.)

Белые олени?..

Помню ванны на склоне!.. И белые тела на бурой воде... Купальня была общию... Как в Вавилоне!

Без различию полу, возрасту и прав состояния...

Вообще, нравы были просты! Как в Аркадии... По вдохновению, то-есть...

ГОЛОС ЖЕНСКИЙ *(в другом углу. Потом — ДАМА В ЛЕТАХ, с вязаньем на коленях. И тоже — кому-то, кого не видим мы.)*

...Как же, как же! — кто стал бы купаться с ним!..

Это он вам говорил?.. *(Покачала головой.)* Сколько жила там — не слыхивала, чтоб купальня была общей!..

Г-Н В ЛЕТАХ *(мечтательно)*. ...Танцы на бульваре. На открытом воздухе!..

...Бульвар, конечно, громко — бульвар! — всего несколько шагов! — но тень давал — в жаркий день, тень давал!..

Вот вам и танцевали! Там и оркестр! — само собой — из отставных!..

А захотели под крышу — пожалте! В гостиницу Найтаки — тут, рядом.

Сдвинем столы в ресторации. Перетащим оркестр. И — чем не бал?..

Дам приглашаем прямо с бульвару. Без нарядов. То-есть, без церемонии, конечно!.. Вы запомните, на случай! — Гостиница Найтаки.

Это был местный клуб... — Все первые новости!

Ах, Найтаки, Найтаки!.. *(Вздыхнул о чем-то.)*

ДАМА В ЛЕТАХ. То-есть, как так — в ресторацию без наряда? Что — домой что-ли переодеться нельзя? Дом далек?.. *(Покачала головой. Подумав. Повязав...)* И бульвар был вполне порядочный уже, и тень давал в жаркий день... *(Смотрит в одну точку.)*

Он кончался полукружьем таким... Площадкой. *(Очертила круг.)* С которой — никуда ходу не было...

На ней и танцевали. Там и оркестр... *(Еще помолчав.)* Вы ничего не слышите?

А я — слышу!..

Дальняя музыка.

ГОСПОДИН В ЛЕТАХ *(Осторожно)*. А разве бывают — белые олени?..

ДАМА В ЛЕТАХ. ...Зря мужчины не вяжут — это успокаивает!..

Г-Н В ЛЕТАХ *(в задумчивости)*. Погодите! Что там белого было?.. беседка на бульваре. Влюбленным — хоть до утра! — Рай в шалаше!.. И другая, поболее — в горах, на склоне... Павильон — «ЗОЛОВА АРФА». *(очертил круг.)* Восьмигранник такой — белые колонны!.. Арфа там, сказывали, в самом деле, была — но, чтоб петь... Не знаю... Говорят! Во всяком случае — мне не пела!.. *(Усмехнулся.)*

ДАМА В ЛЕТАХ... Золова арфа?.. Пела! Еще как!.. Многие... говорят!.. Конечно — когда ветер... И когда бывала настроена!.. *(После паузы. Покачав головой.)* Не смотрите на нас! Мы сильно менялись! И в нас уже мало того, прошедшего!..

Г-Н В ЛЕТАХ. ...И еще та беседка, что князь Голицын — его светлость — устроил для своего дня рождения в казенном саду. К тому самому балу, который не состоялся... Вы это запомните! — Бал не состоялся!..

ДАМА В ЛЕТАХ *(энергично)*. То-есть, как — не состоялся?.. Состоялся! Только три дни спустя! Когда все уже произошло... Мне даже не хотелось идти на этот бал!..

А девицы наши так ждали его, так готовились! Вечно так! Когда чего-то ждешь, к чему-то готовишься...

Г-Н В ЛЕТАХ *(мечтательно)*. Вижу, как теперь... белые платья в зелени, на бульваре. — Девушки в белом. Дамы... Мужчины — если статские... Офицеры — если не при полку!.. Белые фонари! Что вы хотите?.. Белый цвет — это цвет лета, юга... Как белый флаг — это флаг поражения? А?.. Ха-ха! И высокие тени стремятся куда-то аж к вершинам деревьев!..

Вы читали — Веревкина?..

...Покуда он говорит — возникает в глубине — бульвар курортного городка в горах — «площадка, с которой никуда ходу нет»... и пары кружатся в зелени — собственно — сперва просто — белые тени среди черных теней...

И музыка, музыка...

И павильон «Золова арфа», парящий в выси... *(Едва освещенный.)*

«Восьмигранник такой»... Башня на скале.

Г-Н В ЛЕТАХ *(расчувствовавшись)*. ...Танцевали всегда — только со своими барышнями... Как же, как же!.. Что, спросим, нашим — у стенки стоять?..

...Мы нашим барышням бывало — тем, кто победней — и платьица даровали!

К балу или к празднику... Материи на платье!

Чтоб им пред заезжими щеголихами — не краснеть!..

Термалам, мовь... канаус... в ход шли!..

Термалам, термалам... *(Почти напел.)*

ДАМА В ЛЕТАХ *(резко)*. Такого не было — чтоб платьица даривать... *(Помолчав.)*

Бедненькие, знаете, редко бывали...

И потом... Термалам... Разве это — материя для лета?..

Г-Н В ЛЕТАХ *(оживленно)*. Что? Термалам?.. Материя такая!..

ДАМА В ЛЕТАХ. ...Что? Термалам?.. Материя! В рубчик! *(Вяжет ожесточенно. Остановилась. Сосчитала ряды.)* ...Три-пять-семь-одиннадцать... *(Подняла голову.)* Знаете, что это — вязанье?..

Это — кладбище снов! *(С усмешкой над собой.)*

Пауза. Музыка.

Г-Н В ЛЕТАХ. ...И черкесы к тому ж!.. Боюсь, это и привлекало многих — черкесы!.. Модный курорт среди враждебного края!.. *(С хохотком)* Это — греет кровь, а?.. Особенно — дам!..

ДАМА В ЛЕТАХ. ...И при чем тут — черкесы?.. Все собирались сюда — потому что им нравилось здесь!..

(Все больше воодушевляясь.)

Городок был весь чистенький, свежий... Точно умытый — дождями с гор.

И он так изящно — террасами — спускался к реке. К Подкумку. И улочки — благородно вились.

У меня там — вся юность прошла. Там и замуж пошла. — По второму разу... — Первый был в Петербурге!.. *(Пояснила.)*

И он уж — порядочный был — городок: разросся на глазах.

Гостиница, гошпиталь...

А какое общество съезжалось на воды! — Что тебе столицы!.. Так и называли: водяное общество! Водяное... Водяныя...

А не в сезон — тишина, пустота... Только раненые офицеры.

Гошпиталь был большой — чуть не главный в крае. Чуть не больше Георгиевского!..

Г-Н В ЛЕТАХ *(показал туда, где танцуют).* Вот где-то там — я! Представляете себе?..

(Пауза. Кричит туда.) Бал не состоится! Бал не состоится!..

(Обрывая себя.) Что это — я?.. Чему я, собственно, радуюсь?.. Что тот бал — тогда! — еще может состояться или не состояться?.. *(Пожал плечами, удивляясь себе.)*

ДАМА В ЛЕТАХ. ...А белые олени — это не умственности разные?.. *(Неопределенный жест у лба.)* Теперь это модно!.. *(Подумала. Вдруг с тем же злорадством, что и он.)* Нет, глядите на нас! Глядите! — тот, о ком вы спрашиваете — был бы сейчас таков же, как мы!..

Пауза. Чьи-то легкие шаги на авансцене...

Г-Н В ЛЕТАХ *(куда-то в сторону).* Дорогая, — это ты?.. А у нас — гость!.. *(Понижая голос.)* Какой-то неизвестный... *(Громко.)* По поводу той самой истории в Пятигорске — помнишь?

ДАМА В ЛЕТАХ *(нагибаясь и шаря под креслами).* Ой!.. А сейчас — все запуталось! И клубок пропал!.. Вам придется мне помочь!.. *(Разогнулась — протягивает распяленное на руках вязанье.)* Держите? Так! Держите... Держите!.. А теперь — раскручивайте, раскручивайте!..

Пауза...

Два уголка интерьера — две половинки ореха — уходят в полутьму или исчезают совсем. Остаются пары на бульваре... Свет за это время менялся на них — дважды или трижды — от вечернего — масляных фонарей — к дневному, яркому, а потом опять — к сумеречно-му, синеватому, приправленному нависшей грозой...

Пары танцуют под оркестр, пока каждая из них не обнаруживает в свой черед, что рядом с ними есть третий: дождь...

И тогда, одна за другой — исчезают с бульвара — спрыгивают с площадки, с которой
 «никуда ходу нет»... (*Мужчины подают руку дамам.*)...
 К музыке примешивается шум дождя. А потом затихает оркестр и — только дождь...
 Вся сцена погружается в полутьму.

ЧЕЙ-ТО ГОЛОС (*во тьме. Не женский и не мужской. Зовет.*) Найтаки!..

Шум дождя.

Некто (*женщина? мужчина?..*) прошелся по сцене взад и вперед — в мужском костюме для верховой езды и с хлыстом подмышкой — клича:

— Найтаки!.. (*Кажется, все-таки — женщина.*)

ГОЛОСА (*там, где звучали раньше*):

Г-Н В ЛЕТАХ. Мерлини? Генеральша? та, что отразила черкесский набег — в отсутствие мужа — коменданта?..

ДАМА В ЛЕТАХ (*утвердительно*). Мерлини! Та, что отразила черкесский набег!..

Г-Н В ЛЕТАХ. По слухам, по слухам!

ДАМА В ЛЕТАХ. У нее даже были награды от государя!

Г-Н В ЛЕТАХ. По слухам, по слухам! Никто не видел!..

Женщина в мужском наряде для верховой езды еще прошла по сцене, крича:

— Найтаки!..

И когда вылез некто, кто, видно, и есть — Найтаки — со всей широтой, ему:

— Найтаки! — что я говорила, что бал не состоится?!..

ПРОЛОГ СТАРОЙ АРФЫ^(*)

В замке Эрсильдаун шли приготовления к пиру...

Сам хозяин — Фома рыцарь и тем, что слыл еще в Шотландии, как певец и пророк — сидел под деревом и настраивал лиру.

(В те дни, когда в Шотландии еще ценились пророки!..)

Мы одиноки! Мы одиноки! Мы одиноки!..)

Замок был высоко в горах... Внизу бежали потоки...

Стари-инная башня стояла — чернея, на черной скале... —

Там, где, сливаясь, шумят, обнявшись будто

Две сестры — струи

Лидера и Твида...

Ожидались на пир — король Дуглас, таны и вся овита.

^(*) При отдельном представлении Первой драмы — может быть опущен.

Про то умолкли птицы
И пыльные тома...
Что жил на свете рыцарь —
По имени — Фома...
И никто еще не слышал тогда — про белых оленей!..

(ПРОЛОГ К 1-й ЧАСТИ.)

КАРТИНА ПЕРВАЯ
Действие

РЕСТОРЦИЯ НАЙТАКИ В ПЯТИГОРСКЕ...

Общий вид. Сбоку лестница без перил, с одной площадкой, ведущая наверх, в номера гостиницы.

Алтарем этого храма — где-то в глубине — (стойки еще нет), служит выгородка «бочками сороковыми», за которыми возвышается одинокая конторка хозяина. Из-за нее обычно Найтаки обзирает свое поле действий.

Пусто. Не очень светло...

Тут никого не ждали нынче — оттого часть столов составлена, даже перевернута. В стороне, верно, в некой изоляции от остального зала (за колоннами или на возвышении) — и горные столы с зеленым сукном. Занят лишь один. Четверо ИГРОКОВ в вист... Среди них выделяется массивной спиной графленой в крупную клетку шотландским пледом — СЭР ГЕНРИ МИЛЛС, полковник английской службы. (Может, зритель так и не увидит его лица — только спина и плед...)

По другую сторону, где столы составлены — за одним, за пустым, как бедные родственники — приткнулись МУЗЫКАНТЫ с бульвару, которых загнал сюда с бульвару — дождь... По действию — конец дня или начало вечера. Но грозовые тучи и дождь сместили этот час по свету куда-то ниже, по шкале суток.

...Пока не осветилась сцена — смачный звук поцелуя и столь же смачный — шлепка. Потом при свете — молоденькая ГОРНИЧНАЯ с унылым лицом — оправляет наряд, а в стороне, едва отскочив от нее — героически подкручивает ус игрушечный ОФИЦЕРИК, только что из-под дождя — черные следы на мундире.

ГОЛОС Г-НА В ЛЕТАХ (*восторженно*). Это — я, видите?.. Отшельмец! — черный ус!.. (*И тотчас.*) Дорогая — этого ты, конечно, не видела!..

...На сцене — крутит ус Офицерик, уходит Горничная, потирая ушибленное место, смеется генеральша, стоя с Найтаки.

И, когда девушка на ходу минует их — генеральша так же, мужским жестом отпускает ей шлепка и хохочет по-мужски.

(Большая, жирная старуха, затянугая в егерское, как семнадцатилетний юнкер.)

ГОРНИЧНАЯ. Ай!.. *(Инстинктивно метнулась к Найтаки.)*
 НАЙТАКИ *(сделал большие глаза)*. Ничего не подэлаешь! Работа
 такая!

Девушка, непонятая, уходит...

ОФИЦЕРИК. Вот так мы и живем!.. *(Вздыхнул с философией.)*
 Найтаки — вели рюмочку красного! *(Свободным тоном.)* Нет, белого,
 го, белого — промок до нитки!.. *(Потрогал мокрые рукава на бицепсах.)*

Постоял, подумал и побрел к игрокам...

ГЕНЕРАЛЬША *(кивнув на офицера)*. Первый!.. Вскорости, можешь
 не сомневаться, к тебе будет сегодня весь Пятигорск!..
 Бал не состоится!..
 НАЙТАКИ *(уклончиво)*. Нэпостижимо!..
 ГЕНЕРАЛЬША. А все почему?.. *(С хохотком.)* Суеты было много!
(Берет Найтаки под локоть и уводит его... На ходу.) В горах такое делается!..
 Словно пушки бьют!.. Мой Россинант — дважды чуть не скатился!.. —
 Уздит правой... Вели задать ему овса!..

Прошли.

ГОЛОС Г-НА В ЛЕТАХ. ...а белые олени — это не что-нибудь
 карточное?..
 Городок называли «Кавказским Монако»!.. Он, между прочим, о
 ком вы спрашиваете — по-моему, он и назвал!..
 Помню, как теперь — сэр Генри Миллс, полковник английской
 службы... Известный игрок по тем временам!..

Спина, покрытая английским пледом, пошевелилась.

СЭР Г. МИЛЛС. ...*(англ. фраза)*
(Вслед генеральше.)

1-ый ИГРОК. ...что он говорит?..

ОФИЦЕРИК *(с любезностью)*. Мне послышалось — что-то —
 «леди и джентльмены»...

2-ой ИГРОК *(сухо)*. Было сказано — «уж эти мне леди и
 джентльмены в одном лице!» *(Отчеканивая слова.)*

3-ий ИГРОК поднял голову и взглянул на Офицера, но промолчал
 Игроки не терпят, когда им мешают.

1-ый ИГРОК (*хихикнул*). Вот, что значит — отразить один черкесский набег!..

3-ий (*поморщился*). По слухам, по слухам!..

2-ой. ...А награды?.. А письмо государя?..

3-ий. По слухам, по слухам!.. А кто их... видел?.. (*Меланхолически.*)

Офицерик за спиной у него прыснул... И игрок медлительно повернулся к нему:

— ...Молодой человек — что на улице? Дождь?..

ОФИЦЕРИК (*с готовностью*). Еще какой! Слышите?..

Удар грома...

Игрок также медленно — отвернулся от него...

3-ий. ...Нет. Не слышу. (*Возвращаясь к игре.*)

Пауза.

2-ой (*глядя в карты*). Н-да... Говорят они Игнашке — вынимай-ка ассигнашки!..

Пауза.

1-ый. А правда, что в Англии — мужчины носят юбки?..

2-ой. Не в Англии, по-моему — в Шотландии!..(*англ.*)

СЭР Г.МИЛЛС. ...(*франц.*) — желая включиться в разговор.)

2-ой игрок склонился к нему и сказал несколько фраз по-английски... Сэр Генри сделал круглые глаза, отвалился на стуле и захохотал...

СЭР Г. МИЛЛС.... (*англ. фраза*)

1-ый ИГРОК. Что он говорит?..

2-ой (*переводя*). ...что во-первых, не в Англии — а в Шотландии...

СЭР Г.МИЛЛС. ...(*Добавил что-то.*)

2-ой. ...это — кельтская юбка. Национальный наряд.

СЭР Г.МИЛЛС. ...(*Еще фраза.*)

2-ой. Это — одежда горцев. В горах это — удобно.

1-ый. В горах?.. Наши дамы в горах, в своих кринолинах — и шагу ступить не могут!..

(*Изобразил.*) «Вашу руку! — Прошу! «Ах, ах!..»

СЭР Г.МИЛЛС. ...(*англ.*) (*И рассмеялся.*)

2-ой. ...Это — кельтская юбка. Короткая!.. (*Усмехнулся.*)

Он говорит, что готов в этой юбке — на пари — обогнать любого из нас, на любой горной тропе!..

Если мы, само собой — будем в чем есть!..

СЭР Г.МИЛЛС. ...*(Еще фраза и жест — ребром ладони у бедер.)*

2-ой. ...это — кельтская юбка. Короткая... Вот — до сих пор
(Показал.)

1-ый. ...Представьте себе — наших дам из общества... и... вот до сих!.. *(Закатил глаза.)*

2-ой. Ну, нет... Пришлось бы менять всю начинку... Всю внутреннюю архитектуру. Все эти ленты, подвязки...

3-ий. ...И потом — это слишком большое испытание! Не только дамы — творец не выдержит!..

1-ый. Почему?..

3-ий. Тотчас обнаружатся ошибки творца. Погрешности — в деталях.

2-ой. Что да — то да!..

1-ый. Нет — но не все дамы!.. Но — некоторые!..

ОФИЦЕРИК *(мечтательно)*. Это было б прекрасно!

3-ий *(не оборачиваясь)*. Это было бы ужасно, молодой человек! Это было бы ужасно!.. Все желанное тотчас станет будничным... Тайна разомкнула уста — но что она скажет?..

Нет!..

1-ый *(искренне)*. Bravo!..

3-ий *(нахмурился)*. Оставьте!..

СЭР Г.МИЛЛС. ... *(англ. фраза.)*

И 2-ой игрок стал что-то вполголоса переводить ему...

3-ий *(напомнил)*. Вист, господа!..

А сэр Генри делал большие глаза и смеялся, но, когда 1-ый игрок снес очередную карту —

СЭР Г.МИЛЛС *(тотчас)*. Рэнонс?.. *(Поднял брови.)*

1-ый. Где?.. *(Бледнея... Уставился в свои карты.)*

3-ий *(1-ому, сухо)*. ...Вы уверены, что не ошиблись?.. *(Его партнер.)*

СЭР Г.МИЛЛС. Рэнонс !.. *(Уже утвердительно.)*

Какой-то ПОДВИГИВШИЙ ГОСПОДИН, тоже случившийся возле (у стола), он недавно вошел —

— Проклятый англичанин!.. *(С восторгом.)*

3-ий *(спокойно)*. Да... Рэнонс! Карте место!.. *(Он — партнер 1-го.)*

* Рэнонс — неверно снесенная карта в висте.

1-ый игрок сносит новую карту, и 3-ий тем же тоном (не выразительно.)

— Бито!.. Все... Считайте очки!..

1-ый (*растерянно*). У меня была коронка сам-три-шесть наверх, и еще — за онеры!..

2-ой (*с усмешкой*). Говорят они Игнашке — вынимай-ка ассигнашки!..

Пауза... В игре — запись и новая сдача...

ОФИЦЕРИК (*разочарованно*). Ах! А был такой интересный разговор!..

3-ий ИГРОК (*ему*). Молодой человек — мы играем по крупной!..

Пауза. Подошел Найтаки с подносом — на котором одна рюмка.

НАЙТАКИ. Вашу румочку, г-н прапорщик!..

ОФИЦЕРИК (*небрежно*). Ладно! Запишешь за мной!.. (*Взял рюмку.*)

НАЙТАКИ. Съём пышем — два запоминаем!.. (*Осматривается — ища кого-то глазами.*) Куда всё подэвальсь?.. (*Офицеру.*) Сам сэбэ хозяин — сам половой!.. Сдохнул с этими людьми!.. (*И отправился дальше.*)

Офицерик стоит с рюмки в руке позади игроков, наблюдая игру.

ПОДВЫПИВШИЙ Г-Н (*у окна*). Проклятый англичанин!..

(*Уже неизвестно чему.*)

2-ой ИГРОК (*в игре*). Говорят они Игнашке — вынимай-ка ассигнашки.

ПОДВИПИВШИЙ Г-Н (*стоит у окна, проходящему Найтаки*). Найтаки, хочешь пари?..

НАЙТАКИ. Нэт, нэ хочу!.. (*Но остановился.*)

ПОДВЫПИВШИЙ Г-Н. Отдаю даром! Через полчаса — к тебе будет весь Пятигорск!.. Ха-ха!.. Бал не состоится!..

НАЙТАКИ (*понимающе*). Румочку?..

ПОДВИПИВШИЙ Г-Н. Нет. Две!.. (*Показал на пальцах.*)

Мне нужно выпить с одним господином!.. (*Подмигнул Найтаки.*)

Человек!.. (*В повелительном наклонении.*)

НАЙТАКИ. Нэт. Людэй нэт. Сам Найтаки!..

Хорошо у меня — ресторация — нэ бордэль!..

Уходит...

С улицы появился молодой унтер-офицер — нагловатого вида: не по чину и не по годам.

Сбросил мокрую накидку на стуле, у дверей. Прошелся независимо.

Подвыпивший г-н (стоит у окна) — окликнул его.

ПОДВЫПИВШИЙ Г-Н. А-а, Карпов! — почему же ты не на ба-
ле?..

Карпов усмехнулся, но промолчал... Подвыпивший г-н — взял его за пуговицу:

— Знаешь, что смешно?.. Там фонари развешаны — белые,
бумажные!..

(И тотчас — тоном власть имущего.)

Ну, как там у нас?..

КАРПОВ. Где-с?.. *(Холодно. Осаживая.)*

ПОДВЫПИВШИЙ Г-Н. Как? На т е а т р е, в Чечне — на театре
войны! — Есть сводки?.. *(Тот же тон.)*

КАРПОВ *(медленно)*. А как же... В Чечне?.. Воюем Пророка!.. *(с
выражением.)*

ПОДВЫПИВШИЙ Г-Н. Шамиля?.. Ужасная bestия — этот про-
рок! — Когда мы его возьмем?.. *(Вдруг понял, что его дурачат.)*

Но мы уж сколько лет — воюем его!..

КАРПОВ *(холодно)*. Не знаю-с... Не помню. Я — человек моло-
дой!..

Прошел...

Постоял посреди, поискал кого-то глазами и направился к игральным столам.

Офицерик. Карпов...

ОФИЦЕРИК. Карпов! *(Обрадованно. Протянул руку.)*

3-ий игрок пошевелился на голос — и Офицерик:

— Т-сс!.. *(Себе и Карпову...)*

Отошли в сторонку...

— Что слышно?..

КАРПОВ. На театре войны?..

ОФИЦЕРИК. Нет. В комендантском управлении!..

КАРПОВ. Мыши!..

ОФИЦЕРИК. Старо!..

КАРПОВ. И я им то самое говорю! Грызут-с...

ОФИЦЕРИК. Ваши бумаги?.. Ах, вы — писаришки! Штафирки!..
Ну, и что вы предпринимаете?.. *(Смеется.)*

КАРПОВ. Некоторые — носим при себе!.. *(Достал из-за отворота
мундира какую-то бумагу.)* Любопытствуете?..

ОФИЦЕРИК *(улыбнулся. Говорит в руках)*. А что это?..

КАРПОВ. У вас сыскалась уже какая-нибудь болезнь?..

Офицерик развернул бумагу и пробежал глазами... Возвращая Карпову *(капризно)*:

— Ну, это к тем двоим имеет отношение — к Столыпину с другом, а не ко мне!..

КАРПОВ *(замедленно)*. А в штабе... обращено внимание... что многие офицеры — во фронте, при полку, не состоят, а на пути застряли здесь!..

ОФИЦЕРИК *(блаженно)*. У источников! — спросим — чего?..

КАРПОВ. Полежите в госпитале!..

ОФИЦЕРИК *(отмахиваясь)*. В здешний не попасть — забит, сам знаешь!.. — вон раненых выписывают долеживать дома!..

КАРПОВ. Ну, не здесь — так в Георгиевской!..

ОФИЦЕРИК *(капризно)*. А в Георгиевской — скучно!..

КАРПОВ. Ну, тогда — воюйте!.. *(Пожал плечами.)*

И отошел от него...

А Офицерик постоял грустный и вернулся наблюдать игру.

Найтаки несет поднос с двумя рюмками, столкнулся с Карповым.

НАЙТАКИ. Почтение, Карпов!.. Почтение! Какие вэсти?

КАРПОВ *(самодовольно)*. Как для кого!.. Вот — дождь для тебя!.. Знаешь грамоте?..

...Достал из-за пазухи и протянул Найтаки бумагу. Не выпуская из рук.

НАЙТАКИ *(прочел)*. У-у!.. *(Закачал головой.)*

КАРПОВ. То-то и оно!.. *(И тут же — тоном власть имущего.)* Ты бы хоть сказал сыграть на музыке, что ль!..

Тихо! — Уши режет!.. *(Жест рукой у уха.)*

Найтаки направился к Подвыпившему г-ну у окна. Поставил поднос — на столике возле.

ПОДВЫПИВШИЙ Г-Н. Запишешь за мной!..

НАЙТАКИ. Два пышем — сэшь запоминаем!..

ПОДВЫПИВШИЙ Г-Н. Ах, Найтаки, Найтаки!.. *(Развязно.)* Признайся, сколько ты заработал — на нашем брате — честном водяном?..

НАЙТАКИ. Бог всо выдыт!.. *(Возвел очи.)*

ПОДВЫПИВШИЙ Г-Н. Ах, Найтаки, Найтаки!.. *(Соображает, что еще.)* ...Скажи — а ты слышал когда-нибудь, чтоб эта Эолова арфа — пела?.. *(Показал за окно.)*

НАЙТАКИ. Что?.. А... Нэ!.. Нэ удостоился!.. Нэ знаю, нэ знаю...
Во всяком случае — мнэ нэ пела!..

Оставляет его.

ПОДВЫПИВШИЙ Г-Н (*сам с собой. Составил две рюмки на столе. Оглядел. Поменял местами. Поднял одну...*). Ну, что — князь Голицын, светлейший! — ваша светлость!..

Бал?.. День рождения?..

Павильон в казенном саду? Бумажные фонари?..

А меня — пригласил, нет?..

Ваше здоровье! Многие лета!..

Чокнулся — со второй рюмкой. Выпил...

Удар грома... Поднял палец наставительно:

— О-о! Божий суд! Небесный гром!..

Шум дождя...

Найтаки, идя через зал — остановился, что-то заметив: (*Как охотник, выследивший дичь.*)
Полез под составленные столы и тащит оттуда (*за огромную, грязно-розовую, босую ногу*)
— ражего, рыжего детину — полового, что мирно себе под столами спал.

НАЙТАКИ. Пшол! Пшол!.. (*Замахал руками на парня.*)

...Тот стоит перед ним, досматривая сон...

— Сдохну с этими людьми! Сдохну! Сдохну!.. (*Помолчал. Успокаиваясь.*) Бэдный госудэр император! — У него завэдение побоше моего!..

...Парень стоит.

— Пшол, пшол!.. (*Замахал руками.*)

...Парень двинулся сонно... Найтаки (*вслед*):

— Румочку г-ну дыригенту!

По румочке гаспадам музыкантам!

Нэт! Гаспадыну дыригенту — двэ румочки!..

Сдохну, сдохну!.. (*Добавил. И пошел в другую сторону.*)

Господин у окна, что выпил еще — остановил парня:

ПОДВЫПИВШИЙ Г-Н. Любезный!.. *(Половому.)* Ты слышал, скажи, чтоб эта чертова арфа — пела?..

ПОЛОВОЙ *(досматривая сон).* Чо?.. Эх, дядя!.. *(Укоризненно.)*

И потопал дальше.

МУЗЫКАНТЫ *(зашевелились. Достали инструменты)...*

1-ый *(спросил).* То, что хотели играть у князя?..

2-ой *(поправил).* То, что нам дал князь!..

Из-за пазух появляются ноты...

3-ий. Ноты подмокли?..

2-ой. Нет. Не очень!.. *(Вздыхнул.)* Сколько помню себя — играю по чужим нотам!..

4-ый *(видно, дирижер).* А у тебя чего — другое есть за душой?..

2-ой. У меня, положим, есть!..

4-ый *(постучал смычком).* С ноты «ля»!..

2-ой *(поморщился).* Нельзя ли тише?..

3-ий *(ему).* В миноре?..

1-ый. Как в миноре? Я только что начал в ма...

3-ий *(смехнулся).* Это он — в миноре, а играть — в мажоре!..

4-ый. Начали!..

...Музыка.

Почти одновременно — женский визг. Это где-то в углу Карпов притиснул Дуняшу *(та же горничная).*

ДУНЯША. Пусти!.. *(Вывалась.)* Ты еще!.. *(Оправляет наряд.)*

КАРПОВ. Што-с?.. Я для вас недостаточно хорош?.. *(Взял за подбородок.)* А между прочим, сударыня... между прочим! — с господами, коих вы допускаете... — за одним столом и — на короткой ноге!.. *(Уходит с достоинством.)*

Музыка...

С улицы вошли двое: невысокий, немолодой унтер-офицер — опираясь на палку, впрочем, скорей — из щегольства (легко); и рослый молодой подполковник, что почтительно, в дверях — пропустил первого...

Сбрасывают накидки:

УНТЕР-ОФИЦЕР. Вот — тихо, тепло... и теплая музыка!.. Все-таки, ужасно сыро! *(Поежился.)* Говорил — все в итоге окажемся у Найтаки!..

Найтаки — уже бежит навстречу вошедшим.

НАЙТАКИ. Почтэние, г-н Тиран! Мылости прошу!..

ПОДПОЛКОВНИК *(поморщился)*. Просил тебя, Найтаки — по имени-отчеству!..

НАЙТАКИ. Виноват, Александр Францевич!..

Виноват, Николай Иванович!.. *(Унтер-офицеру.)* Просым!.. Николай Иванович — ваше мэсто свободно!..

Вновь прибывшие — вошли в зал, и где-то сбоку (чуть в глубине) — заняли кресла у камина, который не топится (летний вечер). Притом также (заняли) — нарушая субординацию: сперва — унтер-офицер, потом — подполковник — пододвинул свое кресло к его...

УНТЕР-ОФИЦЕР *(усаживаясь)*. Смешно?..

Я всегда сажусь к камину. Даже — если он не топится!.. *(Помолчал.)* Я это место выбрал еще там... — Там, где я был! Я думал тогда. если когда-нибудь мне судьба — вернуться в центральную Россию... *(Еще помолчал.)* Я там продрог, знаете!.. — Там, где я был. Промерз на всю жизнь! Никогда не представлял — что можно так продрогнуть!..

...Блаженно вытянулся и вытянул ноги — к холодной решетке.

Пауза. Музыка... Спросил:

— А где все?.. Где наши друзья?..

ПОДПОЛКОВНИК *(как-то, нехотя)*. Не знаю...

Я, признаться, отложился последние дни!..

Явятся, верно! Не преминут!..

(Помолчал.)

Я — грешный человек, как раз успел подумать: — Странно!.. Можно так сидеть и беседовать — под тихую музыку. И говорить о чувствительном. *(Усмехнулся.)* Вот, кто-то войдет — и все кончится!

УНТЕР-ОФИЦЕР. Станет шумно?.. *(Недопонял.)*

ПОДПОЛКОВНИК *(усмехнулся)*. Хотите пари?..

Сперва войдет Миша и скажет: «Тираны мира — трепещите!..» При этом он сделает жест — вот так!.. *(Указательным пальцем ткнул себя в живот)* Потом — другие, вслед ему, раз пять или шесть за вечер... Не меньше — бьюсь об заклад!.. *(Усмехнулся.)* Покуда не сыщется другая мишень!.. Я — мишень удобная!.. *(Усмехнулся.)* Человек с фамилией «Тиран»!.. — В наши гуманные времена!..

УНТЕР-ОФИЦЕР. Ну, Александр Францевич, ну, милый! Ну, можно ли всерьез — принимать такие вещи?..

ПОДПОЛКОВНИК. Можно!.. *(С неожиданным жаром.)* Не замечали?.. Со стороны это, наверное, походит — на рой слепней, облепивших

вола!.. И каждый должен притворяться, что у него — воловьша шкура!.. Но у меня — не воловьша шкура!..

УНТЕР-ОФИЦЕР *(смеясь — но так, чтобы смех его успокаивал, а не обижал)*. Тогда... как говорили наши предки: «Пренебреги!..» — Пренебрегите!..

ПОДПОЛКОВНИК. Мои предки!.. *(С усмешкой)*. Что думали — мои предки?.. — Ваши тоже кстати!.. *(Пожал плечами.)* Иметь чувствительную душу и фамилию — Тиран!..

Во времена — всеобщей публичности и общественности!..

УНТЕР-ОФИЦЕР. Тогда — смиритесь... Смирение! Смирение... — и перестанешь замечать!..

ПОДПОЛКОВНИК. Но если не желаешь быть ни палачем, ни жертвой!..

УНТЕР-ОФИЦЕР *(улыбнулся дружески)*. Смирение! Смирение! — Это говорю вам я — бывший бунтовщик!..

Пауза... Сидят в креслах — глубоко вдвинувшись в кресла — чуть не полулежа...

ПОДПОЛКОВНИК. Карпов!.. *(Увидев приближающегося Карпова.)*

УНТЕР-ОФИЦЕР. ...и с таким видом — будто он точно знает, как окончить кавказскую войну!..

...Подшел Карпов, и Унтер-офицер — подавая ему руку — из кресел, тоном старшего, беседующего с детьми, но с важными и детьми:

— Карпов! *(Протянул.)* Клянусь богом, вы с чем-то пожаловали!..

А?.. Не так?.. Клянусь богом! — у вас что-то за душой!..

КАРПОВ *(пытаясь впасть в тон)*. Скорей — за пазухой! *(Полез... Задержал руку за пазухой.)*

УНТЕР-ОФИЦЕР *(быстро)*. Камень?.. Ка-арпов!.. *(С укором.)* Я не терплю камней за пазухой!.. Давайте — давайте!.. *(Протянул руку.)*

КАРПОВ *(вкрадчиво)*. У вас уже сыскалась какая-нибудь болельность?..

УНТЕР-ОФИЦЕР *(протягивая руку)*. Карпов! Я — пожилой человек! Я боюсь, когда долго держат камень за пазухой!.. *(Карпов протянул бумагу и Унтер-офицер — быстро кинул ее себе на колени... Подполковнику.)* Ну, как вам нравится?.. Писаря!.. У них даже камни за пазухой — бумажные!..

(...Читает. После паузы.)

— Ой! *(Потер ногу под коленом.)* У меня сразу заныла нога!

Читайте!.. *(Перекинул Подполковнику.)*

Я так и знал!..

ПОДПОЛКОВНИК. Ну, и что?.. *(Пробежав глазами.)* Ничего особенного!.. *(Неуверенным голосом.)* Во всяком случае — это относится к тем, двоим. К Столыпину и Мише!

УНТЕР-ОФИЦЕР. Это все, что вы вычитали?... *(Потер колено.)* Теперь я понимаю — почему на Руси за одного битого... *(Показал на себя.)* — двух небитых дают!..

Прочтите еще!..

ПОДПОЛКОВНИК. Не понял!.. *(Сухо. Но стал читать и — кое-что вслух, с пропусками.)*

«...Не видя из представленных вами... свидетельств за номерами... чтобы Нижегородского драгунского капитану Столыпину и Тенгинского пехотного поручику такому-то... *(Продолжил.)* ...необходимо нужно было пользоваться Кавказскими минеральными водами... немедленно, с получением сего... *(Поднял голову.)* Тут ясно сказано, по-моему — кому!

УНТЕР-ОФИЦЕР. Там сказано еще: «...напротив усматривая...»

ПОДПОЛКОВНИК. *(вновь пробежал глазами.)*

«...и напротив усматривая, что болезнь их может быть излечена и другими средствами...»

УНТЕР-ОФИЦЕР. О-о!.. *(Поднял палец.)* Меня не проведешь! Я — мудрый, как муха!..

ПОДПОЛКОВНИК. Не понимаю... *(Но все ж прочел еще фразу.)* «... по уважению, что Пятигорский госпиталь и без того полон сальными офицерами, которым действительно необходимо...»

УНТЕР-ОФИЦЕР. Вот это самое!.. Да. Страшные вещи вы рассказываете, Карпов!.. *(В прежнем тоне.)*

КАРПОВ. Но я ж ничего не сказал!..

УНТЕР-ОФИЦЕР. Как?.. Мне послышалось?..

Вы говорили без умолку! — что это только первая ласточка!.. Не так?..

КАРПОВ. Примерно!..

УНТЕР-ОФИЦЕР. ...За ней прилетят другие!.. Ибо одна ласточка — еще не делает весны! А начальство — не делает ничего обособленно... — Мы-то о вами это знаем!.. *(Объединил жестом себя и Карпова)*

КАРПОВ. Да. Так!.. В этом роде!..

УНТЕР-ОФИЦЕР. Вот, видите!.. Страшные вещи вы рассказываете, Карпов!..

КАРПОВ. Но я же ничего не говорю!.. *(Усмехаясь.)*

УНТЕР-ОФИЦЕР. Еще бы! Вы просто кричите! — Бог свидетель!.. Уже не говоря про нас — с Александром Францевичем!..

Все слышали! — что скоро, возможно, теперь жди комиссии из штаба... которая рассмотрит — всем ли офицерам, что не прибыли почему-либо к месту службы — и так далее, на театре войны — так уж обязательно пребывание здесь... м-м... и пользование минеральными водами... Или же... *(Выделил жестом и интонацией.)* «...напротив усматривая, что болезнь их может быть излечена и другими средствами...» *(Рассмеялся.)*

КАРПОВ *(искренне удивлен)*. Откуда вы знаете?..

УНТЕР-ОФИЦЕР *(рассеянно)*. Ах, Карпов! — Я ж оказал — я мудрый, как муха!.. *(Поморщился.)* Вот-с!.. *(Вздыхнул.)* И город Пятигорск опустеет!.. Одни только — раненые в боях!.. Ну и... *(Обернулся к Карпову.)* Вы уже сообщили эту весть — вашему дружку Найтаки?.. Его это кажется в первую голову! Он остается без клиентов!.. *(Снова меняя тон.)* Жаль!.. А я только пригрелся!.. *(Потер под коленом.)* Опять мерзнуть в палатке!.. Бр-р!..

КАРПОВ. ...Но кто-то должен — воевать пророка?!.. *(Не без ехидства.)*

Поклонился, уходит.

УНТЕР-ОФИЦЕР *(усмехнулся)*. А он — не глуп!..

...Подполковнику. Уже без Карпова.

ПОДПОЛКОВНИК. Понаслышке скорее!.. Но слышал — много!.. Тут — чего не услышишь!..

УНТЕР-ОФИЦЕР. Вы его — недооцениваете!..

ПОДПОЛКОВНИК. Подражает кому-то!..

УНТЕР-ОФИЦЕР. Кому, кому... — вам! Вам всем!.. Но это означает... что он когда-нибудь сможет заменить вас! Увы!..

ПОДПОЛКОВНИК. Вы что-то загадки! Я так не понимаю!..

УНТЕР-ОФИЦЕР. Вы его недооцениваете!..

(Помолчал.) Не забываете! — Я — мудрый, как муха!.. — Притом, муха — однажды уже — утонувшая в молоке!..

Пауза. Сидят, отвалившись в креслах.

Музыка...

В Последействии:

Г-Н В ЛЕТАХ. Что там было такого?..

Гостиница, гошпиталь...

(Помолчал. Со смешком.) ...и черкесы к тому ж!..

Боюсь, это и привлекало многих — черкесы!..

ДАМА В ЛЕТАХ. А какое общество съезжалось на воды! — Водяное... Водяныя... *(Вздых в голосе.)* А не в сезон — тишина, пустота — только раненые офицеры.

Гошпиталь был большой — чуть не главный в крае! Чуть не больше — Георгиевского!..

Г-Н В ЛЕТАХ *(вздыхнул)*. Чего не было — того не было!..

ДАМА В ЛЕТАХ *(вздыхнула)*. Что было — то было!..

Вошел еще посетитель (с улицы). Как все — сбросил накидку у дверей. Проходит в зал... В мундире, что сидит на нем, как статское... Седоват, с брюшком... И черты — кого-то мучительно напоминают. *(Что-то знакомое...)* Как неудавшийся портрет, про который, все ж, говорят: «Есть сходство!..»

Подошел к Подполковнику и Унтер-офицеру — сидящим перед камином. Сказал — без выражения:

А-а, вы здесь!.. И ты — Тиран — враг тиранов!.. *(Капризно... Подвинул табурет или пуфик и опустился подле...)*

Не понимаю — куда все подевались?..

(Серьезен — как бывают пьяные...)

ПОДПОЛКОВНИК *(Унтер-офицеру)*. Что я вам говорил?.. *(Поморщился.)*

ВОШЕДШИЙ *(не замечая)*. Битый час рыщу по всему Пятигорску и не встретил ни одного замечательного человека!..

Где Дорохов?.. — его-то я просто жду!..

Где Миша?.. Где Столыпин, черт побери?..

Где угрюмый маиор — он же черкес?.. *(Иронический жест.)* Т-сс!..

Он не любит, когда его так зовут! Не буду!..

Где этот — демон в отставке?..

Где все?..

(Тот же тон — капризный, чуть театральный. Огляделся.)

Послушайте — что они там играют?.. *(Показал на музыкантов... Морщась. И тут же.)* Куда все подевались?..

ПОДПОЛКОВНИК *(Тиран)*. Не знаю. Я отложился. Как Греция от Турции! *(Усмехнулся сухо.)*

ВОШЕДШИЙ *(живо)*. Да? Давно?.. Что-то случилось?..

Опять какие-то секреты!..

Но ты учти — я — твой друг!.. И вообще... *(Махнул рукой.)* Найтаки!.. *(Позвал.)* Найтаки! *(И жест — двумя пальцами, означающий — рюмку.)*

УНТЕР-ОФИЦЕР *(взял его за локоть)*. Разрешите мне, как старшему. Пока — не следует!..

ВОШЕДШИЙ. Вы думаете?.. Может быть! *(Вздыхнул.)* Не надо!.. *(Крикнул слабо.)* Сам не пойму — где я успел?.. *(Соображает.)* Сперва обедали... — Обед! — Но там были дамы. Это — несерьезно!.. Потом после обеда... Я заходил домой или не заходил?..

(Вспомнив.) А-а... Ну, да!.. Я искал тех двоих — Мишу и Столыпина... зашел к ним. Не застал. Хотел оставить записку. И... *(Смешок.)* ...Нашед на столе — вместо письменного прибору... Ох-ти! — Ужасно хотелось пить! — Но не стану же я пить тухлую воду?..

Куда все подевались?.. *(Добавил уныло.)*

УНТЕР-ОФИЦЕР. Скоро будут сюда. Бал будто — не состоится!..

ВОШЕДШИЙ. *(махнул рукой)*. Не говорите! Там такое делается!

(*Пьяно хихикнул.*) Бедный князь Голицын!..

И намокли — все бумажные фонари!

ПОДПОЛКОВНИК. (*с усмешкой*). Бедный князь! — не надо было ему ссориться с Мишей!

УНТЕР-ОФИЦЕР. Бедный князь! — не надо было ссориться с богом!..

ВОШЕДШИЙ. Почему?..

УНТЕР-ОФИЦЕР. Бог не терпит — чьего-то чересчур возвышения! Что?.. Чье-то тезоименитство? Городской праздник?.. Павильон — в казенном саду?.. А про меня — забыли?.. Дождь!.. (*Широкий жест. Намешливо.*)

Смирение, смирение! — Ниже головы, ниже, молодые люди! — Я давно вам говорю.

Отчаянный шум — где-то наверху — крики, топот ног. Найтаки за своей конторкой поднял голову:

— Эй, ты!.. (Позвал куда-то в полутьму.)

Из-за бочек вылез тот же парень — половой...

НАЙТАКИ. Пады, пасматры!.. (*И пообещал.*)

Сдохну с этымы людьми!..

(*Глядя, как парень, лениво переваливаясь — уходит...*)

Крики стихли — удаляясь.

Музыка примолкшего, было, оркестра.

ВОШЕДШИЙ (*капризно*). Что они там играют?..

УНТЕР-ОФИЦЕР (*пожал плечами*). Вероятно, то, что обирались играть — при публике! — Не одно и то же — что перед пустотой!..

(*Думает о чем-то.*)

ВОШЕДШИЙ (*понял и посожалел*). Ах, ах!.. (*Вздыхнул.*) Кстати, я видел Мишу... В Железноводске... Нынче утром! (*Без перехода.*) Представьте — он был там! То-есть, утром — он там был!.. Т-сс!.. Это — секрет! Побей меня бог — чей и от кого!.. У них — вечные секреты!..

Мы были целой компанией. С дамами!.. — Пардон!.. Вы же не заставите меня называть — с кем именно?..

Нет, все чисто, — обед! и протчая... — Обедали.

В Каррасе...

Поехали поутру — верхами, прелестная кавалькада! — Вчетвером... Двое дам, я... И маленький племянник великого инквизитора — как называет Миша.

Между прочим — вполне милый юноша — этот Бенкендорф!..
— Говорят, в какую-то боковую ветвь рода!..

Вы слышали анекдот — про оптимиста и пессимиста?.. *(Без перехода.)*

Потом обедали. В колонии. И Миша с нами. Он сказал, что Столыпин не велел ему являться в Пятигорске до пяти. То-есть, ввечеру! — Но теперь уже седьмой!..

Почему? Бог весть! — У них со Столыпиным — вечные секреты! Может, от меня? — *(Вздыхнул без обиды.)*

Так что — он, уж, верно, здесь!.. *(Помолчал.)*

Я что-то важное хотел... Да! Про Мишу!

С этим надо что-то делать! Вы замечали — как он ест?

Клянусь! Его ждет участь Крылова!.. Он не ест — он жрет, извините!

Он заглатывает, как удав. Не жуя... Он набрасывается на пищу, как будто это ему — в первый или в последний раз!.. Он умрет от обжорства! — попомните мое слово!

Вскорости — это будет слон, проглотивший соловья! Нет... Слон, в котором потонет соловей!.. *(Несколько возвышенно.)*

Нельзя жить духом и столько есть!.. Брат всегда так говорил!.. Он пережевывал пищу! К 37-ми у него не было и намека на брюшко!.. *(Похлопал себя по животу.)* Не то, что у меня!

С утра он садился в ванну со льдом... Потом — стоял на голове — чтоб вызвать накоп крови на голову!.. И раз по двадцати — втягивал в себя живот!.. Его выучил в Арзруме — какой-то брахман или дервиш!.. — Он вечно возился о нищихи! *(Поморщился.)*

Брат считал, что даже ночь принадлежит вдохновению. И только самое утро — наслаждению...

А Миша... Это ж какой-то монах — расстрига!

Рабле! Гаргантюа и Пантагрюэль!

(Почти без паузы.) Ладно! Бог с ним — с Мишей! — У него все впереди... Я — за Дуняшей...

...И поднялся, и пошел за Дуняшей, которая, как раз, проходила мимо. Он идет, ускоряя шаг, чуть танцующей походкой, пожилой селадон.

УНТЕР-ОФИЦЕР. *(пожал плечами.)* Эта Дуняша — какое-то общее помешательство!.. Вот, вы... современный человек! Что в ней находят?.. *(Подполковнику.)*

ПОДПОЛКОВНИК. Ничего!.. *(Усмехнулся.)* Но может, современный человек и стремится к н и ч е м у?..

УНТЕР-ОФИЦЕР. Не знаю... Я тоже был молод!.. Не знаю...

Простите! — но в ней даже простой похотливости нет!.. Анемия одна. Уныние и лень.

ПОДПОЛКОВНИК. Но, может, это, как раз — всех и раздражает?..

...НАЙТАКИ *(из-за конторки, завидев горничную)*.

Дуняха, тэтеха, дура — где подол — трэпала?!

И девушка, что шла до того, будто по какому-то невидимому лучу, свернула и пошла по другому — так же сонно...

И следовавший за ней бонвиван — остался перед пустотой...

Постоял в недоумении — в центре зала.

Пошел к окнам, где —

ПОДВЫПИВШИЙ Г-Н *(ему)*. Лео!.. Послушай, Лео!..

ТОТ *(остановился)*. А мы разве с вами пили на ты? *(Пожал плечам.)*

Не помню... Может! *(Потер лоб, вспоминая)*.

ПОДВЫПИВШИЙ Г-Н. Лео! Скажи! — Эта арфа — в горах — пела когда-нибудь?..

ТОТ. Какая?.. А-а... Не знаю. Арфа?.. Я знал одну арфистку...

Сафо! — чистая Сафо!..

ПОДВЫПИВШИЙ Г-Н. Все обман! И арфа — обман! Все — обман!..

ВТОРОЙ. ...Зато я слушал некогда — мадемуазель Жорж!..

ПОДВЫПИВШИЙ Г-Н. Все обман!.. Жорж — дурак!..

ВТОРОЙ. Жорж?.. Подлец! *(То ли — подыгрывая, то ли — смеясь)*

Про эту арфу — павильон — мне кто-то что-то говорил!.. *(Больше — себе)* Что-то слишком поэтическое!.. — Белые колонны... Нет, не помню! Но не могло же у родителей — достать на двоих?..

ПОДВЫПИВШИЙ Г-Н. Лео!.. *(Не поняв)*.

ВТОРОЙ *(как бы поправляя)*. Лайон! *(Серьезно)*. Так меня еще звали... — Лайон! — На английский манер!

ПОДВЫПИВШИЙ Г-Н *(со вкусом)*. Лайон!.. Да. Это хорошо!..

ВТОРОЙ *(кивнул)*. Это — почти Байрон!.. Это — поэтично!..

ПОДВЫПИВШИЙ Г-Н *(положил ему руку на плечо)*. Лайон!..

ВТОРОЙ *(тоже облапил его)*. А можно еще — проще, интимней: Лев Сергеевич! Или — Господин майор!..

...И пошел — коротко хмыкнув, весьма довольный — произведенным впечатлением. Глядя, как он идет через залу — чуть покачиваясь и с преувеличенным достоинством пьяного —

УНТЕР-ОФИЦЕР и ПОДПОЛКОВНИК *(в креслах... вслед ему)*:

УНТЕР-ОФИЦЕР. Что может быть ужасней, чем пьяный Пушкин!..

ПОДПОЛКОВНИК *(заступаясь)*. Он — не Пушкин, он только — брат Пушкина!..

А Лев Сергеевич Пушкин отошел к игрокам и стал наблюдать игру. Офицерик дружески улыбнулся ему...

Шум и крики — опять откуда-то сверху.

ЛЕВ СЕРГЕЕВИЧ. Кто там?.. *(Поднял голову.)*

ОФИЦЕРИК *(с улыбкой)*. Ангелы, наверное!..

...Высокие голоса и визг.

Из-за бочек вылазит прежний половой и с глупейшей улыбкой — подходит к Найтаки.

НАЙТАКИ. Ну?.. *(Считает на счетах.)*

ПОЛОВОЙ *(с улыбкой)*. А то, что Гоуга — сын Ашика бьет по мордам твоего младшенького Василикоса!..

И так уж он его охлестывает, родимца, так охлестывает — по-чем зря!..

НАЙТАКИ. А ты что?!..

ПОЛОВОЙ *(осклябясь)*. Что я?.. Ты ж сказал — смотри! — я смотрел!..

НАЙТАКИ *(сбрасывая счеты)*. Он нэ сын Ашика, а сын Шайтана!..

(И бежит через залу, потрясая в потолок кулаками.)

— Оставь его, слышишь?! *(Кричит.)*

— Ах, ты, мэнгрэл нысчасный!.. Он — чыстый хрыстьянин! Он — грэк!..

Убегает.

Смех — немногих присутствующих.

Шум, визг, и музыка смолкла. Потом — тишина. И —

В Последействии:

ГОЛОСОМ Г-НА В ЛЕТАХ. И где тут место — и какой метафизике?..

Все просто, обыденно!..

ГОЛОСОМ ДАМЫ В ЛЕТАХ. ...Раскручивайте, раскручивайте! Теперь — до конца!..

Пауза.

Музыка.

Ввалилась с улицы компания — молодых людей и дам. Шумно...

Сбрасывают накидки у дверей.

Какая-то Девушка *(громко)*:

— Ну, конечно! Тут — музыка и танцуют!..
 МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Но никто не танцует!
 ДЕВУШКА. Так будут танцевать!..

Молодая женщина, в которой, с трудом, правда — можно узнать ДАМУ В ЛЕТАХ — совсем юной девушке, хмурого виду, какой бывает у детей, балованных старшими и страдающих от сознания своей избалованности...

МОЛ.ЖЕНЩИНА. Ты, разумеется, промокла!.. *(В утвердительной форме).* Что скажет мама?..

Девушка повела плечами и не отозвалась. А молодая женщина, видно, старшая сестра — молодому человеку *(2-ому)*, что случился рядом:

— Доктора находят, что у ней — слабая грудь. Доктор Барклай...

2-ой МОЛ.ЧЕЛОВЕК. Де-Толли?

СТАРШАЯ СЕСТРА. А разве есть другой — доктор Барклай?..

2-ой МОЛ.ЧЕЛОВЕК *(смеясь)*. Не знаю...

МЛАДШАЯ СЕСТРА *(вдруг резко)*. У меня грудь — о-о!.. Колокол!..
(И бухнула себя в грудь кулаком. Пошла вперед.)

2-ой МОЛ.ЧЕЛОВЕК *(ей вслед)*. Очаровательное существо!

СТАРШАЯ. Так — женитесь!.. А-а... Боитесь?!

...И, когда молодой человек предложил ей руку:

— Мама считает, что я отбиваю у ней поклонников!.. *(Кивнув на сестру.)*

Прошли в зал. Огляделись...

— Где все, интересно?.. Лёвшуку вижу. Тирана вижу!.. — Ах, еще Николай Иванович!

(Младшей, что подождала их при входе.)

— Где все?

Младшая пожала плечами — думает о чем-то.

1-ая девушка — входя, тоже рассеянно оглядела зал.

Спутнику своему:

— Никого не вижу!.. А-а, Левушка!.. *(Издали. Кого-то ищет глазами.)*

...Уже спешит Найтаки навстречу гостям. И музыканты, ободрившись — настраивают инструменты...

КТО-ТО. ...Музыку! Музыку!..

2-ой МУЗЫКАНТ (*ворчливо*). Будет музыка!..

1-ая ДЕВУШКА. Так и знала, что в итоге — все окажемся здесь!..

1-ый МОЛ.ЧЕЛОВЕК. Неминуемо! (*Смеется*.) Неминуемое место!..

4-ый МУЗЫКАНТ (*своим*). С ноты «ля»!..

Играют...

И пары двинулись в круг — одна за другой.

Девушка (1-ая) смотрит куда-то в сторону...

МОЛ.ЧЕЛОВЕК (*после паузы, ей*). О чем задумались — можно спросить?

ДЕВУШКА (*улыбнулась*). А о чем может думать — благородная воспитанная девушка, когда такой дождь за окном?..

Разумеется, об усталых путниках — на какой-нибудь одинокой каменистой дороге!.. Представляете, что там делается?.. (*Другим тоном*.)

МОЛ.ЧЕЛОВЕК. Разрешите?.. (*Пригласил ее*.)

ДЕВУШКА. Охотно!.. (*Церемонно кладет ему руку на плечо*.)

Дмитревский! Я буду вашей дамой сегодня!..

Ваших карих глаз — все равно нет!..

МОЛ.ЧЕЛОВЕК. Не надо!.. (*Попросил*.)

ДЕВУШКА. Почему?.. Люблю кавалеров, которые влюблены в других! С ними так легко и ни к чему не обязывает!..

Дмитревокий, мне с вами всегда легко!..

Уходят танцевать!..

МУЗЫКАНТЫ (*меж собой*).

2-ой МУЗЫКАНТ (*глядя на танцующих*). Ну, пошли — пошли животами вертеть!..

4-ый (*наставительно*). Это — музыка желудочная!.. Для телесных движений. Иль для телодвижений!..

2-ой. ...Помню, на базаре в Тифлисе — дервиш, чудак, нищий — змею учил. Под музыку. И она все поднималась животом, поднималась!.. И двигала, двигала... — точно, как они!..

3-ий. А змея — где у ней живот?..

2-ой. А змея — она вся — живот!..

В стороне — у камина ПОДПОЛКОВНИК и УНТЕР-ОФИЦЕР.

УНТЕР-ОФИЦЕР *(глядя на танцующих)*. Вы думаете, верно: старик! — а мимо проносится жизнь!.. — Там, зависть и протчая. Нет! Сочувствие!.. Я эту жизнь уже прошел, а им — вам! — еще идти!..

ДМИТРЕВСКИЙ и ДЕВУШКА... В танце. *(Вальс. Медленно. На переднем плане. Или выйдя из танца.)*

ДЕВУШКА. Открыть секрет?.. Кого мы нынче видели?.. Мишу! В Железноводске.

ДМИТРЕВСКИЙ. А-а, вот он где... А что он там делал?..

ДЕВУШКА. Не знаю... У них же со Столыпиным — вечные тайны!.. — вам известно. Знаете, кто ему Столыпин?.. Двородный дядя!.. *(Рассмеялась.)* Как моя тетя! Которая чуть старше меня. И я — отбиваю у ней поклонников!

Но Столыпин — еще моложе его!..

(Чуть помолчав.) Завидуйте! Мы ездили — кавалькадой, верхами... Тетя, Левушка, я... Юный Бенкендорф!..

ДМИТРЕВСКИЙ *(усмехнулся)*. Сколько лет — можно все быть Левушкой?

ДЕВУШКА. А всю жизнь — если ты уродился — Левушкой!.. Что плохого?..

Я думала, он уже здесь — Миша! Он возвращался с нами. Он отстал дорогой. Я думала — они все уже здесь! И пируют... с продажными женщинами!.. *(Выговорила с чувством и не без робости.)*

ДМИТРЕВСКИЙ *(еле сдерживая смех)*. Отчего же непременно — с продажными?..

ДЕВУШКА. В отместку! Они в ссоре с князем. Их не пригласили на бал... Мы б там танцевали — на бале, а они?.. *(Покачала головой.)* При их самолюбии... А по-вашему, конечно, порядочная девушка — не должна соревновать — с продажными женщинами?..

ДМИТРЕВСКИЙ. Нет. Ну, отчего ж?.. *(Смеется.)*

ДЕВУШКА *(серьезно)*. Не знаю... Когда я думаю о Мише, что он... без нас — без всех!.. я почему-то представляю всегда, что он — с продажными женщинами!..

Скрываются в танце.

ПОДПОЛКОВНИК и УНТЕР-ОФИЦЕР *(у камина)*.

УНТЕР-ОФИЦЕР. ...а вы полагаете, смириться — это — мордой вниз? Извините!.. — Это, вовсе — подняться!.. — Но на иную вершину! С которой можно обозреть...

И хочется крикнуть — кому-то там, вдали: «Эй!.. Куда поспе-
шаешь, человече?!..»

Танец. Возникают вновь — ДМИТРЕВСКИЙ и ДЕВУШКА...

(На переднем плане.)

ДЕВУШКА. **А** Миша и впрямь... им должен кто-то заняться!
Какая то женщина!..

ДМИТРЕВСКИЙ. Займитесь!..

ДЕВУШКА. Нет. У меня не хватит сил!.. И у нас не такие отно-
шения! Мы — как брат и сестра!..

Из него еще можно сделать — героя романа!

ДМИТРЕВСКИЙ. Из Миши?..

ДЕВУШКА (с некоторым вызовом). Да! А что? С его умом!.. (И мечта-
тельно. Но с некоторой назидательностью старших.) Нужно только очистить...
Снять все наносное... Все, что прилепилось к нему — в походах, на
биваках...

Вы — статский, вы не знаете!.. — Они там такое позволяют се-
бе!..

ДМИТРЕВСКИЙ. А вы откуда знаете?..

ДЕВУШКА. Я?... Думаю!..

ДМИТРЕВСКИЙ. Вы, вообще, много думаете. О нем.

ДЕВУШКА (быстро). О Мише? Нет. Это — просто сегодня. Под
свежим впечатлением.

И он мне что-то сказал, а я прослушала. И забыла переспро-
сить!..

Так бывает, правда?..

Какая-то чепуха, наверное!..

ДМИТРЕВСКИЙ. Вы не влюблены?..

ДЕВУШКА. В Мишу?.. Я... Нет!.. (Уносясь в танце.)

Ах, если б Миша — был выше ростом!

Пауза.

УНТЕР-ОФИЦЕР (подполковнику). Ну, признайтесь! — Ну, если бы не не-
счастье со мной... кем ы я был теперь? — Еще одним генералом рус-
ской армии?... (Рассмеялся)

ДМИТРЕВСКИЙ и ДЕВУШКА (в танце).

ДЕВУШКА (в продолжение). Смеетесь?..

...Но я зато умею думать — о бедных путниках на какой-нибудь
унылой, каменной дороге!..

Особенно... когда дождь или ночь, и когда мы — в тепле!..

Разве этого мало?..

...Исчезли в толпе...

Пауза. Музыка...

ОДИН ИЗ МУЗЫКАНТОВ (*3-ий — остальным*). А по-моему — играй, что дают — лишь бы работа чистая!..

Пауза. Танцуют.

ДЕВУШКА (*Дмитревскому, завидев кого-то в толпе*). Дорохов! И с такой физиономией — словно... Смотрите!.. (*Показывает*.) Какой таинственный вид! Дорохов, что?.. (*Хотела спросить*.) Бог с ним! Не люблю Дорохова!..

Скрылись среди танцующих...

А тот, кого назвали Дорохов — прошел сквозь толпу, словно, взрезав ее под углом, а может, не заметив ее... (*Лет 35-ти или больше... Начавший сидеть. От силы — прапорщик. — В данный момент. С надменностью — по меньшей мере — полковника Генерального штаба.*)

Он прошел толпу, как магнит — притягивая к себе или отталкивая от себя — по ходу. И, кого он притянул — послушно пошли за ним. Офицерик (*прежде наблюдавший игру*), что мирно танцевал с краснощекой партнершей...

Левушка — Лев Сергеевич — из другого угла.

Встретя полового, что стоял, отвесив губу и глазел на танцующих, Дорохов коснулся его локтя и сделал жест — двумя пальцами, что означает рюмку или стопку. И половой испарился под его взглядом — не то, что побежал — исполнять.

Так Дорохов (*уже не один*) подошел к камину и, не говоря ни слова — присел на поручень кресла Николая Ивановича...

Все понимают, что что-то не так и ждут.

ЛЕВУШКА (*нарушая молчание*). Куда ты запропастился?.. Ты что позабыл — что у нас назначено?.. (*Капризный тон*.) Я жду, жду!..

Повисло в воздухе. Пауза.

Подошел ПОВОЛОЙ, поднося рюмку. Дорохов снял ее с подноса и вдруг неожиданным по своей театральности жестом — облапил парня одной рукой и щекой — притиснулся к его груди...

ДОРОХОВ. Брат!.. (*Театрально*.) Ты жив?.. Я — счастлив.

Парень стоит, недоумевая, с тупым лицом...

Дорохов усмехнулся неприятно — и отпустил его грубым жестом. С рюмкой в руке — вновь уселся на поручень кресла.

Пауза.

УНТЕР-ОФИЦЕР *(пошевелился и спокойно, как старший)*. Что случилось, Руфин?..

ДОРОХОВ *(подбирая слова)*. Угрюмый маиор... черкес!.. *(Подобье усмешки)* застрелил Мишу!..

Час назад. В окрестности...

У них была дуэль!..

...Отвернулся и стал глядеть на танцующих. Потом вспомнил про рюмку и залпом выпил...

УНТЕР-ОФИЦЕР *(почти без голоса)*. То-есть, как... Совсем?..

ДОРОХОВ. М-гу...

ЛЕВУШКА. Руфин, ты сошел с ума!..

Тот пожал плечами и не отозвался.

Продолжил капризно:

— Но ты прости! Я, все ж, не понимаю!

Я видел его — Мишу! Нынче утром!

Мы были вместе!..

ДОРОХОВ. А я видел сейчас!..

ЛЕВУШКА. И что?..

ДОРОХОВ. Ничего... *(Продолжает глядеть в зал.)*

ЛЕВУШКА. Что значит — убили?.. Мы вместе обедали!.. Всего три часа тому! Он ел с аппетитом! Ты б видел — как он ел!

И по молчащей спине Дорохова — наконец, понимает...

— Прости, Руфин!.. *(И ткнулся лбом ему в плечо.)*

Все сидят или стоят — оторопело...

Пауза.

УНТЕР-ОФИЦЕР. Но почему?.. Почему?!..

Никто не отозвался.

ПОДПОЛКОВНИК *(после паузы)*. Я чувствовал... вот, кто-то войдет — и всё кончится!..

Пауза.

Сейчас их скульптурная группа у камина — как бы противостоит — остальному залу, где танцуют... Среди танцующих...

ДЕВУШКА и ДМИТРЕВСКИЙ. *(На переднем плане.)*

КТО-ТО *(окликнул)*. Бенкендорф!..

И Дмитревский с девушкой оглянулись — на юношу.

ДЕВУШКА *(с улыбкой)*. Маленький племянник великого инквизитора!..

ДМИТРЕВСКИЙ *(резко)*. Узнаю!..

ДЕВУШКА. Что?..

ДМИТРЕВСКИЙ. Зловредный Мишин язык! Он опять наживет себе неприятности!..

ДЕВУШКА. Не ворчите!..

ДМИТРЕВСКИЙ. Говорю вам, как друг... И любя его!..

ДЕВУШКА. Не верю. Его мало кто любит!..

ДМИТРЕВСКИЙ. Говорю — как государственный чиновник!..

ДЕВУШКА *(ее почему-то развеселило)*. Вы — государственный чиновник?.. Это — прекрасно!.. Дмитревский — это — прекрасно!..

Танцзя — исчезают из глаз.

У камина:

ОФИЦЕРИК *(спохватываясь)*. Надо — всем сказать!..

ДОРОХОВ *(едва удержал его)*. Т-сс!.. Зачем?..

Успеют, узнают!..

Это даже интересно!

Танцуйте, господа!.. *(Жест, каким отпускают грехи.)*

ОФИЦЕРИК *(не поняв)*. Нужно их остановить!..

ДОРОХОВ. Т-сс! Не смей!..

Смотрите, молодой человек!

Не часто увидишь все это... *(Показал.)* ...С такой точки!..

ОФИЦЕРИК. С какой точки, простите?..

Дорохов усмехнулся и не ответил. Глядя в зал *(негромко)*.

ДОРОХОВ. Танцуйте, господа!.. Танцуйте!..

«Миледи смерть — мы просим вас. —

За дверью подождать»!..

Есть такая шотландская песенка!..

УНТЕР-ОФИЦЕР *(который понял все)*. Никогда не пойму — вашего поколения!.. *(Дорохову. Покачал головой.)*

ДОРОХОВ. А зачем нас понимать?..

Мы и сами... себя... не понимаем!..

(Легкий жест в зал.) Танцуйте, танцуйте!..

ОФИЦЕРИК (*с силой, негромко*). Но мне страшно! — такого знания!.. — одному!..

Дорохов не ответил. Рюмка хрустнула. Он стряхнул осколки.

И офицерик — глядя оторопело на его руку:

— Это — кровь!..

ДОРОХОВ. Да. Как ни странно!.. (*Насмешливо*)

...Стряхивает. Теперь — капли крови.

Достал платок из кармана и обматывает ладонь. (*Привычно, быстро...*) И затынул зубами узел.

— Молодой человек!.. Вам следует навестить ваш полк в Чечне!..

Может, это отучит вас — пугаться виду крови!..

...Еще посидел чуть-чуть, поднявши руку кверху обмотанной ладонью — и пробормотав еще раз:

— Танцуйте, господа! Танцуйте!.. (*В зал.*)

...поднялся и пошел, не прощаясь. (*К выходу.*)

ЛЕВУШКА (*ему вслед*). А подробности? Какие-нибудь подробности?..

ДОРОХОВ (*остановился, устало*). Не было! Никаких подробностей!..

...Махнул рукой и исчез среди танцующих — чтоб оставить сомнение, а вправду ли он — приходил.

Пауза. (*У камина.*) Только музыка...

ГОЛОС ГЕНЕРАЛЬШИ (*над залом, перекрывая гул*). Найтаки! Что я говорила — бал не состоится!..

Последние аккорды музыки и па — танца...

ДЕВУШКА (*в зале*). Дмитревский! Как это — прекрасно!..

Оборвалась музыка. Немая сцена — разгоряченных танцем, как кони — скачкой, и вдруг остановившихся пар.

Один из игроков поднял голову и удивился тишине...

2-ой ИГРОК. Говорят они Игнашке — вынимай-ка ассигнашки!..

И вернулся к игре.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Там же... (*Гостиница Найтаки.*)

Утро... Зала ресторации — пока затемнена (*шторы спущены.*) Над ней — вторым ярусом — номера гостиницы — Один из номеров: комнаты, занятые приезжим ПОЛКОВНИКОМ ИЗ ШТАБА войск Кавказской линии и превращенные на время в его (*полковника*) штаб-квартиру...

ПОЛКОВНИК (*рассаживая*). ...Итак, сего числа — прибыл в город Пятигорск — по причине злосчастного происшествия здесь — убийства на дуэли отставным майором Мартыновым — Тенгинского пехотного полка поручика Лермонтова.

...То ли диктует, то ли — сам с собой... В мундире нараспашку (*жарко*), в домашних мягких туфлях...

...сей эпизод... сей случай... факт!.. (*Подбирая слова.*) — свидетельствует — для меня по крайней мере!.. (*С запинками. Додумывая.*) ...серьезное неблагополучие в дисциплине господ офицеров войск Кавказской линии, особенно тех, кто во фронте и при полку не состоит... м-м... равно как — глубокую испорченность современных нравов вообще, и в особенности молодежи!..

Кто-то завозился за его спиной, и он, спохватываясь:

— А-а, Карпов — ты записывал?..

В стороне — за миниатюрным (*дамским*) письменным столом — уже знакомый нам ПИСАРЬ КАРПОВ. (*Вертит гусиное перо, ловит мух ртом, смотрит в окно.*)

КАРПОВ (*поднялся*). Никак нет!.. А... надо было?.. (*Медленно.*)

Секрет карьеры Карпова — во многом в том, что говорит он с начальством — не быстро, как иные писаря, что стараются выявить усердность, а медленно и как бы раздумывая. На самом деле, он чаще — не знает, что сказать.

ПОЛКОВНИК. Нет... правильно!.. Я так... сугубо для себя!.. (*Усмехнулся.*) Риторические фигуры!..

Постоял, что-то вспомнил...

Прошел к другому — овалному столу — «бобику»: пред диваном, где разложены бумаги, и взял одну, чтоб, с явным удовольствием — ткнуть под нос Карпову.

— Признайся, твоя работа?..

КАРПОВ. Что-с?.. *(Поднялся. И поднял невинные глаза.)*

ПОЛКОВНИК *(повелительно)*. Твоя?.. *(Ткнул в бумагу.)*

КАРПОВ *(зачитал)* «Поручик Михаил Юрьев Лермонтов... — одержим золотухой и цынготным худосочием»...

(Скромно.) Тут — подпис... — «лекарь, титулярный советник Барклай де-Толли»...

ПОЛКОВНИК. Будто неизвестно, кто здешним лекарям эти бумажки строчит!.. Тебе бы — в литераторы, в журналисты!.. Только вишь, чем кончается?..

Карпов молчит.

— Вот тут... *(Повелительный жест. Слушает.)*

КАРПОВ. «...но для облегчения страдания — необходимо! — поручику Лермонтову продолжить пользование минеральными водами... в течение целого лета 1841-го».

ПОЛКОВНИК. И как? — и вы облегчили ему страдания — с лекарем Барклаем?.. *(Забирает бумагу.)*

КАРПОВ. Воля ваша — ваше превосходство!.. Только я в этой бумаге — только исходящий поставил!..

ПОЛКОВНИК *(будто и не слышал.)* А не это... торчал бы он теперь в своей крепости в Шуре... — почти в полной безопасности. За крепостными валами.

Дохнул бы со скуки. Читал — Шатобриана, или что там — читают нынче!..

КАРПОВ *(осторожно)*. Нынче... в моде — англичаны больше!..

ПОЛКОВНИК *(про него)*. Все знает!.. *(Пожал плечами. Добавил.)* И черкес... его, может бы — пощадил!

КАРПОВ *(осторожно)*. А отставной майор Мартынов... ваше превосходство... как вышли из армии — все черкеску носят... стал быть, они сами, как бы — тот же черкес!.. Х-хи!..

ПОЛКОВНИК. Смстри!.. *(Про него. Машинально — по бумаге.)* «...но следование в путь может навлечь самые тяжкие следствия!..» *(Швырнул бумагу на стол и — со всей издевкой.)*

Бестужев-Марлинский! Карпов-Пятигорский!

И сколько тебе идет — почету с листа?..

Стук в дверь выводит из затруднении Карпова.

Карпов идет к дверям, потом возвращается:

— К вам — г-н Пожогин-Отрашкевич!..

ПОЛКОВНИК. Кто?.. *(Явно незнакомое имя.)*

КАРПОВ. Пожогин! Отрашкевич... Говорит, что — родственник покойного Лермонтова!..

ПОЛКОВНИК. Проси!..

(Застегивает мундир.) Странно! Не успеет человек умереть — у него появляются родственники!..

Пауза.

Те же и ПОЖОГИН-ОТРАШКЕВИЧ, ничем не примечательный господин.

Карпов — за столом, с бумагами — и не принимает участия в разговоре.

ПОЛКОВНИК *(встречая гостя посреди комнаты)*. Г-н Пожогин?.. *(Подавая руку.)*

ПОЖОГИН *(кивнул)*. Отрашкевич!

ПОЛКОВНИК. Мне доложили, что вы — родственник Лермонтова.

ПОЖОГИН *(с готовностью)*. Двоюродный. По отцу!

ПОЛКОВНИК. Примите — мои искренние и неслужебные сочувствия!..

ПОЖОГИН. Благодарю, полковник!..

Да, брат, брат!..

ПОЛКОВНИК. Прошу!..

(Указывая на кресло пред овальным столом, сам уселся напротив — в угол дивана.)

Предваряя ваши вопросы...

...к огорчению, не могу вам ничего сообщить... пока!

Следствие только начато. Никто не знает причин.

По-видимому, речь идет о заурядной офицерской дуэли.

(Усмехнулся.)

Поединок чести!.. — Строжайше запрещенный, но...

Может вы, в свой черед, хотели нам что-нибудь сообщить?.. Как родственник? — Что могло бы пролить свет...

ПОЖОГИН. Нет-нет. Я вовсе не был знаком с господином Мартыновым. И последние годы мало виделся о братом.

Я находился здесь на излечении и...

Я случайно... оказался здесь... к событию...

ПОЛКОВНИК. Тогда... г-н Пожогин!..

ПОЖОГИН. Отрашкевич!..

ПОЛКОВНИК. ...Г-н Отрашкевич! *(Любезно.)* Я все время опускаю почему-то вторую часть! Это что-нибудь польское?..

ПОЖОГИН. Просто, дело в том, что Пожогиных — много... Но — Отрашкевич!..

ПОЛКОВНИК. Да-да... *(рассеянно.)* Итак... *(Хотел подытожить разговор.)*

ПОЖОГИН. Еще касательно — имущества!..

ПОЛКОВНИК. Какого имущества?.. *(Недоуменно.)*

ПОЖОГИН *(быстро)*. Тут я должен объясниться!

Мы с братом — были двоюродные — по отцу!.. Его отцу!

Брат был сыном моего покойного дяди.

В то время, как г-н Столыпин... что ездил с братом!.. последнее время... и даже проживал с ним совместно здесь... — на правах родственника!.. — ему приходился всего двоюродный дядя по матери! — Что несомненно — меньшая степень! — Как вы думаете?.. *(С извиняющейся улыбкой.)* Следите нить?.. — Все эти перепитии родства! *(Махнул рукой.)* Мужская линия родства — женская линия родства!.. *(Очертил арку в воздухе.)* Мужская линия бьет женскую и, таким образом... И, согласно закону!.. — И поскольку я — в своей семье — единственный член мужеска полу... *(Поднялся. Несколько торжественно.)* Я — ближайший родственник и наследник покойного!..

На лице Полковника покуда — сменилось добрых три выражения. Сейчас — досада и усталость.

ПОЛКОВНИК *(бесцветно)*. Но в компетенцию комиссии, призванной уяснить причины дуэли...

ПОЖОГИН *(с готовностью)*. Да!.. *(Словно только того и ждал.)* Для этого существуют инстанции!.. Опека!.. Наконец, правительствующий сенат!..

Но когда дело о целом наследстве!

Что же до вещей — оставшихся здесь... на пятигорской квартире! — И дабы они не поступили в своевольное пользование г-ном Столыпиным...

ПОЛКОВНИК. А что там могло остаться?.. *(Поморщился.)* Он ведь был... странствующим офицером!..

Да еще... с подорожной — по казенной надобности!..

ПОЖОГИН *(очень энергично)*. Не говорите!.. Брат был расточителем!.. Он мог возить с собой... подвергать опасностям дороги — даже уникамы.

Полковник молчит; стоит, отвернувшись.

Пауза.

ПОЛКОВНИК *(глядя в сторону, скучным голосом)*. Я доложу вашу просьбу комиссии... И я буду иметь возможность, верно, до конца дня... переговорить о сем предмете — с капитаном Столыпиным!.. Честь имею!.. *(И сухо кивнул — куда-то в сторону.)*

ПОЖОГИН *(в спину ему)*. Я — единственный наследник покойного Лермонтова!..

Уходит.

Пауза.

ПОЛКОВНИК. Что это ты, Карпов — словно ворон считаешь?..

Карпов, отворотившись, смотрел в окно.

В это время в ресторацию вошел первый посетитель. Сел за стол. И потребовал у полового:

— Любезный!.. Бумагу, перо, чернила! — живо!.. И песку не забудь, песку!.. *(Жест — как посыпают бумагу песком.)*

Половой стоит недоуменно, переминаясь...

ТОТ *(со смешком)*. И завтрак — само собой!.. Я голоден, как волк! Но прежде — бумаги и чернил!..

Остался сидеть за столом...

А в номер к полковнику — пришел лекарь БАРКЛАЙ ДЕ-ТОЛЛИ *(постучался, заглянул)* — без слов прошел через комнату и опустился в кресло — пред диванным столом. Неопределенного возраста, усталый человек. Достал портсигар с пахитосками, закурил.

ПОЛКОВНИК. Карпов, любезный — поди испей лимонаду!.. И озаботься нам — завтраком!..

Карпов покинул комнату.

Пауза.

— Ну, что там?..

БАРКЛАЙ *(с неудобной естественностью)*. Пуля прошла вот здесь!.. *(Ткнул себя в правый бок.)* Под последним ребром — в средостении... — Тут есть хрящ такой!..

А вышла — вон где!.. *(Ткнул себя — под левую лопатку.)* Между пятым и шестым и чуть вверх — в плечо.

Он — какой путь!.. *(очертил кривую по собственной груди.)*

Через оба легких. Он умер сразу.

ПОЛКОВНИК *(усмехнулся. С надменностью)*. Что ж... Хорошая пуля! Выстрел хороший!..

БАРКЛАЙ. В каком, простите, смысле?..

ПОЛКОВНИК. Так... Хорошо стреляют господа офицеры войск Кавказской линии... *(Чуть помедлил.)* по своим! — и находясь в тылу и

вдали противника! Жаль, что этот молодой человек — отставной майор и оставил армию!

БАРКЛАЙ. Да, пуля такая — что хоть анатомию изучай — так прошла! *(Пытаясь попасть в тон.)*

ПОЛКОВНИК. Это может быть — случайное попадание?..

БАРКЛАЙ. Нет. Почти нет... Ну... какая-то доля вероятия всегда есть в таких случаях!.. Но... Почти нет! Это — прицельный выстрел!..

ПОЛКОВНИК. Берегитесь! — вы обвиняете г-на Мартынова!.. В намерении. Тем более, что противник его, как говорят — сам подымал пистолет на воздух!..

БАРКЛАЙ. Я никого не обвиняю!.. Я смотрю. Для меня существуют лишь — законы природы. И — геометрии!..

(Усмехнулся.) Пригласите Дорохова! — экспертом!.. Он скажет!.. — Сколько у него на счету дуэлей?..

ПОЛКОВНИК *(зло)*. Пора всем этим господам... стать применять свое умение в другом месте!.. Или в других местах!.. Тут на Кавказе есть такие места!..

БАРКЛАЙ. Да это просто показать — из геометрии!.. Можно взять перо?..

ПОЛКОВНИК *(чуть с испугом)*. Не стоит!.. Я с детства ничего не смыслю — в геометрии!..

БАРКЛАЙ. Ну, я так, на пальцах... *(Достал из кармана какой-то плоский металлический предмет — стилет, ланцет... Провел диагональ по груди своей — справа налево и снизу вверх.)* Смотрите! Пуля прошла здесь!.. Противник — там... *(Отвел правую руку в сторону.)* Значит, прицельная точка где-то посредине... Или в трети. Проведите черту! *(Провел справа налево по горизонтали.)* Вот-с!.. Вот она — ваша мишень! *(Ткнул в сердце...)* То есть — отставного майора Мартынова!..

(Помолчал. Свободным тоном.) Вообще... в человека, который стоит к вам боком — согласитесь, довольно трудно угодить!

Торс узок!.. — поперек себя уже!.. Почти нет выступающих частей. Одна голова, и то...

ПОЛКОВНИК. *(поморщился)*. Странные люди вы, лекари!.. — Не перестану удивляться вам!.. Вот, и сам — солдат, а не перестану!..

Словно карту рисуете!.. Словно там — не человек, а бумажная мишень!

БАРКЛАЙ. ...Однако, это не мы — посылаем его на смерть!..

Пауза.

ПОЛКОВНИК *(с убеждением)*. От безделья — это все, от безделья!.. *(Помолчал.)* Мне тут перед самым приходом вашим — попалась на глаза одна бумага!.. *(Берет бумагу со стола.)*

БАРКЛАЙ *(не поворачивая головы)*. Мой рапорт о болезни Лермонтова.

ПОЛКОВНИК *(искренне)*. А как вы узнали?..

Врач сделал жест — мол, трудно не догадаться!..

БАРКЛАЙ. Представляю, как это должно читаться теперь, на фоне... *(Усмехнулся.)* Насмешкой судьбы, насмешкой над судьбой?..

Тем не менее — там все правда!..

ПОЛКОВНИК *(отчужденно)*. Что-с?.. Извините!

«Золотуха и цынготное худосочие»?..

БАРКЛАЙ *(просто)*. Да... и кое-что еще..

Что у него цынга — была! — в этом можно убедиться еще сейчас — покуда он... на земле!.. потом золотуха. С детства он был, верно, золотушный ребенок. Нарушенный обмен!.. Ревматизм. Не ведаю, где стоит их усадьба, но полагаю — он вырос в сырости!..

ПОЛКОВНИК. Это уже не имеет значения. Когда ему предстоит вращаться..

(С раздражением.) Он торчал бы сейчас в Шуре. Живой! Волочился б за бабами... пардон! — штаб-офицершами. И поутру разгуливал бы в кальсонах по валу. Для променаду!..

БАРКЛАЙ. Вы хотите сказать — я в роли судьбы Лермонтова?.. Увы! ...они здесь — не одни награды цепляют!..

Они стремятся за наградами — некоторые!.. А цепляют — цыngu, завалы кишечника, соль в сосудах... Хорошо, если — не холеру и не чуму!.. Хоть это вовсе и — звучит обыденно!.. А для реляции вовсе и не звучит!..

ПОЛКОВНИК. Что вы предлагаете?..

БАРКЛАЙ. ...нужно чаще есть овощи. Фрукты... — Не полусырое мясо!.. Они вообще много едят и пьют!.. — От неудовлетворенности внутренней, скорее!..

ПОЛКОВНИК. И чем же — они не удовлетворены?

БАРКЛАЙ. Не знаю... Дух — не по моей части!.. — Тело, грешное тело!.. Вы видите их — с фронту, снаружи! Я — изнутри!

ПОЛКОВНИК. Но мы не можем позволить превратить Пятигорск... — в приют уклоняющихся от фронту!.. Даже — с вашими свидетельствами в кармане! Даже если — это — томление духа!..

БАРКЛАЙ *(покорно)*. Конечно... Не можете!..

Пауза.

ПОЛКОВНИК. А зачем, в таком случае, они едут сюда?.. Ведь не всех, как Лермонтова — посылают... — Многие — по своей воле!..

(Взрываясь.)

Пить тухлую воду? Придумывать болезни себе?.. Околачивать-ся в Пятигорске?.. — Который, простите — всего жалкий сколок с покинутых ими столиц!..

БАРКЛАЙ. Наверное, эта война — с близкого расстоянию — чем-то обманула их! Как прежде обманывали столицы!..

Пауза.

— Жаль Лермонтова!.. — он мне только, было, начинал нравиться!..

И мы только договорились до общих предков — шотландцев!..

Что — тоже приятно...

Странный был человек!

ПОЛКОВНИК. *(рассеянно)*. Разве Лермонтов — тоже шотландского роду?..

БАРКЛАЙ. Наверное!.. Во всяком случае — он уверял меня!..

Иначе откуда бы у него такая фамилия?.. Лермонт какой-нибудь!.. — там, в корне! — Граф Лермонт, разумеется!.. *(Усмехнулся.)* Шотландия! — Там каждый третий землепашец — граф!..

ПОЛКОВНИК. Я думал — что-нибудь татарское!.. — Эти гор-танные звуки... Кстати, о предках!.. Знаете, как говорят про вас в шта-бе?..

Что вы вознамерились спасти от войны ровно столько людей, сколько ваш знаменитый предок — великий Барклай — уложил на полях брани!..

БАРКЛАЙ. *(просто)*. Не удастся!.. Неплохо б, конечно — для равновесья в природе — восстановления равновесья!.. — Но не удаст-ся!..

ПОЛКОВНИК. *(с издевкой)*. Это почему?..

БАРКЛАЙ. Спасать — куда трудней, чем укладывать!..

(Вдруг с неожиданной резкостью.)

Они все больны!.. — Не знаю, что это?.. Природа, поколение?.. Или эта война?.. Или — гнилой край?..

Но — они все больны!.. Говорю вам — как русский лекарь!.. *(Усмехнулся.)* Ко мне пришел доктор — его фамилия Вернер, но он — русский! Что тут удивительного! Я знал одного Иванова, который был немец... *(Как явную цитату.)*

ПОЛКОВНИК *(усмехнулся тоже)*. А я знал того, с кого списан этот портрет! — Очень схожий, между прочим!.. — Да вы его тоже знаете — доктор Майер!..

БАРКЛАЙ. Да?.. Я думал, это — про меня!.. *(И как-то потускнел.)*

ПОЛКОВНИК. Вы читаете романы?.. *(С любопытством к нему.)*

БАРКЛАЙ. Иногда... Когда бывает скучно!.. Особенно — в про-зекторской!.. Иногда! — Когда препарирову их авторов!..

Я буду у себя!.. *(Направился к двери.)*

ПОЛКОВНИК. Постойте!.. *(Тот обернулся.)*

Раз уж вы — между нами и господом... что-то в роде таможенника!..

Для последнего досмотра — у последней черты... —

Скажите — что такое смерть?..

БАРКЛАЙ *(с усмешкой)*. Хотите спросить — а где душа?.. Куда девается — наша бессмертная душа?..

Не знаю...

Пауза...

И вышел — в дверях столкнувшись с Карповым. Который несет завтрак Полковнику — на подносе, прикрытом салфеткой...

В ресторации: посетитель, получивший, наконец, от ПОЛОВОГО — почтовой бумаги и прибор с чернилами... За столом — в ажитации:

— ...Тороплюсь, пишу тебе по свежим следам... *(Зачеркивает.)*
...под свежим впечатлением... боюсь, что кто-то меня опередит!..

У нас тут убили Лермонтова. *(Зачеркивает.)*

Вчера в дуэли убили Лермонтова. Стрелял в него Мартынов... Сын нашего московского Мартынова, покойного... ты знаешь!.. *(Зачеркивает.)* Впрочем, известного лишь тем, что разбогател на винных откупах... *(Что-то зачеркнул.)* Они стрелялись из-за м-ль Штерич Московской... *(Задумался. Грызет перо.)* Штерич — мадам или мадемуазель?.. Все равно!.. *(Вернулся к письму.)*

Вот, как рассказывают эту историю...

(Пауза. Пишет.)

* ...Мимо проходит небольшого роста человек — в накидке, несмотря на жару, Половой тащит за ним портсак, а он сам несет, нечто, похожее на мольберт художника. Пишущий посетитель (на ходу) отозвал Полового:

— Кто это, не знаешь?.. *(С любопытством.)*

ПОЛОВОЙ. Незвестный господин. Новые клиенты!.. *(И проследовал дальше.)*

ПОСЕТИТЕЛЬ *(пишет)*. Мартынов мог о нем сходитьсь, но не имел права стрелять!.. Тем более, что Лермонтов, как говорят, поднял пистолет на воздух!..

Лермонтов — благородный человек, и... *(Грызет перо.)*

* Тема неизвестного уходит во вторую часть дилогии.

А в номере у Полковника — гостя, МОЛОДАЯ ДАМА — одна из двух сестер, уже замеченных нами (СТАРШАЯ... Будущая ДАМА В ЛЕТАХ).

Очень взволнована...

ПОЛКОВНИК, ДАМА в отсутствии Карпова...

ДАМА. Не сёрдитесь?.. Что я сама к вам пришла — как бы, в расчете на ваше благорасположение к нам, к нашей семье! Или чтоб опередить... Покуда станут всех вызывать, спрашивать... *(Перевела дух.)*

Вы ж наверное, уже знакомились с делом?.. Знаете?..

Что все произошло в нашем доме!

Эта ссора... Этот вызов, приведший в дуэль!..

ПОЛКОВНИК. А-а... Да-да!.. Но я как-то не связывал эти вещи, признаться!..

ДАМА. Мама все повторяет: «Чтобы в нашем доме!..»

(Недоуменный жест полковника.)

—...Ей чудится — все теперь будут показывать на нас пальцами!..

«Вот, здесь! Это было здесь!..»

Она так и говорит — «Дом повешенного — только не хватает веревки!»

ПОЛКОВНИК. Ну, при чем тут зы!.. Это могло произойти где угодно, в любом другом месте!..

ДАМА *(помолчав)*. Дом, где две молодые женщины — всегда при чем!.. Даже, если одна — еще совсем ребенок!..

ПОЛКОВНИК. Я знал вашего отца и знаю ваш дом!..

ДАМА. Главное — я одна знаю, как все было!..

ПОЛКОВНИК. Вы?.. *(Не сильно убежден.)*

ДАМА. Да... Случайно! Прочие — не обратили внимания — должно быть!.. И только я знаю, как все произошло!..

ПОЛКОВНИК. *(светский, дружеский тон)*. Тогда мне просто повезло!..

Я только что приехал... пытаюсь что-то уяснить для себя... а объяснение само идет ко мне в руки!.. Извините!..

И в лице кого?.. М-м... Дочь старинных друзей и мой добрый друг!..

И молодая очаровательная женщина, между прочим!.. — Не какой-нибудь скучный старец! — утомительный свидетель!..

ДАМА. Вы не верите мне?..

ПОЛКОВНИК. Почему же?.. Прошу. Я тоже хочу знать, как все произошло!..

ДАМА. Это — еще не допрос?..

ПОЛКОВНИК. Странности вы говорите, право!..

ДАМА. Не знаю... *(Покачая головой в сомнениях.)*

Как все было!.. *(Повторила)*

ПОЛКОВНИК. Я слушаю...

Если можете... *(Чуть вкрадчиво.)*

ДАМА *(смотрит в одну точку)*. Как все было! — Верней, как ничего не было!.. *(И начала.)* Мы сидели в гостиной — под вечер... большой компанией...

В а ш е й гостиной!.. — *(Подчеркнула. И полковник кивнул.)*

Было душно... Все ждали грозы и не хотелось на улицу...

Кто-то играл на рояли... — Серж, Трубецкой!.. Остальные слушали и не слушали — больше болтали!..

Меня обсели с двух сторон — Миша и Левушка... И трещали в оба уха!..

ПОЛКОВНИК. Левушка — это маиор Пушкин?..

ДАМА. Да... *(Кивнула.)* По обе руки — Пушкин и Лермонтов... И несли всякий вздор! Дразнили меня моими поклонниками... И всем давали нелестные аттестации... Больше, смешные... Себе в том числе. То-есть — друг другу. И Лермонтов такое сказал Пушкину, что тот надулся и замолчал... на пару минут. — Для него это — много!.. Они, вообще, друг дружку не щадят!.. Тут вошел Мартынов и стал на пороге. В демонической позе. У него иногда бывает такая... Никто не обратил внимания...

Миша наклонился ко мне и сказал...

Нет! — Тут почему-то стихла музыка. Серж прервал играть. И стало слышно на всю комнату — еще громким шопотом! —

— «Мадам, берегитесь! — этот черкес!.. — опасен!» — какой-то вздор! Ничуть не важнее, чем перед тем!..

И Мартынов, помню, взглянул как-то странно...

А к ночи — разразилась гроза... Нет-нет! — не сыщите наклонности к мелодраме!.. Ночью в самом деле — была гроза. И...

Ночью я узнала, что у них будет дуэль!..

ПОЛКОВНИК. Так, вы знали заранее?..

ДАМА. Нет... То-есть, да!.. Неопределенно!..

Ой! — Это — не мой секрет!.. *(Помолчав.)*

Это — младшая наша!.. Ждали грозы — она боится грозы... Пришла лечь в моей комнате... И сказала. Она слышала случайно.

Ой!.. Только — не дай бог!.. Если ее станут спрашивать! Она не переживет!.. Кто-то может решить, что она подслушивала!..

ПОЛКОВНИК. Это — очень важно!.. *(Насмешливо)*

ДАМА. Для нее — да!..

ПОЛКОВНИК. Это — наш разговор! Нас двоих. Ваш и мой!..

ДАМА. Позже, когда все расходились — она слышала чрез окно — как они сговаривались! Про дуэль...

ПОЛКОВНИК. И о чем говорили — можно опросить?

ДАМА. Тоже — какой-то детский вздор! «Ты меня вызываешь — я тебя вызываю» *(Изобразила.)* Как дети в игре! Кто бы мог подумать, что это — серьезно — до смерти!..

Ой! Только ее нельзя спрашивать об этом!.. Она и так — сама не своя!..

Простите! — я не привыкла с вами, как с официальным лицом!..

ПОЛКОВНИК. А я для вас — и не официальное лицо!

ДАМА. Полковник!.. *(Как говорят — «Благодарю!»)*

Теперь вы видите — кто пред вами?..

ПОЛКОВНИК. Думаю... что вижу... *(Неуверенно.)*

ДАМА. Перед вами — судьба Лермонтова!..

ПОЛКОВНИК. О-о!.. Вы уверены?..

Дама пожала плечами...

ДАМА. Как там ни было... Уже никому не объяснишь!.. Женщины всегда виной — даже, если — не она!.. «Ищи женщину!» — Это сказано кем-то или еще скажут?..

Того мама и боится! Что нас сочтут виной. Меня или сестру. причиной всему. Скорее — меня!.. Пойдет молва!..

ПОЛКОВНИК. Что с того — если мы знаем ей цену?..

ДАМА. Но она сама себе — не знает цены!..

ПОЛКОВНИК. Бедная! — вы в рс ти княжны Мери!..

ДАМА *(мгновенно)*. Вы уже слышали, да?.. *(Страшным шопотом.)* Кто-то сказал? Успели?..

ПОЛКОВНИК. *(растерянно)*. Мне никто ничего не говорил — я пошутил!

ДАМА. Теперь вправду говорят... пущен слух... будто я и была — «княжной Мери»!..

ПОЛКОВНИК. *(после паузы)*. Они дурно воспитаны! Человечество в целом — дурно воспитано!..

ДАМА. Теперь все равно!.. Это так и пойдет ва мной... Вы представляете, каково жить с этим в обществе?..

И никому уже нельзя объяснить!..

ПОЛКОВНИК. Сколько горечи вдруг!.. А я все вижу вас — ребенком, которого держал на коленях!..

ДАМА. Того ребенка уже нет!.. *(Жест — растопыренных пальцев, будто что-то развеялось в воздухе.)*

ПОЛКОВНИК. ...Нескромный вопрос! — Заране — приношу извинения! И — можете не отвечать! Но... Как старому другу, другу семьи... просто, как — господину в летах...

Хоть один из них... *(Замаялся — подбирая слова.)*

ДАМА (*выводя его из затруднения*). Я, кажется, поняла!.. Хоть один из них — был ли для меня чем-то большим — других поклонников?..

(*Полковник кивнул.*) Мог питать больше надежд... либо нуждался в этих надеждах — так?.. (*Тот кивнул.*)

Чтоб они могли оказаться соперниками — передо мной?..

Нет! Нет! Нет!.. Мы были только — как все! Общались — как все. И ничего больше.

Ни я для них, ни они — для меня!..

ПОЛКОВНИК. Благодарю вас!.. Хотя, видит бог! — было б лучше, если б вы ответили — прямо противоположное!..

ДАМА. Почему?..

ПОЛКОВНИК. Все было бы ясно!.. А так... и долго еще, боюсь! — все останется неясно!..

ДАМА (*улыбнулась*). Это было бы — легкое объяснение?..

ПОЛКОВНИК. Естественное!..

А чтоб стреляться всерьез по поводу, какой назвали вы... — стреляться до смерти!.. — надо быть сумасшедшим!..

А этот господин... в черкеске... он не производит впечатление сумасшедшего!..

ДАМА. Да... Он — странный немного! И этот странный наряд. И угрюмый вид... Но он разочарован!..

ПОЛКОВНИК. В чем?.. — позвольте спросить?..

ДАМА. Не знаю... Они все — разочарованы!..

ПОЛКОВНИК (*помолчав*). Вот... И успокойте себя!.. Вы не послужили оудьбой Лермонтова!.. Была какая-то иная причина!..

ДАМА. Спасибо!.. (*Поднялась о места.*) Это — не потому, что вы сама любезность?..

ПОЛКОВНИК. Отнюдь!.. (*Усмехнулся.*)

ДАМА. Вы, как камень отвалили с моей души!.. Одно дело... слушать глупую молву и бояться, — что станут говорить... Но еще самой — чувствовать себя виновной!..

ПОЛКОВНИК. Нет-нет!.. Вы тут ни при чем!.. Спите спокойно — если можете!

ДАМА. Погодите!.. (*Испуганно.*) Где я слышала это?.. Или читала?.. И не так давно!

ПОЛКОВНИК. Не помню!..

ДАМА. Простите!.. Последние дни... чуть не в каждом слове... чудится, что это — уже где-то было!..

ПОЛКОВНИК. Это — нервы!.. Спите спокойно, и передайте маме!..

ДАМА. Вот... теперь все исчезло. Как странно, правда?..

ПОЛКОВНИК. Скажите маме... я загляну к вам на днях — как позволят дела!.. И пусть больше не говорит — про веревку и дом повешенного!.. Это — нервы, скажите!.. — Да, кстати!.. Теперь стали

пользовать врачи... — новое средство: настойка валерианового корня!.. Ей не прописывали?..

ДАМА. Спасибо!..

(Помолчав.) А что вы думаете, Полковник — обо всем этом?..

ПОЛКОВНИК. Не знаю... Не знаю, что и думать!.. Я — официальное лицо — я не обязан думать!.. *(Улыбнулся.)*

ДАМА. А что будет с Мартыновым?..

ПОЛКОВНИК. Суд... наверное!.. *(Рассеянно.)*

ДАМА *(осторожно)*. Рассказывают — он первую ночь провел в городской тюрьме! С простыми арестантами!

ПОЛКОВНИК. И... был недостоин их... или — они — были недостойны его?.. *(Сухо.)* Он уже переведен — на военную гауптвахту!..

ДАМА. Прекрасно!.. И это — было несправедливо!.. Как-никак — он бывший офицер, хоть и отставной!..

ПОЛКОВНИК *(рассеянно)*. Да-да...

ДАМА. Вам что — не нравится Мартынов?..

ПОЛКОВНИК. Я — не дама!.. *(Помолчав.)* Не обращайтесь внимания!..

Мы — мужчины часто не можем осознать иных женских симпатий... к иным представителям нашего полу!..

ДАМА. А я симпатизировала им обоим. *(Уже чуть рассеянно.)*

Ах, да!.. Вы ж наверное знавали их обоих по фронту!..

ПОЛКОВНИК *(сухо)*. Только одного!..

ДАМА. Кого?..

ПОЛКОВНИК. Лермонтова!..

ДАМА. Он был — хороший офицер?..

ПОЛКОВНИК. Хороший. *(Просто.)*

ДАМА. А Мартынов?..

ПОЛКОВНИК. Не знаю...

ДАМА. Не хотите говорить?..

ПОЛКОВНИК. Нет... Просто не заметил его в этом качестве!..

ДАМА. Странно!.. Он везде так выделялся всегда... Так бросался в глаза!..

ПОЛКОВНИК. Не обращайтесь вниманья!.. У нас — свои критерии!..

Статским, тем больше — дамам — иногда трудно понять!..

Пауза... Провожает ее...

ДАМА *(осторожно)*. А вам известны... еще какие-нибудь подробности?..

ПОЛКОВНИК. Ну... Какие подробности?.. Мы с вами... тоже вот — две подробности!.. *(Улыбнулся.)*

ДАМА (в дверях). Мне еще надо навестить тот дом... (Жест куда-то за окно.) А не знаю, как войду!.. И увижу Мишу... — что с ним случилось!.. Вы боитесь мертвецов?..
Ах, да!.. Вы ж военный! — так что — не должны бояться!..

Полковник неопределенно промолчал, неопределенно пожал плечами... И поцеловал ей руку, прощаясь...

ПОЛКОВНИК. Так... не забудьте — настойка валерианового корня!..

Она вышла... Некоторое время спустя — неслышно появился Карпов. Прошел к своему столу...

Полковник постоял у своего стола, глядя в пространство, оборотился и узрел перед собой — на овальном столе — нечто, горбами, покрытое белой салфеткой...

ПОЛКОВНИК. А это что?.. (Осторожно отогнул край салфетки.) А-а... (И провел по лицу ладонью.)

Карпов, любезный, унеси это куда-нибудь!.. Какой-то странный вид!

КАРПОВ. Ваш завтрак!.. Остыл, должно быть!.. Принести другой?..

ПОЛКОВНИК. Не надо, унеси!

КАРПОВ. Вы, ваше превосходительство — нынче не завтракали!..

ПОЛКОВНИК. Я не хочу завтракать!.. Или еще рано, или — слишком поздно!.. (Усмехнулся. Себе.) Настойка валерианового корню!..

Пауза.

Ресторация, меж тем, постепенно заполняется людьми...

ПИШУЩИЙ ПИСЬМО (в той же позиции — о отрешенным взором). ...что сделать с тем, кто... м-м... удовлетворяя глупым страстям... отымает у бедного, умирающего от голоду последний кусок... ...развращает невинную девушку... губит навек... потом, насытившись ею... покидает на произвол... или... (Подбирает олова.)

...суд людской... Глас божий?.. (Смотрит в пространство.)

...однако... как поступить с убийцею нашего Лермонтова?..

(Грызет перо.)

Причислить ли его к первой категории или ко второй?..

(Пишет.)

Вошел жандарм — голубой мундир. Остановился на пороге.

Произнес деревянно:

— Государственная польза!..

Тотчас вылез Найтаки и увел его куда-то. Видно, поить.

Это будет повторяться еще несколько раз — в течение последующих сцен...

Диалоги в ресторации:

Компания молодых людей, среди которых — ДЕВУШКА (из 1-ой картины),
ДМИТРЕВСКИЙ, ЛЕВУШКА (ПУШКИН)...

ДЕВУШКА. Дмитревский! Почему вы здесь?.. Идите туда!..

ДМИТРЕВСКИЙ. Я только что оттуда... (Показал.)

ДЕВУШКА. Там ничего не нужно?..

ДМИТРЕВСКИЙ. Нет.

ДЕВУШКА. А кто там — со Столыпиным?..

ДМИТРЕВСКИЙ. Юный Бенкендорф!..

ДЕВУШКА. Это — хорошо! Он любил Мишу!..

(Что-то вспоминает.) А мое бандо? — постойте!

ДМИТРЕВСКИЙ. Забыл, признаться!.. — Я потом поищу!..

ДЕВУШКА. Не забудьте! Ради бога! Это будет мне память!..

(Обернулась к Левушке.) Он взял мое бандо! — помните?.. То са-
мое, с золотым ободком!.. (Жестом — очертила нимб — вокруг своей головы.)

Миша взял! Когда мы прощались! С обеда!..

Он сказал — на счастье!..

(Тоскливо, в воздух.) Счастья нет! Счастья нет!..

ЛЕВУШКА (взял ее под локоть, и, помолчав). Понимаю... (Начал было...)

Но Девушка перебила его...

ДЕВУШКА. Нет! Как же так?.. Мы вместе пообедали!.. Он ел с ап-
петитом!.. Левушка, скажите! — Мы все там были!.. Как же так?.. — Мы
были, а его — нет?..

ДМИТРЕВСКИЙ (слабо). Левушка!.. (Мол, объясните ей.)

ЛЕВУШКА. Да-да... (И мнетя рядом, не зная, как подступиться.)

Видите ли... (Начал.)

ДЕВУШКА. Главное, я позабыла — что он мне сказал! Ухо-
дя!.. Наверное, что-то важное!..

ЛЕВУШКА (неуверенно). Так всегда кажется обычно. Когда нельзя
переспросить! А выйдет после, что какая-то — житейская ерунда!..

ДЕВУШКА. Нет. Это было что-то важное!..

Мы стояли. Вот так. — Он сказал...

Что-то легкое, как движение, и грустное!..

Помню, у меня что-то кольнуло в душе.

Я испугалась. И забыла!

Пауза.

(И снова.) Дмитревский! — ступайте туда!..

ДМИТРЕВСКИЙ. Я там был. Там... больше — ничего не нужно!..

ДЕВУШКА. Как — так — может быть? — ничего не нужно!..

ДМИТРЕВСКИЙ (снова). Левушка!.. (Прося пощады.)

ЛЕВУШКА. Да-да... Дорогая!..

(Взял ее под руку и повел — пытаюсь быть ласковым, убедительным, старшим.) Я все понимаю...

ДЕВУШКА. Было все так спокойно!.. Мы ждали бала... Готовились. И жалели вас... Которые — не приглашены!..

ЛЕВУШКА. Так и я, вот, все ждал... То балу, то празднику... То денег из дому... то повышения по службе!..

Так и жизнь прошла!..

(Помолчав.) У меня был брат...

ДЕВУШКА (останавливаясь). Нет! Вы мне объясните!.. Мы вместе обедали!.. Помните? Он ел с аппетитом!.. Вы видели!..

Как может — вдруг не стать человека, который о таком аппетитом ел?!..

Уходят с переднего плана...

В группе, мужчины, оставшись одни — почувствовали себя свободней... Подошли еще двое или трое...

ОФИЦЕРИК. А правда, как-то странно!..

ДМИТРЕВСКИЙ (устало). Вы теперь начнете!..

ОФИЦЕРИК. Нет, право!.. Среди нас!.. Я думаю о том, что среди нас — таилось все это!..

А больше никого — никому не хочется убить?..

Меня — никому?..

(Вздохнул.) Как хотите!.. (Огляделся и пошел с игроками.)

Пауза.

КТО-ТО (осторожно). Серьезно — что там сейчас? (Дмитревскому.)

ДМИТРЕВСКИЙ. Все то же!..

ТОТ ЖЕ. А что делает Столыпин?..

ДМИТРЕВСКИЙ. Читает!

— А Бенкендорф?..

ДМИТРЕВСКИЙ. Отгоняет мух!..

— Откуда?.. (И умолкли в неловкости.)

Пауза.

ДРУГОЙ. Да. Жаркий день!.. Пора бы...

ТРЕТИЙ. И непонятно чего ждут...

ДМИТРЕВСКИЙ. Официального соизволения, вероятно!..

КТО-ТО. А к чему?..

ЕМУ. Вы что, только родились?.. И на тот свет нельзя — без официального соизволения!..

ТРЕТИЙ. В самом деле!.. Мишу... когда привезли... еще с полчаса — держали перед военной гауптвахтой!..

— Зачем?..

— Покуда не убедились, что он мертв!.. Иначе — он подвергался арестованию!..

— Смеетесь?..

И вдруг один — в самом деле — стал смеяться, какой-то пароксизм — почти неудержимо.

ЕМУ. Перестаньте! Люди смотрят!..

ДРУГОЙ. В конце концов — это просто неприлично!..

ТОТ. *(приходя в себя)*. Извините, господа!.. Но я представил себе... что сказал бы Миша... если бы знал... что в его положении... его еще полчаса — держат перед гауптвахтой!.. Дикий бред! Дикий бред!

Двое мужчин среднего возраста — у окна...

— Вы видели... когда-нибудь — сколько жандармов — в этих местах?..

— Н-да... мы поголубели!..

— Я их вообще-то кряду столько не видывал!..

Один голубой... второй голубой... третий голубой! *(Глядя в окно.)*

— Берегитесь!.. Навязчивый счет — это — признак безумия!..

— Серьезно?..

Прохаживаясь — по зале — ТИРАН и НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ *(возможно, отделившись от группы с Дмитриевским)*.

НИК. ИВАНОВИЧ *(Тирану)*. Нет-нет!.. Я — не из тех, кто добывает павших — вам известно!.. Но Мартынов... Боюсь, я затруднился б теперь — пожатием его руки!..

Нет-нет!.. Я не был адептом Миши...

Покойного! — Паче другом!

Но есть какие-то законы!..

Ну, дерзкий человек, предерзкий, неприятный, вздорный — не общайся с ним!..

Но убить?..

А вдруг ты проживешь еще лет тридцать каких-то!.. Что будешь видеть по ночам?..

Убить?.. — Когда вы были друзья-приятели!..

ТИРАН (*усмехнулся, с какой-то болью*). Но... мы с вами на войне... должны были убивать столько людей... которые не были нашими друзьями... и которые — уж точно, потому — нам ничего не сделали! ..

Проаживаются.

Еще один жандарм — вошел и сказал:

— Государственная польза!..

И Найтаки (либо половой) — уведат его за кулисы действия.

НИК.ИВАНОВИЧ. А что — Столыпин?..

ТИРАН. Сидит, читает!.. (*Пожал плечами.*)

НИК.ИВАНОВИЧ (*убежденно*). Библию?.. Я сам хотел ему послать!

Это — лучший лекарь!.. Это — утешение!..

ТИРАН. Нет. Сколько я заметил — сборник анекдотов! — Не то французских, не то... Не то семнадцатого столетья — не то осмнадцатого!..

Прошли...

И, наконец, игроки за карточным столом...

1-ый. Нет, что ни говорите... это — несправедливо!..

Он, все же, офицер, хотя и отставной.

Маиор. И содержать его — с городскими ворами...

2-ой. Его ж... поутру перевели...

(*Бормочет под нос.*) Игнашки... Ассигнашки!.. (*Глядя на стол.*)

1-ый. Но он не мог спать!.. Они всю ночь играли в карты!..

3-ий (*усмехнулся*). А мы — что делаем?..

Пауза.

ДЕВУШКА и ЛЕВ СЕРГЕЕВИЧ — на переднем плане.

Идут...

ДЕВУШКА (*останавливаясь*). Но если это так: вот — был, вот — не был, вот — есть, вот — нет...

Скажите — что такое жизнь?!..

Пауза.

Мимо группы с Дмитревским проходит тот же неизвестный г-н, что давеча приехал... И в группе — ему вслед:

— Кто это?

— Не знаю. Неизвестный!..

— А-а!.. По-моему, это тот художник, что просил у Столыпина разрешения снять портрет с покойного!.. Но Столыпин сказал, что это уже сделано — художником Шведе!

КТО-ТО *(еще, в сердцах)*. Неизвестный! — А что известно? Ничего не известно!

Помолчали...

— У Миши, когда он лежит, вдруг обнаружили татарские скулы!

Раньше не замечал!

— Так он же — из Пензы!

— Разве не из Москвы?

— Все мы — из Петербурга либо из Москвы... но сперва — из Пензы!

Гений из Пензы!.. *(Усмехнулся.)*

И все — с грустной усмешкой...

Пауза.

— Как-то глупо стоим. Может, пойти туда?..

— Нет. Там уж, по-моему, ничего не нужно!

ДЕВУШКА и Л.С.ПУШКИН:

ДЕВУШКА. Главное — никак не вспомнить! Какой-то провал!
(Показала на голову.)

ЛЕВУШКА. Не надо мучить себя!.. Чепуха, наверное!

Присоединились к остальным.

ДВОЕ У ОКНА:

— Столыпин идет!..

— Где?.. Столыпин! *(Подтвердил. И крикнул в глубину ресторации.)*
Столыпин!..

В ГРУППЕ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ:

— Столыпин!

— Столыпин!..

— Монго!..

Оживление, связанное с приходом СТОЛЫПИНА, не должно преувеличить без нужды его роль в этом мире. Просто, это — человек, который волею обстоятельств поставлен в центр действия.

Что касается самого МОНГО-СТОЛЫПИНА... Похож одновременно, как сказал кто-то, — на всадника и на его коня. Идет головой вперед, как бык, готовый боднуть, и вместе, кажется, прикрывая живот. Породист, красив, нагл и раним.

Очень боится, что ему станут сочувствовать...

— Столыпин!.. *(К нему, когда он вошел.)*

СТОЛЫПИН *(отстраняя)*. Я жив, к сожалению, и у меня много дел!.. *(Фразу, явно заготовленную прежде, на улице.)*

К НЕМУ. — Монго!..

— Столыпин!..

Один за другим, желая что-то сказать или спросить.

СТОЛЫПИН *(на ходу)*. Я жив, к сожалению, — и у меня много дел! — Я жив, к сожалению, и у меня много дел!

Три, четыре, пять раз... Отшвыривая этой фразой всех встречных и поперечных и прокладывая ею дорогу к лестнице... *(А почти вся ресторация — так или иначе — кроме игроков, разумеется, сгрудилась на его пути как выраженный или немой вопрос.)*

— Я жив, к сожалению, и у меня много дел!..

И лишь поднявшись на несколько ступеней, он обернулся и вниз — кому-то растерянному, вопрошающему:

— Монго! Может, что-нибудь нужно?..

СТОЛЫПИН *(стоя на лестнице)*. Разве съездить в горы — туда и обратно!..

КТО-ТО *(сразу)*. Я готов!..

СТОЛЫПИН... доставить один небольшой ледник. Совсем крохотный. Только быстро!..

И, пока соображали, — взбежал по лестнице.

Пауза.

Группа, где Дмитриевский, Девушка и другие...

КТО-ТО. Монго — в своем репертуаре!..

ДРУГОЙ. Монго!.. Кентавр!

ТРЕТИЙ. Почему?

И добрый НИК.ИВАНОВИЧ. Но если и кентавр — то раненый уже — стрелой Геракла!..

А тихий — ДМИТРЕВСКИЙ *(вдруг зверя)*. Никогда не выносил вашего Геракла!.. С детства терпеть не мог!

Тулица! — Одна грубая сила!.. С его дурацкой палицей!

НИК. ИВАНОВИЧ *(растерянно)*. Помилуйте! — Что с вами?

ДМИТРЕВСКИЙ. Простите!.. Не знаю... Простите!

Пауза.

А наверху у ПОЛКОВНИКА — СТОЛЫПИН...

Разговаривают стоя...

ПОЛКОВНИК. Вы чем-то озабочены?

СТОЛЫПИН. Я? Льдом!..

ПОЛКОВНИК. Зачем?.. А-а... Да! А разве — в ресторации?

(Жест — куда-то вниз.)

СТОЛЫПИН. Да. Но все пошло на это празднество к Голицыну.

Бал не состоялся, а лед растаял!

ПОЛКОВНИК. Так что же вам мешает, прстите? Не пойму!..

Комиссия дала уже свое разрешение...

СТОЛЫПИН. Но я не согласен хоронить за воротами!.. И не согласен — без христианского обряду.

Покойный был христианин. На нем — нательный крест!

ПОЛКОВНИК. Вы сегодня — сведете меня с ума! Почему — за воротами?

Почему — без обряду? Кто сказал?

СТОЛЫПИН. Отец Александровский — отец Павел — отказывается!

Говорит, что покойный был самоубийца!..

ПОЛКОВНИК *(с надменностью)*. Покойный был солдат, а не самоубийца!

СТОЛЫПИН. Я так и сказал.

ПОЛКОВНИК. Скажите от меня!..

СТОЛЫПИН. Скажу!.. *(Как человек, который не очень верит, что поможет.)*

ПОЛКОВНИК. Тогда, каждый, кто надел это... *(Показал на свой мундир.)* ...самоубийца!..

СТОЛЫПИН. Я и это говорил!

ПОЛКОВНИК *(зверя)*. Передайте отцу Александровскому... что несколько лет назад... в Петербурге... на отпевании тела камер-юнкера Пушкина... погибшего так же в дуэли... — присутствовали послы иностранных держав и даже иные представители правящего дома!

СТОЛЫПИН. Это более подействует!..

ПОЛКОВНИК. У вас больше — ничего ко мне?

СТОЛЫПИН. Нет. Благодарю...

ПОЛКОВНИК. У меня что-то к вам... Вспомнил! Да!.. У меня был некто Пожогин-Отрашкевич!

СТОЛЫПИН. А-а... Эта вонючка!

ПОЛКОВНИК. Што-с?.. Капитан, вы непристойны!

СТОЛЫПИН. Извините! Так называл его — покойный брат! Это — родственные узы!

ПОЛКОВНИК. Все равно. Прошу вас впредь выбирать выражения!

СТОЛЫПИН. Слушаюсь!

ПОЛКОВНИК. Он говорил... о вещах... оставшихся здесь на вашей общей квартире!

Что он — единственный наследник... И прочее...

СТОЛЫПИН. Может быть. *(Без выражения.)* Может статься... и даже почти наверняка... так оно и будет. Когда-нибудь...

Но куда... Все имущество покойного было от бабки его. Госпожи Арсеньевой. Ныне здравствующей. Покуда!.. *(Усмехнулся.)*

Он был как внук — единственный наследник ее... Теперь она — наоборот — наследует ему.

А что старуха под семьдесят наследует внуку двадцать семи...

Я отправлю... на дни... все вещи — с людьми и лошадьми... в адрес г-жи Арсеньевой. В имение.

О чем могу дать бумагу. Снабженную соответствующим подписом.

ПОЛКОВНИК. Благодарю. *(Помолчав.)* Вы более ничего... не имеете сообщить мне?

СТОЛЫПИН. О чем?

ПОЛКОВНИК. О том, что здесь произошло!..

СТОЛЫПИН. Нимало.

А так как — ПОЛКОВНИК молчит:

— Вряд ли что-то новое... сравнительно с тем, что сказано верно уже... г-ном Мартыновым и секундантами.

ПОЛКОВНИК. Не хотите?.. *(То ли вопросительно, то ли утвердительно.)* Признаться... *(После паузы.)* ...я ждал большего доверья... от вас, от всех.

Пауза.

СТОЛЫПИН *(решившись)*. Полковник! Можно вам подать совет?..

ПОЛКОВНИК. Смотря какой!

СТОЛЫПИН. Вы для нас и впрямь — неслучайный человек! Мы знаем вас по фронту...

Вы не годитесь для роли следователя! Уезжайте!
 ПОЛКОВНИК. Капитан! Советы дают, когда их спрашивают!
 СТОЛЫПИН. Виноват!.. Но я испросил разрешенья — подать совет!

ПОЛКОВНИК. Не понимаю...

Вы были ближайшим другом к нему!..

СТОЛЫПИН. М-м... Сильно преувеличено!

ПОЛКОВНИК. Бросьте! — будто никто не знает, что вы — ближайший к нему человек!

СТОЛЫПИН. Преувеличено! Последнее время вообще мы порядком надоели друг другу. И собирались разъехаться!

Ну, правда! Иметь рядом постоянно такой ум, как его! Согласитесь, это утомительно!

ПОЛКОВНИК. Не позируйте, капитан!

СТОЛЫПИН. Я даже будто освободился! Вынужденно!

Я теперь — немного побуду собой!

ПОЛКОВНИК. Без позы, без позы!..

СТОЛЫПИН. Нет, правда! И что такое — ближайший друг, ближайший человек? Так! Метафизика! Каждый из нас — ближайший друг самому себе...

Или — ближайший враг! Бывает такое — «ближайший враг»?

ПОЛКОВНИК *(утомленно)*. Без позы! *(Пауза.)* И вы не хотите — открития истины?

СТОЛЫПИН. Какой истины?.. *(Пауза... Не глядя.)* Ну, если б это что-нибудь могло изменить!.. А так... метафизика! Чистая метафизика!

ПОЛКОВНИК. А вы не верите — в справедливость?

СТОЛЫПИН. Не верю!

Пауза.

ПОЛКОВНИК. Благодарю, капитан! Я вас больше не задерживаю!

СТОЛЫПИН. Спасибо!..

Но ему не хочется так уйти — хоть может — он повернулся, чтоб уйти...

— Но только... одно! — если б он сейчас стоял перед вами... а я лежал бы там... *(Показал за окно.)* ...и юнкер Бенкендорф отгонял бы от меня мух... — Он бы вам говорил то же самое!

ПОЛКОВНИК. Что ж... Это хотя бы — искренне!

Смотрит куда-то, может, в окно.

СТОЛЫПИН тоже — поглядел за окна и вдруг усмехнулся громко.

— Что с вами?

СТОЛЫПИН *(просто)*. Подумать! — Все эти горы... — декорации, которые он так любил!.. Эти синие ледники — все вместе — неспособны сохранить его тело на этой земле — на лишние полчаса!

ПОЛКОВНИК. А не стоит — никого и ничего любить, правда? *(с вызовом и состраданием.)*

СТОЛЫПИН круто повернулся и пошел к дверям. Остановился на пороге.

СТОЛЫПИН. Я бы лишь предложил... меня не послушают, конечно! — но вместо всех наказаний и даже содержания в крепости!.. — предоставить отставному маиору Мартынову — лично! — сообщить о случившемся бабке покойного!

А так — это делать придется мне!

И вышел.

Пауза.

В ресторации —

появился еще голубой мундир. Бухнул с порога:

— Государственная польза!

И его увели поить и кормить.

А Столыпин спускается по лестнице, где у схода стоппилюю друзья, ожидающие от него неизвестно чего...

Он хотел было отгородиться стереотипной фразой, но глянул на их вытянутые лица, и, понизив тон:

СТОЛЫПИН. Прохаживайтесь! Прохаживайтесь! Стояние на месте могут счесть изъявлением излишнего сочувствия!

Прохаживайтесь!

Так всерьез, что они в самом деле поглядели друг на друга — может, они как-то неуместно стоят... Тогда он:

— Прохаживайтесь! Мы — страна ходячих мнений, но стоячих бунтов!..

(Расхохотался. И скрылся в дверях.)

Пауза.

У выхода — СЕСТРЫ — СТАРШАЯ и МЛАДШ.

МЛАДШАЯ. Ну, повесь дощечку на двери: «Княжна Мери живет на соседней улице»... Или — «ниже по склону»... *(С выражением.)*

СТАРШАЯ. Ты зла!.. *(Стоит перед зеркалом.)*

МЛАДШАЯ. Пора! В конце концов, даже неприлично, что мы еще не были там!..

СТАРШАЯ. Хорошо! Только ты подождешь у входа, на улице!

МЛАДШАЯ. Почему?

СТАРШАЯ. Смерть — не зрелище для детей!..

МЛАДШАЯ. А жизнь?

Выходят.

Пауза.

По залу:

— Бенкендорф!..

— Бенкендорф!..

Вошел *(с улицы)* юнкер — хрупкий, очень стройный как барышня. И совсем бы незаметный, если б не громкое имя.

ДВОЕ У ОКНА *(один другому)*.

— Не бойтесь! Это — не тот Бенкендорф!

А вслед юноше:

— Бенкендорф! *(И отворачивается от него.)*

ТИРАН *(Николаю Ивановичу)*. Как я его понимаю!

(Когда юноша идет, провожаемый взглядами.)

Подшел к группе молодых людей и ткнулся в плечо Льву Сергеевичу...

БЕНКЕНДОРФ. Он совсем изменился!.. Совсем изменился!..

(Что-то шепнул на ухо.)

ЕМУ. Т-сс! Тут дамы!

ДЕВУШКА. Кто изменился?

ЕЙ. Столыпин! Кому ж еще? Столыпин!

Пауза.

В это время навверх по лестнице взбежал какой-то запыленный, явно с дороги офицер, резко отличный от всех присутствующих.

— Я к полковнику!.. *(Карпову.)*

КАРПОВ *(полковнику)*. К вам!

Когда офицер почти ворвался в комнату.

ОФИЦЕР. Полковник! Я только что прибыл!
И только что — узнал!
Это все из-за меня!..
Перед вами судьба Лермонтова!

Пауза.

А в ресторации — старший из музыкантов оркестра (4-ый, «диригент») — вошел, сделал знак остальным, сидевшим тихо в стороне... Те поднялись и подняли с полу инструменты.

— Ваш выход! Ваш выход!.. (Поторопил.)
Не перепутайте ноты! (Они достали ноты.)

Музыканты вышли. И в зале — пауза какого-то незаметного движения к выходу...

ГОЛОС (откуда-то сверху, с колосников — как будто Дорохова, но усиленной громкости... Выкликавая).

— Полковник Безобразов!.. Майор Арнольди!.. Подполковник Тиран!..

(Возможно, несколько раз, как на вокзале.)

Люди — один за другим — заспешили к дверям.

Ресторация пустеет.

Опустел номер полковника из штаба — на втором этаже.

Остались только ИГРОКИ за столом...

В игре — запись... Второй записывает, а Первый — по-детски, с полуоткрытым ртом, следя за ним:

— И еще — за онеры!.. И еще за онеры!.. И еще — за онеры!

Оркестр за окнами! Похоронный марш.

1-ый (поднял голову). Что?.. Никого нет?

Пустая ресторация... Похоронный марш.

Игроки пересаживаются, меняясь местами за столом.

Пауза. Звуки марша...

Сэр Г. Миллс сдает карты, прочие принимают их, смотрят, на глаз прикидывают шансы...

(Звучит марш.)

1-ый (под нос). И еще — за онеры!

Пауза похоронного марша.

Вдруг кладет карты на стол:

— Нет, не могу!.. *(И идет к окну.)*

Остальные поглядели на него с недоумением. Только 3-ий, кажется, понял и — пожал плечами. Пауза. Звучит марш...

1-ый *(от окна)*. Полковник Безобразов — от нижегородских драгун!..

Арнольди — маиор — от гродненских гусар! От лейб-гусар — Тиран!

И унтер-офицер — от Тенгинского пехотного...

Пауза. Марш под окнами.

1-ый *(возвращается к столу и как бы в оправдание, усаживаясь)*. На руках — несут!

2-ой. Да тут недалеко...

СЭР Г.МИЛЛС. ... *(английская фраза.)*

1-ый. Что он говорит?

2-ой. Что в Европе не принято прерывать игру! — даже если конец свету!..

Игра возобновилась.

Еще какое-то время звучит похоронный марш, который вдруг сменяется почти без перехода — веселеньким мотивом музыки с бульвара...

1-ый *(поднял голову)*. Что они играют?

3-ий. Вы забылись! Это уже следующий день!..

Бал у Голицына!

1-ый. Разве?.. *(Провел рукою по лбу.)* Так незаметно идет время за картами!..

2-ой. Да. Нынче бал состоится. Хорошая погода. *(Обыденно. Смотрит в карты.)*

А ресторация постепенно вновь заполняется людьми, покинувшими ее — вчера?.. или несколько минут назад?.. *(Кто знает, что значит время?)* — ради чрезвычайного происшествия.

Люди встречаются, сталкиваются, переговариваются негромко.

Пауза... Отдаленная музыка.

За игорным столом:

1-ый ИГРОК. Все-таки ужасная история! *(Поежился.)*

2-ой *(не сразу понял)*. Ах, вы — о Лермонтове?!

Пауза.

3-ий *(глядя в карты)*. Ну, во-первых, человек убит, что прискорбно уже само по себе, хоть я и не относился к поклонникам его... Потом... один из нас убит одним из нас! — что тоже неприятно!.. И убил наш милый, загадочный, наш угрюмый майор... Я долго думал, что скрывается за его загадочностью?

М-м... Оказалось — вон что!

2-ой. Дуэль — не убийство: поединок чести!

3-ий. Оставьте!.. *(Поморщился.)* Этот казарменный гумор! Солдатский анекдот!

2-ой. Но все считают так!

3-ий. Почему это — все, когда я так не считаю?!.. *(Надменно.)*

А ПОДПОЛКОВНИК ТИРАН поманил зачем-то игрушечного офицера.

ОФИЦЕРИК. Вы — меня?.. *(Неколько удивлен.)*

Подошел.

ТИРАН выпил и несколько развязен. Но в границах приличий.

ТИРАН. Ну, не все ж вам стоять за чужим столом, следя чужую игру!

И молчит о чем-то...

ОФИЦЕРИК *(полагая, что они молчат об одном)*.

Как подумаю, что мы там оставили его одного!.. И ушли!

ТИРАН *(воззрился на него с любопытством)*. А открыть вам мои карты?.. Облегчить душу?..

ОФИЦЕРИК. Какие карты? *(Смотрит растерянно.)*

ТИРАН. Не стоит! И вы — не давайте мне говорить! Потом пожалеете!

ОФИЦЕРИК. Почему?

ТИРАН *(вдруг рассмеялся и ткнул его пальцем под ложечку)*. Тираны мира, трепещите!

И покинул в растерянности. Пауза.

В центре залг — кто-то, прислушавшись к музыке:

— А два дня назад намокли все бумажные фонари!

— Подумаешь! — Повесили новые — бумажные!

А ГОСПОДИН, что вчера писал письмо — пишет опять, но, должно быть, другое:

— *(Грызет перо)*. Все, что я писал тебе вчера... *(Зачеркивает)*. Я нечаянно был введен в заблуждение, изложив тебе причину... *(Зачеркивает)*. Вот как рассказывают эту историю вполне достоверно... *(Зачеркнул)*. Из самых достоверных источников. *(Пишет)*.

Проходят двое офицеров, из коих один тот, что вчера, под занавес, ворвался к Полковнику из штаба...

ОН *(другому)*. Бр-р! Так и вижу эту монету на полу. Как судьбу!

ДРУГОЙ. А монета — как упала?

ПЕРВЫЙ. Орлом.

ДРУГОЙ. Судьба!.. *(Усмехнулся)*. Ну, кто-то ж должен вертеть всем этим!.. *(Общий жест — на все вокруг)*.

Прошли.

За одним из столов ЛЕВ СЕРГЕЕВИЧ и ДЕВУШКА *(та самая)*.

ДЕВУШКА. Нет, вы скажите — как старший!

Мы будем ходить на балы? И радоваться, что сегодня нету дождя?

И забудем? И вовсе не будем думать?

ЛЕВУШКА. Да. Наверное. То есть, это — не совсем так!

Что-то в нас остается! Там, знаете... Потаенно!

ДЕВУШКА *(с улыбкой)*. Он и в гробу был так хорош, как живой!

Как по-вашему, это будет в портрете?

ЛЕВУШКА. Вряд ли... Вряд ли!

Все портреты врут — более или менее!

ДЕВУШКА. А Дмитревский так и не нашел мое бандо! То самое — с золотым ободком!.. Была бы мне память!

Пауза. Вдруг прикрыла глаза и очень внятно произнесла...

— Если что случится со мной — знайте, что это белые олени!

(И открыла глаза — как после сна)

Вы не знаете, что это — белые олени?

(Тряхнула головой словно сбрасывая наваждение)

Это Миша сказал, когда уходил! Я вспомнила, наконец!

(Вновь прикрыла глаза и повторила)

«Если что случится со мной — знайте, что это — белые олени»...

Что это?.. *(Спросила почти шепотом)*

ЛЕВУШКА. Не знаю...

Хотя... он мне что-то говорил. Нет, определенно говорил!

Я слышал от него... То ли они похожи на что-то, то ли — что-то на них... Не помню! *(Усмехнулся.)*

Но не могло ж у родителей достать на двоих!

ДЕВУШКА. А это неспроста, а?

ЛЕВУШКА. Я лучше вашего знал эту породу людей! Вот и скажут чепуху — а со значением! У меня был брат такой!

ДЕВУШКА. А разве бывают белые олени?

К их разговору прислушивается НЕИЗВЕСТНЫЙ за соседним столом, которого мы видели раньше — с мольбертом художника. Может, и сейчас у ног его сложенный мольберт.

Официанты начинают обносить присутствующих мороженым.

ПИШУЩИЙ ПИСЬМО *(поднял голову)*.

— Лермонтов сказал: «Знаешь, кто такая княжна Мери?.. княжна Мери — это твоя сестра!»

Мартынов в этих условиях был должен стреляться — как благородный человек!

Но зачем он — стрелял?.. *(Пишет.)*

За соседним столом — СЕСТРЫ — СТАРШАЯ и МЛАДШАЯ:

МЛАДШАЯ. Ну, ты довольна? Ты уже — не «княжна Мери»! Тебя разжаловали... Появилась новая претендентка!.. Сестра Мартынова!

(Понизив тон.) А тебе бы хотелось быть княжной Мери?..

СТАРШАЯ. Слушай, как я тебя терплю?

МЛАДШАЯ. Ты лучше спроси — как я себя терплю? Ты... меня терпишь лишь часть времени... Но я себя — все время!

Звуки музыки.

И люди прислушиваются к ней и покидают ресторацию один за другим.

ОФИЦЕРИК поднялся на пару ступенек вверх по лестнице, облокотился на перила и глядит, как зал пустеет. Грустен.

Мимо идет КАРПОВ.

ОФИЦЕРИК. *(окликнул)*. Карпов!.. *(И пожаловался ему.)* Как подумаешь, что мы там оставили его одного!.. В полной тьме!

КАРПОВ. *(писарским тоном)*. Да... Жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг — такая пустая и глупая шутка!

ОФИЦЕРИК. Карпов! — ты тоже разочарован?

КАРПОВ. А как же-с! *(С достоинством.)*

И пошел наверх.

А ОФИЦЕРИК подумал еще и побрел к игрокам.

ЛЕВ СЕРГЕЕВИЧ и ДЕВУШКА.

ЛЕВУШКА. *(расчувствовавшись)*. У меня был брат...
 Положа руку на сердце... я был не самым легким братцем. беспечен, легкомыслен... а в молодости и того хуже, увы!
 Я вечно досаждал ему неприятностями. Он платил мои долги.
 Молодость безмерна, не знает меры...
 Но когда его не стало...

Вдруг обнаруживает, что она смотрит помимо него и того, что он говорит — в пространство, в котором слышится музыка.

Спохватываясь:

— Вам надо идти!.. Там — что было, не было... развлекся немного. Либо отвлекусь!

ЛЕВУШКА. Я никуда не пойду. *(Но чуть приподнялась.)*

ЛЕВУШКА. Идите — идите! Вам надо! Идите!

ЛЕВУШКА. Это нехорошо!.. На следующий день!

ЛЕВУШКА. Ничего. Я отпускаю грехи. Идите, идите!

ЛЕВУШКА. Вы думаете? *(И пошла. Остановилась.)* Но мне вовсе не хочется, вовсе не хочется!

ЛЕВУШКА. Идите!

ЛЕВУШКА. А вы, Левушка?

ЛЕВУШКА. Но я старше вас!

И она ушла...

Тогда он постоял в одиночестве и перешел к столу — где сидят две сестры.

И они:

СТАРШАЯ. Ой, Левушка, вы!.. Как все ужасно, право, ужасно!

ЛЕВУШКА. Не говорите!

У меня был брат!.. *(Начал он опять.)* Он был не самый легкий человек... И я был не самый удачный у него братец!.. Но... я знаю этих людей!.. Это — особая порода!.. Они как боги нисходят к нам с Олимпа и им некогда научиться... быть обыкновенными людьми!

И вдруг заметил отсутствующий взгляд, полуоткрытый рот...

СТАРШАЯ. Мне даже не хочется идти на этот бал!

ЛЕВУШКА *(замахал руками)*. Идите, идите!

МЛАДШАЯ. Но мне не хочется. *(Искренне.)*

СТАРШАЯ *(в пространство)*. Мне вовсе не хотелось — идти на этот бал!

Старшая чуть подтолкнула Младшую. Уходят...

ЛЕВУШКА на ходу столкнулся с ОФИЦЕРИКОМ и стал рассказывать ему:

— У меня был брат!.. Он был великий человек! Великий, знаменитый... Я часто думал... Почему, собственно, господь все отпустил ему, а не мне?

Но когда его не стало...

ОФИЦЕРИК. Я сам не понимаю, зачем туда иду?

ЛЕВУШКА *(быстро)*. Идите, идите! Я вас задерживаю!

ОФИЦЕРИК. И не надо идти — а идешь... *(Развел руками. Ушел.)*

Зала быстро пустеет. И темнеет за окнами. Двое пожилых людей у окна:

— Мартынов!

— Где?..

— Вон, белая черкеска!.. Гуляет. С конвоиром!..

— И кто-то с ним раскланялся!

— А что, по-вашему, с ним в жизни теперь и кланяться не будут?

ЛЕВУШКА *(подожел)*. Где?

Ему показали: — Вон! Белая спина!

Один из пожилых: — Пошли и мы! Пора! *(Покидают зал.)*

ЛЕВУШКА *(стоя у окна)*. Белая спина! Белая загадка!.. *(Усмехнулся зловеще.)*

Пауза.

— Человек!.. *(Повелительно и властно.)*

Появился половой.

Жестом потребовал большой бокал, а не какой-нибудь...

И когда ему принесли — он в пустой ресторации *(поодаль только игроки)* — подошел к пустому столу и, присев на край его, отодвинул пустой стул и с бокалом в руке стал рассказывать этому столу:

— У меня был брат! Положа руку на сердце — я был не самый приятный у него братец! Я тянул с него деньги. Иногда таскал по секрету из его бумажника. Тискал его девок. Прокучивал его гонорары — с цыганками у Демута.

И што-с?

А потом его не стало. И я стал думать — может, это меня?!..

Выпил с пол-бокала. Опрокинул стул. Подошел к другому столу. Присел — и другому столу:

— У меня был брат! Положа руку на сердце — он был не самый легкий человек!.. И при жизни его — я устал. Всегда быть только чьим-то братом. Я думал, грешный человек — когда он умрет — а я моложе его! — я сам стану Пушкин...

М-м... И что же?

Когда его не стало — я понял, что кончилась и моя жизнь, как кончается жизнь тени!

Пауза. Игроки.

СЭР Г. МИЛЛС. ...*(английская фраза.)*

2-ой. Что он там говорит, этот человек?

1-ый. Это Пушкин — брат известного сочинителя!

2-ой что-то перевел.

Усмехнулся.

— Говорит, что Англия не знает такого!

3-ий. Скажите, это потому — что у них мужчины ходят в юбках.

Пауза.

Темнеет.

В номере ПОЛКОВНИКА.

ПОЛКОВНИК. Да, ты обещал мне — реестр вещам покойного Лермонтова. Что там осталось от него...

КАРПОВ. Все читать?... *(Ищет бумагу, потом читает.)*

Образ маленькой святого архистратига Михаила в серебряной вызолоченной ризе. Один.

Крест маленький, вызолоченный, с мощами. Один.

Писем разных лиц и от родных — семнадцать.

Собственных сочинений покойного на разных лоскуточках бумаги кусков — семь...

Поздний вечер.

Разошлись игроки.

В ресторации — один Лев Сергеевич. Сильно пьян.

Входит, видно разыскивающий его — ДОРОХОВ.

ЛЕВУШКА *(не глядя, обыденным тоном)*. Руфин, я все понял! Они убили его!

ДОРОХОВ. Кто?

ЛЕВУШКА. Кавалергарды!

ДОРОХОВ. При чем тут кавалергарды?

ЛЕВУШКА. Дантес — кавалергард. Мартынов — кавалергард...

Сначала брата, потом — Мишу. Убили!

Ты не знаешь их, как я знаю. Они — полк предателей...

ДОРОХОВ *(спокойно)*. Ты преувеличиваешь!

ЛЕВУШКА. Ты их не знаешь!.. В 37-ом они все, как один, стояли за Дантеса!

ДОРОХОВ. Ну, за кого-то им надо было стоять!.. Дантес был в их полку!..

ЛЕВУШКА. Нашего полку прибыло! *(Усмехнулся.)*

Первый полк русской гвардии встает горой за какого-то прощелыгу — иностранца!

Они все предатели. До одного.

ДОРОХОВ. Преувеличиваешь.

ЛЕВУШКА. Декабря 14-го — они первые пришли на помощь тому!

ДОРОХОВ. Ну, и что — не одни они!

ЛЕВУШКА. Они там сталкивали под лед раненых москвичей!

Сам видел!

ДОРОХОВ. Ты разве был на площади?

ЛЕВУШКА. Был. А ты не знал? Ты молод, вообще, и многого не знаешь!

ДОРОХОВ. Как же тебя не замешали?

ЛЕВУШКА. Да так... Я, понимаешь, все бегал, смотрел — ты ж знаешь меня! Пока соображал, то да се, кто за кого — и день прошел.

День короткий. Декабрь!

Давай кричать: «Кавалергарды — предатели!»

ДОРОХОВ. Не надо кричать!

ЛЕВУШКА. Давай крикнем вместе: «Кавалергарды убивают поэтов!»

ДОРОХОВ. Тише!

ЛЕВУШКА. Я один!

(Кричит.) «Преторианская гвардия убивает русских поэтов!»

Дорохов дает ему пощечину, легко и негромко.

ЛЕВУШКА. Што-с?

ДОРОХОВ. Ничего. *(Спокойно.)* Но я ведь никогда не был кавалергардом — ты знаешь...

ЛЕВУШКА. Руфин! Ты, кажется, ударил меня!

ДОРОХОВ. Тебе показалось.

ЛЕВУШКА. Да! *(Держась за щеку.)*

ДОРОХОВ. Нет!

ЛЕВУШКА. Я тебя вызываю!

ДОРОХОВ. А я не буду драться с тобой.

ЛЕВУШКА. Ладно! *(Вдруг тоскливо.)* Ты их не знаешь, как я их знаю. Кавалергардов...

ДОРОХОВ. Может...

ЛЕВУШКА. У них свои понятия о чести. Не наши!..

ДОРОХОВ. Да, нас ведь с тобой не взяли б в кавалергарды — мы ростом не вышли!

ЛЕВУШКА *(пьяно хихикнул)*. Да! Хотя на коне и в постели — все одного росту! *(Вдруг зверея.)* Я их вызываю! Их всех! Весь полк!

ДОРОХОВ *(спокойно)*. Завтра! Завтра!

ЛЕВУШКА. Не веришь? Я вызываю их!

ДОРОХОВ. Ладно. Пойдем!.. Тебе одному нельзя — с целым полком. А мы — вдвоем — мы, может быть, справимся! *(Обнял и пытается увести его.)*

ЛЕВУШКА *(вдруг останавливаясь)*. Руфин, скомандуй! — «Сходитесь или я вас разведу!»

ДОРОХОВ *(ровно и тихо)*. Сходитесь или я вас разведу!

ЛЕВУШКА *(вытянул указательный палец в темноту)*. Пли! Пли! Пли!

Дайте мне еще одного кавалергарда! *(И сотрясаясь в рыданиях, упал на грудь Дорохова.)*

Ушли.

Спустя какое-то время на лестнице, на площадке появился ПОЛКОВНИК в домашнем халате.

ПОЛКОВНИК. Кто тут кричал? *(В темноту.)* Я спрашиваю — кто кричал?

Из темноты вынырнул КАРПОВ и ровным голосом:

— Майор Пушкин, ваше превосходительство! С ним — солнечный удар! *(Постучал себя по голове.)*

ПОЛКОВНИК. Передайте майору Пушкину, что я не слышал, к сожалению, того, что он говорил, и потому прошу его завтра зайти ко мне!

Пауза. Темно.

ГОЛОС КАРПОВА. Шкатулка орехового дерева с бронзой — одна...

...Ножик перочинный с ножницами и другой небольшой сломанный... — два.

Кисть для бритвы с ручкою Нейзильбер... — одна.

...Бритв в черных черенках в футляре — две.

...Мундир поношенный — один.

...Брюк одни новые, другие поношенные, суконных форменных — двое.

...Шаровары поношенные — эдне.

Таковые же, серого сукна, поношенные — одне...

...Эполет мишурных пар три...

(Голос переходит в монотон, еще какое-то время не исчезая совсем.)

На площадке Последействия появился ПОЛКОВНИК в домашнем халате и невидимому собеседнику, в зал:

— Вам следовало обратиться к полковнику... *(Затруднился фамилией.)* Кушинникову — он вел дело. *(Помолчал.)* Понимаю. Обычная для нас, русских, сторонность — к чинам жандармского ведомства, к голубому мундиру. Зря, в сущности! Там тоже есть порядочные люди — как везде! Дело ваше, конечно! *(Помолчал.)*

Белые олени?.. Не масонское что?.. Не припоминаю...

(Еще помолчал.) Такие дела!

Мы что-то упустили — где-то, когда-то... В каких-то годах...

Теперь уж не поймешь, где и когда!..

Вы читали последнюю сводку из-под Севастополя?

Пауза.

ГОЛОС в монотоне почти без различения слов — продолжает читать описок вещей, оставшихся от усопшего Лермонтова.

Конец первой драмы.

Петер ХАКС

«МАГОМЕТ»¹

Драмы эпохи Людовика XV (1743-1757)

Трагедия «Магомет» вроде бы движется по привычной колее. Мы наблюдаем восстание крупного полководца, который ведет провинцию на столицу, намереваясь устранить королевскую династию и установить диктатуру высшей аристократии. Как обычно, речь идет о войне между королем и фрондой, и, как обычно, речь идет о судьбе дофина. Но дело кончается хуже, чем обычно.

«Магомет» был сыгран один раз для избранной публики в 1741 г. вне Парижа. В 1742 г. должна была состояться премьера, но представление было запрещено. Предлогом для запрета послужило, разумеется, то обстоятельство, что великий полководец, о коем поет пьеса, является основателем религии. Говорить о «Магомете» — значит говорить о религии и не в одном аспекте, но минимум в пяти.

Религия, если понять пьесу буквально, — это ислам. Негодяй Магомет — враг христианства и потому, уверяет автор, справедливо называется чудовищем. Но кардинал Флери отнюдь не понял пьесу буквально. Он хоть и лежал тогда уже на смертном одре, но сохранял ясный ум.

В «Магомете» вообще не идет речь ни о пророке, ни об изобретенной им вере. Но если бы и шла, его все равно следовало бы запретить. Основатель религии есть основатель религии, и Откровение есть Откровение. Ворон ворону и кардинал мулле глаз не выключет. Но «Магомет», разумеется, — пьеса о христианстве и разумеется, пьеса о политике. О продолжении политики христианскими средствами. Для власти нет ничего более предосудительного. Неудивительно, что регент пьесу запрещает. Убеждать, что Магомет — язычник, а город Мекка затерян в песках какой-то далекой пустыни значило бы в самом деле недооценивать цензуру.

То, что Вольтер говорит об отклонении от французского государственного католицизма, которое он осуждает в «Магомете», целиком и полностью совпадало с линией правительства. А не совпадало с линией правительства то, что он в принципе затронул вопрос о фрондирующем богословии и богословской фронде. Вероятно, Вольтер не чувствовал за собой никакой вины. Возможно, он твердо рассчитывал

¹ Глава из эссе Петера Хакса «Эдип-цареубийца. О драмах Вольтера».

на успех у кардинала. Он столь мало принимал всерьез христианство, что отнесся к нему как ко всем прочим политическим лозунгам, и как раз это оттолкнуло кардинала. Совершив эту грубую ошибку, он грубо вмешался в тонкое дело кардинала. Не в религию, а в политику.

(Недостаток религиозной метафоры в том, что ее можно запретить, не приводя особенных резонов. До сего дня все драмы, где христианство названо по имени, остаются несыгранными. Христианство, чем бы оно ни было, — это тема, которую театр обходит стороной).

Поношение религии не является целью «Магомета». Упрек адресуется фанатизму и обману просто как дурному поведению, как уродству в человеческих отношениях. Исследуется не роль безумия в благочестии. Исследуется роль безумия в истории.

Но все же вопрос о религии Вольтер не мог обойти, ибо многовековая борьба сословий против монархии велась прежде всего в форме религиозной распри. Шла атака фронды на трон Людовика XV, а выдавалось это за протесты против антиянсинистской буллы «Unigenitus». Общественные силы находились в состоянии войны, а выглядело это как склоки ультрамонтанов, галликан и янсенистов. Вольтер выполнял просьбу Флери выступить против этих последних: но Флери не пришло в голову, что Вольтеру придет в голову сделать это в театре. Иезуиты вели отчаянную борьбу за суверенную корону, а ее уже больше не существовало. С этой фракцией католицизма Вольтер всегда находился в хороших или, по крайней мере, в терпимых отношениях.

Папа Бенедикт XIV не раз придет на помощь Людовику и Вольтеру. Он подарит Франции Святой год — 1751, он смягчит «Unigenitus» компромиссной энцикликой и попытается найти умеренное решение вопроса об иезуитах. Уже в 1746 г. он позволит Вольтеру посвятить «Магомета» своей особе. Этим ручательством он обеспечит Вольтеру прием в Академию: во всем остальном усилия папы потерпят провал. Парламент останется неумолимо янсенистским, Помпадур будет упорствовать в своей антипатии к иезуитам. Людовик проявит прежнюю беспомощность. Церковную битву не удалось снять с повестки дня, как всякую классовую борьбу.

Даже ручательство папы Бенедикта, что Вольтер — надежный монархист, было сформулировано косвенно: он, де, — благочестивый христианин.

Вольтер, не веривший в Бога, был благочестивым христианином, в том смысле, в каком понимали благочестие все заинтересованные стороны. Ведь государственная религия ничего не говорит о Боге. Она является знаковой системой, в пределах которой выражают свои взгляды общественные группы, и не содержит никакого символа веры, никакой формулы, к которой можно примыслить содержание. Такое

христианство не есть исповедание Бога, это — исповедание короля. Философский атеист Вольтер политически вполне мог быть христианином.

Среди смехотворных ужасов, нагромоздившихся при смерти поэта в Париже, самым смехотворным был спор попов за право обращения поэта. Но к их же числу относятся и увертки Вольтера, и его полусогласия на исповедь, которую он все-таки постоянно откладывал. За вопросом, причисляет ли он себя к прихожанам церкви, стоял вопрос, причисляет ли он себя к сторонникам абсолютизма. Он причислял.

Для абсолютиста существуют аксиомы: неколебимые постулаты, опоры понимания мира. До тех пор, пока Франции суждено было иметь короля, Вселенная должна была иметь Бога. Если мыслить политически, аналогия напрашивалась сама собой. Для Вольтера было точно так же невозможно подвергать сомнению институт католической церкви, как, например, считать, что в общем-то одаренный драматург Шекспир может быть равным Расину. Если бы Вольтер явно признался в неверии, он был бы тут же «вышвырнут на живодерню», как его приятельница Адриенна Лекуврер. Он не желал этого.

На живодерне человека пожирают собаки, а того, кто после смерти оказался в собачьих пудках, по поверью, ждут крупные неприятности на Страшном суде: откуда прикажете ему восстать, когда протрубят архангельские трубы? Я, однако, полагаю, что не это соображение было главной заботой Вольтера. Он придавал значение тому, чтобы его труп — как при жизни его дух — избежал всякого отщепенства и был предан достойному погребению. И если он вместо этого в 1791 г. оказался в Пантеоне, а затем в 1814 г. все-таки на живодерне, то такова была его судьба, но не его цель. И там, и там он чувствовал себя не на месте.

Я попытаюсь, наконец, рассказывать по порядку. Пока что умирает не Вольтер, а кардинал, проклявший «Магомета». Кто правит Францией? Ах, да, король.

У Флери не было приемника. Но была некоторым образом приемница — маркиза де Помпадур, получившая в 1745 году титул официальной любовницы. Она неплохо обслуживала короля.

О Людовике XV нам известно, что он был человеком полнокровным: так было принято характеризовать мужчин, выделяющих большое количество спермы. Как сосуд для принятия едва удержимого семени Людовика Помпадур совершенно не годилась. Эта любовь, которая не была страстью, зиждилась на родстве душ и совместной работе. Если любовь — это отношения, когда двоим не скучно друг с другом, то их любовь была великой.

Фактически Помпадур трудилась для Людовика на рабочем месте, которое сегодня называлось бы должностью премьер-министра. Сами министры — до чего докатилась Франция! — либо не играли никакой роли, либо просто были врагами монарха. Вся власть принадлежала королю и маркизе, и как было бы прекрасно видеть Вольтера третьим в этом союзе. Тот, кто питал бы такую иллюзию, желал бы Франции блестящего рассвета. Вольтер питал эту иллюзию и желал Франции блестящего рассвета. Можно быть гением и человеком слегка не от мира сего.

В этой ситуации положение Вольтера при дворе должно было определиться так или иначе. Если Вольтер мог стать великим поэтом Франции, значит, он стал им теперь. Если Вольтер не становился теперь поэтом Франции, значит, он не был им никогда. Либо он — пророк отечества, либо — враг государства. Либо он — Расин Людовика XV, либо подлежит изгнанию на вечные времена. Вот о чем шла речь с 1743 по 1750 г.

Начало было небезнадежным.

Помпадур любила писателей, философов и банкиров, то есть те искусства, в которых есть некое содержание. Людовик предпочитал живописцев, садовников и архитекторов — искусства, в которых нет содержания. Он также не разделял пристрастия Помпадур к театру; да и как может тот, кто за все отвечает, ценить жанр, который ставит все под вопрос? Таким образом, Вольтер пользовался покровительством Помпадур. Существует постоянно наблюдаемое разделение труда между деспотом и его соправительницей: женщина претендует на право исполнять свои женские капризы и, кокетничая с оппозицией, поддерживает с ней контакт.

В 1745 г. Помпадур заказала Вольтеру оперу «Храм славы», в которой Людовик был представлен ролью Траяна. Траян, как тогда еще помнили, был величайшим из императоров в лучшем из столетий. Следовательно, Вольтер получил повышение в должность придворного историографа. Еще в 1743 г. он был запрещен, а уже в 1745 г. назначен королевским летописцем. Если вы не находите это нормальным, значит, вы не можете понять, в чем заключается мировая роль придворного поэта.

В 1746 г. он добился придворной должности камергера, теперь он стал «дворянином короля». В том же году он получает кресло в Академии и — более того — комнату в Версале. Не было ничего более дефицитного и желанного, чем комната в Версале. Это означало бесплатное питание и жилье, и в Версале имелась превосходная библиотека. Здесь он мог продержаться, здесь он мог спокойно встретить старость и исписать столько бумаги, сколько его душе было угодно. (Кстати, ему все еще выплачивали ренту, присужденную за «Эдипа», и он получал ее до конца дней).

Что же не сработало?

Понятно, что противники Людовика, которые не смогли тронуть самого короля, нанесли удар по фавориту. Противники Людовика — это аристократия, судебное сословие и духовенство, это «ханженская партия» королевы и буржуа-янсенисты, это глава адмиралтейства и военный министр; несмотря на взаимную ненависть, они были едины в своей ненависти к государству. Курьезным образом среди них замешался Фридрих Великий Прусский, который желает перевербовать Вольтера и потому сеет недовольство им, где только может.

Но противники короля не имеют власти свергнуть поэта короля. Это сумел сделать только король.

За это время произошли две битвы и два поражения. Людовик в последний раз сражается с парламентом за абсолютную власть и проигрывает битву. Вольтер борется за ранг государственного поэта и мыслителя и, как кажется, проигрывает битву. Но оба раза это — одно и то же сражение, и его дважды проигрывает Людовик. Поражение Вольтера следует из поражения Людовика. Расставание Вольтера со двором следует из расставания Людовика с абсолютизмом. Только победоносный король имеет силу терпеть рядом с собой приверженца по имени Вольтер.

Вольтер не бросает Людовика XV и не считает его бездарным. В «Эдипе» он показывает причину его невезения. Этой причиной является убийство Лая. Шанс усмирить сословия, как сумел это сделать Людовик XIV, был упущен регентом и больше не представится. Вольтер давно знал, чем это чревато для Франции и для него самого, и сказал об этом. Но как же он был ошарашен, когда потом все так и произошло.

Поворотным пунктом в карьере Вольтера был год 1747.

Со стороны это выглядит так. Вольтер отпускает шутки, которых не следовало бы отпускать, и в 1748 г. вынужден отправиться к королю Станиславу, то есть снова в полуизгнание, в далекую провинцию. Его старым пристанищем является Сире в Лотарингии, замок маркизы дю Шатле, точнее, маркиза дю Шатле, но Вольтер берет на себя расходы по содержанию обоих — супруги маркиза и его замка. С этого момента его карьера стремительно движется вниз. Поэт отечества становится изгнаником отечества.

Решение Вольтера отправиться в Берлин, в Пруссию (1750 г.), несомненно, было ошибкой. Вольтер не имел в виду окончательного разрыва с Людовиком, но Людовик понял, что окончательно разрывает с Вольтером, и запретил ему въезд в столицу.

До сих пор я не упоминал о прежних ссылках Вольтера; это были вечные отъезды-приезды. На сей раз его выслали окончательно

и бесповоротно. Вольтер увидит метрополию еще только один раз, когда вернется в Париж, чтобы там умереть.

Предпоследняя остановка на пути из столицы мира в ничто изгнания: 1755 год, республика Женева. Свободная Швейцария уже тогда весьма неприязненно относилась к иммигрантам-беженцам, но Вольтеру удалось найти под городом поместье на берегу Роны. Он купил его за большую цену и назвал «Les Delices». (Что можно бы перевести как «Приют блаженства» или «Сад наслаждений», но название содержит и другие смыслы).

Когда отношения между Вольтером и Людовиком XV стали невыносимыми, Помпадур писала поэту в одном из писем: «Судьба великих людей — клевета при жизни и восхищение после смерти, не так ли? Вспомните, что пришлось претерпеть Расину, Корнелию и прочим. И с Вами дело обстоит ничуть не хуже». Это «прочим» звучит в высшей степени по-королевски. Но, судя по письму, в 1747 г. всем было ясно, ЧТО было поставлено на карту. На карту было поставлено существование Вольтера в литературе и при дворе; ибо я остерегаюсь разделять эти две сферы. Вероятно, утешение было искренним. Самодержец может позволить себе многое; но он не может рисковать своим небольшим влиянием; продвигая нелюбимого поэта.

Что говорить, бывали изгнанники, которые жили хуже. Вольтер был предпринимателем, ростовщиком и обладателем миллионов в золотых монетах; у него хватало средств приобрести «Les Delices», приобрести в пожизненное пользование маленькое княжество Ферне — конечную остановку на его пути вниз от национального поэта до эмигранта. И вообще, разве изгнание — это кара? А не подарок судьбы? Материальное благополучие и спокойный труд на лоне природы — многим художникам это кажется благословением. Насколько мучительно, насколько тяжелой была кара изгнания? Для Вольтера она была высшей мерой наказания.

В централизованных государствах художники стремятся в столицу. В деспотических централизованных государствах их тянет ко двору. Двор — это место, где рискуют головой; именно туда они и хотят попасть. Овидий хотел к Августу, Шостакович хотел к Сталину. Это звучит странно, но тому есть причины. Одна причина — это опасность закоснеть вдали от двора. Провинциала раздражает не то, что в своей оторванности от столицы он не получает никаких новостей; его угнетает собственное неумение отличать главное от второстепенного. Человек в столице пренебрегает той пеной, которая вздымается вокруг него. Провинциал боится что-нибудь пропустить. Самая худшая форма провинциальности — страх отстать от жизни, когда человек начинает прислушиваться к сплетням и толкам из города. Только находясь в

центре, можно пренебрегать им. Художник должен целиком и полностью презирать моду. Вот почему он должен обитать рядом с ней.

Другая причина — делового порядка. При дворе художник достигает известности, особенно такой, которая ведет к гонорарам. Когда вы создадите себе имя при дворе, оно будет цениться повсюду. Работа двора по формированию общественного мнения в наши дни выполняется средствами массовой информации. Тот, кто принят при дворе или популярен благодаря СМИ, тот преуспевает, даже не прилагая больших усилий. Кто попадает в опалу при дворе или отвергнут СМИ — не добьется успеха не смотря ни на какие усилия.

Столь разумно объясняется парадокс придворного художника. Тиран может приказать перерезать ему глотку, и все-таки художник подставляет свою глотку, чтобы его все увидели в ложе рядом с королем.

Пять правителей (четыре француза и один немец) в разное время повелевали поэтом Вольтером, и лишь один Людовик XIV не сажал его в тюрьму и не высылал. Вероятно, потому, что в момент смерти Людовика XIV Вольтеру был всего двадцать один год. Похоже, Вольтеру была свойственна некоторая неуживчивость. Следует заметить, что причиной его неприятностей никогда не бывала трагедия. Обычно он страдал из-за эпиграммы или остроты, которую отпускал вечером и распространял утром. Там, где у него не было врагов, он спешил их нажить. Вольтер был тщеславен. Всем хочется думать, что Вольтер пал жертвой своего тщеславия.

Но тщеславие для француза — добродетель, а не порок. Он без стеснения выставляет напоказ свои достоинства, тем самым признавая за обществом право на злословие. Тот, кто позволяет восхищаться собой, позволяет и осуждать себя. Вольтер принимает правила игры двора. Выходить на первый план — это придворная обязанность. Хвастаться — не значит гордиться. Это не жест превосходства, а почти знак верноподданности. «Больше казаться, чем быть» — девиз эпохи барокко. Простота, прямота, неприязнательность — для буржуа и мелких дворян, то есть для оппозиции. Если Вольтер прошляпил благосклонность двора, то виной тому — его тщеславие, самое придворное из его качеств. Если тщеславие Вольтера и заслуживает порицания, то потому лишь, что и в этой добродетели он превзошел других придворных.

Тщеславие изгнало Вольтера из Парижа. Тщеславие влекло его в Париж. Для человека с таким характером пребывание в самых превосходных сельских поместьях и княжеских замках почти ничем не отличается от заточения в Бастилии.

Изгнание для Вольтера невыносимо, и вот он, не зная удержу, расписывает его преимущества. Начиная с середины 30-х годов он

бахвалится своим сотрудничеством с Шатле и прямо-таки до небес возносит счастье прозябать в глуши Сире.

В «Альзире» Вольтер (под именем Заморе) говорит:

Что дать тебе могу? Лишь сердце. Им владей.
Ты в глушь со мной бежать согласна от людей?

Разумная Эмилия на это отвечает:

Мой дух с тобой общаться может и в глуши.

В «Семирамиде» Эмилия (под именем Альземы) повторяет это предложение Вольтеру (каковой мечется там под именем Ниния):

Пустынная земля — любви взаимной лоно —
Заменит царский двор и славу Вавилона.

Видите, насколько сломлен этот поэт? — Теперь я рискну предложить окончательный вариант перевода французского «Les Delices»; мне кажется правильным самое скромное в своей двусмысленности значение: «Les Delices» означает «место, где можно жить».

Париж, говорю я, это святыня Франции и место поклонения ее пилигримов, это Мекка французов. В «Магомете» так прямо и сказано. Пьеса без обиняков повествует о смертельной вражде между королевской властью и аристократией. Обе стороны, сохраняя честь мундира, демонстрируют крайнюю степень враждебности.

Король, который самодержавно царит в столице песков во имя «добродетели, природы и истины», — более чем монарх. Это шериф сената Мекки. Монархия представляется чем-то вроде народного государства, монарх — чем-то вроде первого консула, двор — чем-то вроде палаты сенаторов. Титул Наполеона — «император республики» — оказывается, был отлично знаком французам. Людовик XIV выступает на этот раз не как привидение, но как идея — идея общественного дела.

Напротив, враг короля может отказаться от всех династических ужимок и отвратительных предлогов, какие в свое время стал бы приводить регент. Он наносит удар, ибо таково его желание, он не скрывает своих узурпаторских стремлений и часто гордится низменностью своих целей — изгнанный из Мекки заговорщик — становится в провинции главарем банды разбойников и теперь желает захватить трон. Он разжигает «пламя партийного духа», им движет «жажда почестей». Он — идея отрицания. Он — фронда во всем ее великолепии и опас-

ности, чудовище, монстр, беспощадный, блистательный, смертоносный.

Так и хочется сказать, что зло идет войной на добро.

Однако, как театральные законы Буало, так и законы исторической действительности требуют, чтобы «гражданская война» не могла найти разрешения в открытом бою. Магометова армия кочевников и варваров сидит где-то далеко, в своих владениях, он не имеет ее под рукой. Сначала он ведет атаку дипломатическими средствами; он предлагает «перемирие» — как раз такое, какое король и парламент снова и снова заключали в течение всего восемнадцатого века, имея в виду нарушить его при первой возможности. Однако большинство придворной аристократии держит сторону короля против Магомета.

В этом патовом положении вводится новый способ борьбы: заказное убийство. Обе стороны решают устранить предводителя противника и готовят покушение. Гражданская война ведется в форме убийства и контрубийства во время переговоров на высшем уровне.

Как образец придворного натурализма «Магомет» — предостережение и пророчество, картина ужасов, которыми грозит власть победивших янсенистов. Как поэтической притча «Магомет» показывает все ужасы партийных перегибов и морального беспредела. В государстве наблюдается падение нравов, в политической жизни утеряна всякая порядочность. Лесть и ханжество стали обычным стилем общения. Порок воспринимается как норма и правило. Убийство из-за угла, о котором идет речь, когда речь идет о «Магомете», надо понимать в двух смыслах.

Во-первых. Имеется в виду главная сцена пьесы — покушение в четвертом акте. У пророка есть двое молодых приверженцев — Сеид и Пальмира. Они любят друг друга, не зная, что состоят в кровном родстве. Дело в том, что они — брат и сестра, сын и дочь шерифа Мекки, которого им поручено убить. Этот омерзительный Магомет уже перед кровавым злодеянием отравил наемного убийцу Сеида медленно действующим ядом и собирается обесчестить Пальмиру, поклоняющуюся ему как богу. Итак, эти двое — заранее обреченные на смерть орудия преступления — исполнены веры в святое дело Магомета. Они убивают своего отца в великолепной сцене узнавания, где все и раскрывается: слишком близкое родство убийц между собой и с жертвой, а также гнусность подстрекателя. — «Сеидизм» стал именем нарицательным. Оно означает преступление, совершенное фанатиком ложной веры из преклонения перед кумиром.

Во-вторых. Вводя мотив теракта в политический театр, Вольтер еще раз предвосхищает событие, которое произойдет через пятнадцать лет: покушение сумашедшего Дамьена на Людовика XV. Тайные пружины этого покушения, как тайные пружины всякого покушения, так и остались невыясненными; ясно лишь, что Дамьен был за свободу, то

есть за фронду. Вольтер давно понял, что раздор между короной и парламентом носит антагонистический характер и со временем обострится. Вот почему он выбирает тему идеологического террора, «фанатизма». Контрабслютизм заявляет о себе как религиозная война, как война кинжалов, как война средств информации и убийц. «Мадам, — сказал жене Людовик, счастливо избежав смертельного удара, — меня убили.» Дальнейший ход истории показывает, что так оно и было. Он мог бы вычитать это уже в «Магомете», если бы не запретил пьесу.

(Для того, кому доставляет удовольствие сопоставление дат и проведение аналогий, заметим, что в том же 1756 г. Людовик XV получил еще один удар в спину. В этом году было два покушения — их совершили Дамьен и Фридрих Великий. Фридрих, которому ударил в голову английский хмель, вдруг разорвал союз и, толкнув Францию в спину, бросил ее в пропасть Семилетней войны).

«Магомет» — трагедия французского самодержавия. Вот почему я считаю эту драму ключевой для этой эпохи Людовика XV. За два года до обнадеживающего начала его правления она рассказывает о его безнадежном финале. Прогноз Вольтера предельно пессимистичен. В трагедии «Семирамида» фронда не уничтожена, она продолжает действовать, но победу — хотя бы на сцене — еще одерживает идея короля. Трагедия «Магомет» уже выводит в качестве заглавного героя злодея, и в ней одерживает победу фронда. Государство и доверие преданы. Заключительные стихи вольтеровских драм всегда важны. «Мир, — просит заключительная фраза «Магомета», — принадлежит тиранам.»

Трагедия отчаяния — последняя ступень высокой трагедии классицизма. Во всех следующих драмах Вольтер стремится соотнести привычные с юности сюжетные схемы с реалиями деградации общества; эти пьесы обнаружат своеобразный сплав неуверенности и усталости, но перестанут быть классическими трагедиями. Вольтер станет очаровательнее, но не станет лучше. Его шедевры были написаны в то время, когда Людовик XV обладал максимальной полнотой политических возможностей, когда Франция переживала свой звездный час. Две трагедии Вольтера, без которых не может обойтись даже самая убогая театральная культура, — это «Семирамида» и «Магомет». Страна, не имеющая их в репертуаре, не имеет репертуара.

перевод с немецкого Эллы ВЕНГЕРОВОЙ

ЦИФРЫ. ДАТЫ. ИМЕНА.

ЕВРЕЙСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ МИРА, конец 1991 года.

СТРАНА	НАСЕЛЕНИЕ чел.	ЕВРЕИ чел.
Австралия	17.596.000	89.000
Австрия	7.776.000	7.000
Азербайджан	7.283.000	16.000
Антильские о-ва	175.000	400
Аргентина	33.100.000	213.000
Армения	3.489.000	300
Багамские о-ва	264.000	300
Беларусь	10.295.000	58.000
Бельгия	9.998.000	31.800
Болгария	8.952.000	2.200
Боливия	7.524.000	700
Бразилия	154.113.000	100.000
Великобритания	57.908.000	300.000
Венгрия	10.512.000	56.500
Венесуэла	20.186.000	20.000
Гватемала	9.745.000	800
Германия	80.253.000	42.500
Гибралтар	31.000	600
Гонконг	5.800.000	1.000
Греция	10.182.000	4.800
Грузия	5.471.000	20.700
Дания	5.205.000	6.400
Доминиканская респ.	7.471.000	100
Египет	54.842.000	200
Заир	39.882.000	400
Замбия	8.638.000	300
Зимбабве	10.583.000	1.000
Израиль	4.580.000	4.144.600
Индия	879.548.000	4.700
Ирак	19.290.000	200
Иран	61.565.000	18.000
Ирландия	3.486.000	1.800
Испания	39.092.000	12.000
Италия	57.782.000	31.100
Йемен	12.535.000	1.700

Казахстан	17.048.000	15.300
Канада	27.367.000	310.000
Кения	25.230.000	400
Киргизстан	4.518.000	3.900
Колумбия	33.424.000	6.500
Корея	44.163.000	100
Коста-Рика	3.192.000	2.000
Куба	10.811.000	700
Латвия	2.679.000	15.800
Литва	3.755.000	7.300
Люксембург	378.000	600
Мексика	88.153.000	38.000
Марокко	26.318.000	8.000
Молдова	4.362.000	28.500
Нидерланды	15.158.000	25.600
Новая Зеландия	3.455.000	4.500
Норвегия	4.288.000	1.000
Панама	2.515.000	5.000
Папуа-Новая Гвинея	4.011.000	100
Парагвай	4.519.000	900
Перу	22.451.000	3.100
Польша	38.417.000	3.700
Португалия	9.866.000	300
Пуэрто-Рико	3.594.000	1.500
Россия	149.003.000	430.000
Румыния	23.327.000	16.800
Сингапур	2.769.000	300
Сирия	13.276.000	4.000
США	255.159.000	5.575.000
Суринам	438.000	200
Таджикистан	5.587.000	8.200
Таиланд	56.129.000	200
Тунис	8.401.000	2.200
Турция	58.362.000	19.600
Туркменистан	3.861.000	2.000
Уругвай	3.130.000	24.000
Узбекистан	21.453.000	55.500
Украина	51.158.000	325.000
Филиппины	65.186.000	100
Финляндия	5.008.000	1.300
Франция	57.182.000	530.000
Чехо-Словакия*	15.731.000	7.700
Чили	13.600.000	15.000
Швейцария	6.813.000	19.000

Швеция	8.652.000	15.000
Эквадор	11.055.000	900
Эстония	1.582.000	3.500
Эфиопия	52.981.000	1.500
Югославия**	23.949.000	4.300
ИРАК	39.818.000	114.000
Ямайка	2.469.000	300
Япония	124.491.000	100

* В Чехии — 4.700 евреев, в Словакии — 3.000.

** В Сербии — 1.900 евреев, в Хорватии — 1.200, в Боснии-Герцеговине — 1.000, в Словении и Македонии — по 100.

Таблица составлена по данным, взятым из ежегодника «*American Jewish Year Book, 1993*». Публикуем с любезного разрешения Еврейского Университета (Иерусалим) и проф. Серджио Делла Пергола.

ОТ РЕДАКЦИИ. Будем благодарны всем, кто располагает данными о расселении евреев и армян по странам мира, и предоставит эти сведения вестнику «НОЙ» (113534, Москва, а/я 11. Тел. 386-25-63).

Население Армении увеличивается

За последние четыре года население Армении увеличилось на 179 тысяч и составило 3 миллиона 760 тысяч человек. Некоторая особенность выведенного статистиками показателя состоит в том, что армяне, оставаясь прописанными на своей исторической родине, вынуждены сегодня жить за ее пределами. Тем не менее наблюдаемый рост рождаемости явно не стыкуется с тем расхожим мнением, будто состояние рождаемости находится в прямой зависимости от социальных условий жизни. 96 процентов населения республики составляют сегодня армяне, 1,8 процента — курды и 1,2 процента — русские.

Сергей БАБЛУМЯН

«Известия», 29 августа 1995.

САМИ О СЕБЕ

■ «Не глупо ли? Едва я крестился, меня ругают как еврея... Я ненавижу теперь одинаково евреями и христианами. Очень раскаиваюсь, что крестился: мне от этого не только не стало лучше жить, но напротив того, с тех пор нет у меня ничего, кроме неприятностей и несчастья.»

Генрих ГЕЙНЕ (1797-1856) — великий немецкий поэт.

■ «Моя вина состоит в том, что я родился евреем-скульптором, честным и среди русских.»

Из письма (1897) скульптора Марка АНТОКОЛЬСКОГО (1843-1902)

■ «Мой родной язык немецкий, все мои достижения также принадлежат Германии. Я считал себя немцем, пока не ощутил волну антисемитизма, захлестнувшую Германию и Австрию, это сделало меня евреем.»

Из интервью (1926) Зигмунда ФРЕЙДА (1856-1939) — великого врача, основателя психоанализа.

■ «Я люблю каждого, кто принадлежит к еврейскому народу, но родство душевное, близость подлинную испытываю только к тем, кто посвятил себя Торе...»

Владимир ХАВКИН (1860-1930) — бактериолог, создатель вакцин против холеры и чумы.

■ «В юности каждого еврея есть минута, которая запомнится ему на всю жизнь: когда ему становится известно о его неполноценности как гражданина и об абсолютной необратимости этого, несмотря на любые заслуги или таланты.»

Вальтер РАТЕНАУ (1867-1922) — германский промышленник и финансист, в 1922 году — министр иностранных дел. Убит членами террористической организации «Консул».

■ «Урок, полученный мной в этом году, я не забуду никогда — я обнаружил, что я не немец, даже не европеец, может быть, с трудом человек — я еврей.»

Из письма Арнольда ШЁНБЕРГА Василию КАНДИНСКОМУ. Арнольд ШЁНБЕРГ (1874-1951) — австрийский композитор, теоретик и педагог, основоположник додекафонии.

■ «В 1911 году я оставил еврейство, хотя и знал, что это невозможно».

Из письма Курта ТУХОЛЬСКОГО Арнольду ЦВЕЙГУ. Курт ТУХОЛЬСКИЙ — немецкий писатель. Род. в 1890 г. В 1935 г. покончил жизнь самоубийством.

■ «Ты не можешь отказаться от еврейского наследия и традиций шеститысячелетней давности, но в той же мере не в состоянии оторвать себя и от нееврейского наследия двухтысячелетней давности. И все же мы находимся под бóльшим влиянием идеалов общечеловеческого гуманизма, чем наших предков, вышедших некогда из египетского плена. Наши праотцы — это Гете и Шиллер не в меньшей мере, чем Авраам, Исаак и Иаков».

Из письма Йозефа РОТА Стефану ЦВЕЙГУ. Йозеф РОТ (1894-1939) — австрийский писатель.

Егише ЧАРЕНЦ (1897-1937)

ПАМЯТНИК

Я памятник себе воздвиг в мой трудный век,
Когда все рушилось, что камня и металла
Веками почитал прочнее человек.

Я памятник себе воздвиг из вещей дум
И песен яростных, звучавших в сердце века,
Как бури роковой неукротимый шум.

Я в Карсе был рожден, и хоть Ирана зной
Жег душу, как тоска по родине прекрасной,
Стал родиной моей весь этот мир земной.

1 декабря 1934 г.

перевод Арсения Тарковского

«ЕГИШЕ ЧАРЕНЦ». Художник Михаил Пюладян (Германия).

ВЕТЕР ГОРЫ МЕРКЕТЕ

— Хуступ — это гора, в пещерах которой я теперь живу.

Дни здесь проходят весело.

Все время дует ветер, он равнодушен ко мне. Люди тоже.

Дни здесь проходят весело. Я молча смотрю на горные вершины, хотя меня уверяют, что здесь нет гор, да и Арарат отсюда не видно — он где-то там, далеко. А, может быть, его давно уже нет? Да, горы иногда исчезают, растворяясь в облаках. Но ведь и из жизни многое уходит, также исчезая в небе.

Горы равнодушны ко мне, как и люди. Но равнодушие гор ранит меня, причиняет боль. Сам становлюсь болью. Как странно, что сердце может вместить столько боли. Даже боль Арарата.

— Созерцание вершин — напрасная попытка заглушить боль, — говорит мой собеседник.

Он не знает, что я — боль.

— Возможно, ты прав, но мне безразлична твоя правота.

Не могу же я избавиться от самого себя, но объяснять это у меня нет никакого желания. Я устал от слов. От равнодушного ветра. От молчания гор. Вот они гаснут в сумерках, растворяются, исчезают, на их месте — чуть позже — появятся знакомые видения, такие же далекие, недоступные. Я хочу освободиться от них. От всего. Мне кажется, что свобода — это освобождение от чужих слов, мыслей, чувств. Что счастье — это жизнь в мире с самим собой.

Хуступ — это гора. Здесь я окончу свои дни.

Дни проходят весело. Без усталости дует ветер. Я молча смотрю на вершины, хотя меня уверяют, что гор здесь нет, даже Арарат отсюда не видно. Нет, это не новое безумие, а последнее. То во мне, что ты называешь безумием, всего лишь память, которая никому не нужна, возможно, и мне самому. Но жизнь не исчерпывается тем, что окружает нас сегодня.

Не веришь?

Я тебя прощаю.

Я всегда прощал с легкостью. Мы все делаем с легкостью. И забываем с легкостью.

Моя болезнь меня не тревожит. Она беспокоит других, хотя они и скрывают это, а я делаю вид, что ничего не замечаю.

— Я должен успеть: кто знает, сколько мне осталось...Пиши!

...Католикос Завен сидел в кресле, водруженном, как знамя, в этой пустыне. И он, отвергнутый от Бога своего, осужденный на вечное одиночество, спорил с пустыней и вечностью.

От слабого ветра рыжие песчинки струились и, шурша по складкам одения, стекали к босым ступням.

...Словно окаменев, он смотрел на длинный деревянный стол, дальний край которого терялся в мутных водах озера. Мелкие волны пробегали верх по столу к католикосу и сбегали обратно. Иногда волны достигали тяжелых книг, разбивались об них и, вспыхнув брызгами, с шипением отступали. «Господи, услышь мою мольбу!» — возопил католикос. И песчаные холмы сползли к своим основаниям, путсыня разверзлась и трещины ее сочились кровью, воды озера окровавились, ибо вопль тысяч погибающих звучал в голосе патриарха.

— Ты понимаешь меня? Я сразу узнал его.

— Но ведь это был сон.

— Да, сон. Но все равно. Я услышал с его голос из тысячи голосов. Я и сейчас его слышу. Что-то из этого сна навсегда останется во мне. Страх, что он вновь приснится.

Светает.

Мир освобождается от ночных кошмаров.

Я тоже.

— Ты злой, бессердечный, — жалуется она.

Молча одеваюсь.

— Ты бездушный, — продолжает она.

Сегодня все укоряют меня. Пора привыкнуть к этому.

Странно, когда я прожигал свою жизнь, почему-то никто не жаловался. Быть может, тогда я не был злым, бессердечным?

Печальные голоса эхом отдаются в сердце, причиняя боль. Я должен избавиться от них. Освободиться.

— Наверное, я все-таки люблю тебя, — говорит она, одеваясь, — иначе ни за что бы здесь не осталась.

Кого она утешает?

— Наверное, — соглашаюсь я. Она обижается, решив больше не говорить со мной, но тут же продолжает:

— Знаешь...

— Знаю.

— Нет, ты ничего не знаешь! Ты ничего не видишь! Ты совершенно ничего не понимаешь. Но я все равно счастлива. Неужели я люблю тебя?

— Возможно.

А скорее всего, она просто придумала эти слова — и про счастье, и про любовь.

Дни здесь проходят весело. Молча смотрю на вершины, хотя меня пытаются убедить, что гор здесь нет. Правда, они иногда исчезают, но ведь и в жизни многое исчезает.

На днях я увидел (сквозь прозрачную гору) окно — там было утро. И там, за прозрачной горой, не заходило солнце. И не восходило. Просто висело над изумрудными водами озера и его лучи достигали дна. Там не было тени, свет просвечивал глубину, становясь сущностью всего окружающего, смыслом всего.

Сбегая в долину, быстрые ручьи вливались в озеро, тревожа прозрачность и спокойствие озаренных вод. По водам ручьев шли люди; достигнув берега, они входили в озеро, молча шли вглубь, глаза их щурились от света и были полны тоской. Как зачарованные, они смотрели на корабль посреди озера. Оттуда доносилась мелодия — чужая, но понятная, что-то пробуждавшая в памяти. Корабль покачивался на волнах, он словно звал меня.

Где я видел этот корабль? Где я мог видеть его?

Вдруг я услышал голос, он заглушил музыку, он словно обрушил на нее глыбы слов, так что, казалось, он сокрушит не только мелодию, но сам корабль.

— О, великое светило! Ты, без которого нет ни конца, ни начала, ни жизни, ни смерти, ты — беспредельное, но определяющее предел всему, ответь: а если бы исчезли все эти люди, ты продолжало бы сиять?! Смотри: ты светишь, но в глазах их — тьма, в душах — мрак, в сердцах — страх. Они рабы. Как у кормящей матери от страха пропадает молоко; так и наша родина иссохла, дети ее мертвы, они не умеют даже ненавидеть. О, великое светило, ты дало мне жизнь... Так дай же и меч, чтобы я мог погибнуть или победить!

И тотчас я увидел на вершине клинок — он полыхнул, как молния.

— Дай мне меч!

Люди, стоявшие в воде, повернулись ко мне. И молча двинулись ко мне. Пока гремел голос, они испуганно замерли. Но громовые слова смолкли, и я беззащитен. Меч — на вершине. А эти... им ничего не нужно.

— Но ведь это был только сон?

— Да, сон. Но что-то из него останется во мне, будет жить. Мертвые глаза тех людей... Тоска по громовому голосу и блеску клинка.

Хуступ... Это гора, на ледниках которой я умру.

Дни здесь проходят весело. И что мне от того, что другие думают иначе. Живут иначе. Ну и что?

Возможно, я ничего не понимаю.

Возможно, я ничего не знаю.

Возможно, я кто-то другой. Но рад, что я именно такой. Моя душа там, на ледниках. Она ли покинула меня, или я ее оставил? Но сейчас мы вместе. Мы в пути к вершине, на которой сверкает меч.

— Выпьем, — предлагаю я.

Он молча наливает.

— Почему ты молчишь? Почему не говоришь, кто ты?

Он молча наливает.

— Или ты тоже боишься воспоминаний? Я пью за тебя.

— За них. Ты знаешь, за кого. — И снова молчит. У него такое выражение, словно он больше никогда не заговорит.

Он пьет до дна и уходит.

— Ну, теперь ты понял, что он сумашедший? — смеется женщина, которая продает нам вино. А иногда дает в долг. И я с ней сплю — иногда. — Теперь ты понял, что он такой же безумец, как ты.

Я иду за ним. Он доволен, что я больше не задаю вопросов. Потом мы сидим у обрыва. Просто сидим. Откуда-то появляется собака и, положив мне морду на колени, засыпает. От ее тепла я чувствую себя еще боле одиноким. «Э-ге-гей, — зову я сам себя в ночной тьме, — э-ге-гей!» Собака испуганно скулит и убегает. В последнее время все от меня уходит. Нужно привыкнуть к этому.

— Может быть, войдешь? — спрашивает женщина, с которой у меня «роман», как она утверждает.

— Не знаю.

— Я жду.

В ее голосе — боль. И мне вдруг хочется взять ее прямо здесь, на земле, на камнях разрушенного храма, под уродливыми скрюченными деревьями, на зло всем этим святым, на зло надменным и беспощадным пророкам.

— Пиши, говорю тебе, не останавливайся. А, может быть, я действительно сошел с ума? Все равно пиши, безумец. Продолжай...

25 октября 1898 года корабль «Гогенцоллерн» вошел в порт Хайфы. Оттуда до Яффо кайзер Вильгельм II продолжил путь по суше и 28 октября прибыл в Иерусалим. После освящения храма император подарил немецким католикам клочек земли вблизи могилы царя Давида и неподалеку от дома, где, по преданию, умер апостол Иоанн. Папа римский поблагодарил императора за щедрый дар христианскому ми-

ру. На обратном пути Вильгельм II посетил Дамаск и в знак признательности гостеприимному шейху Абдулле выразил надежду, что все триста миллионов мусульман склонятся перед халифом и возвысят его. «Мы же заверяем вас, что во все времена германский император останется вашим верным другом!»

А спустя годы в Салониках состоялась великое собрание младотурков. В тот августовский день 1910 года в день летнего солнцестояния, когда лучи солнца упали на полумесяцы минаретов, отчего они словно окрасились кровью, в тот день, который еще называют днем Сатурна, — великое собрание Салоник постановило: если бездомный и отвергнутый Моисей, кроткий и наивный Иисус, худородный Магомед смогли утвердить веру среди народов, то почему бы нам не основать религию Турана?! Отныне наша вера — пантюркизм, а наша родина — не Туркестан, не Турция, а великий бескрайний Туран. В этой державе не будет места неверным. Пусть гяуры поторопятся стать правоверными, иначе их ждет страшное.

— Не останавливайся, пиши!

... От Ефрата до Нила, от ливийских пустынь до Синая воцарилась молчание. Никто не смотрел на небо — боялись, что и небо обрушится на несчастных. Не смотрели друг на друга — все было враждебным, все таило опасность. Врагом была дорога. И пустыня. И вода. И ветер. И безветрие. И камни. И солнце. И тень.

И люди обезумели, ведь каждый звук, каждый шорох и стон, капля и песчинка, пыль и дым, трупный смрад и благоухание жасмина — все стало вестником гибели. Явилось нечто, питавшееся смертями, чему нет даже имени. И люди обезумели, проклиная разум, который не мог ни объяснить, ни спасти, ни обнадежить, ни утешить. И о смерти молили несчастные, не веря, что кому-то удастся вымолить жизнь. И не было меры страданиям, предела — мукам человеческим, ибо там, в пустыне Дер-Зор, на склонах горы Меркете у человека было отнято все, там сходились пути караванов смерти, там брал начало Великий Конец. КОНЕЦ ВСЕГО.

Алеппо...

Битлис...

Ван...

Дер-Зор...

Ерзнка...

Зейтун...

Карс...

Дорога — Мескене — Дер-Зор. Гора Меркете. Тюрьма Аяш.

— Какой смерти ты хочешь, гяур?

— Забросайте меня камнями, камнями убейте меня.

— Какой смерти ты хочешь, гяур?

— Забросайте меня камнями, камнями убейте меня.

Сын не смотрел на отца, отец на сына, муж отводил взгляд от жены, жена от мужа, ребенок закрывал лицо...

— Попроси кусочек мяса, я не выдержу больше.

— Не дали.

— Если я умру, ты им тоже не давай моего мяса. Ешь сам.

— Какой смерти ты хочешь, гяур?

— Камнями забросайте меня...

— Ваш император не может нам помочь?

— Уповайте на Господа.

Но Бога не было. Он молчал. Ветер доносил из пустынь стоны. Но города молчали. Все города мира, кроме одного — Константинополя.

«Списки погибших, полученные в эти дни, не удовлетворительны. Из этих сообщений видно, что они там слишком спокойно живут. Их переселение не должно выглядеть как путешествие. Не жалейте сил. Старайтесь. Не забывайте, что место переселенцев — в никуда. Правoverные, не выставляйте свою слабость. И никогда не призывайте к миру. Пока вы могущественны — аллах прибудет с вами. Будьте уверены, что день и ночь в войне за нашу веру предпочтительнее богу, чем ваша скромная молитва в тени дома.

ПОЛИС»

Я СЕГОДНЯ ГОРЕ И БОЛЬ ПОВЕРЯЮ АРМЯНИНОМ.

МИР ВИЖУ ЕГО ЗРАЧКАМИ.

Я СЕГОДНЯ МЕРУ СТРАДАНИЯ ИСЧИСЛЯЮ АРМЯНИНОМ.

ПРАВДУ И ЛОЖЬ РАЗЛИЧАЮ АРМЯНИНОМ.

Я ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ РОДА ЛЮДСКОГО ИСПЫТЫВАЮ ИМ.

ИБО РЕЧЬЮ МОЕЮ СТАЛ ОН — ГОНИМЫЙ В ДЕР-ЗОР, СТАВШИЙ ПРАХОМ. РАЗВЕЯННЫЙ ПРАХОМ ПО ВСЕМУ МИРУ, ПЕРЕЖИВШИЙ СВОЮ СМЕРТЬ И ВОССТАВШИЙ НА ГОСПОДА СВОЕГО.

Хуступ... Это гора, где я останусь до тех пор, пока не стану журчаньем ручья, тенью ястреба.

Дни здесь проходят весело. Моя болезнь мне безразлична. Она интересует других, но я делаю вид, что ничего не замечаю. Что видеть, на что закрывать глаза — вопрос деликатности. Я не высоко ценю искренность, тем более — откровенность. Да и в чем она, если ночью думаешь одно, а в полдень — иное.

— Ты когда-нибудь слышал о горе Меркете? — спрашиваю я друга, который навещает мэня, наверное, надеется, что я скоро умру.

— Меркете? — удивленно переспрашивает он.

— Да, Меркете.

Он задумчиво смотрит куда-то. Глупости, думаю я, зачем ему знать об этой горе. Даже не горе, а пригорке, холме.

— Господи, — воззвал католикос Завен, — Господи, теперь, когда не осталось никого, где моя паства и чей я пастырь? Для кого молиться мне? Чьи души спасти?

Когда тьма застила солнце, а время остановилось, когда тени исчезли с лица земли, ибо само солнце поглотила тьма, католикос пришел к горе Меркете.

— Где мой народ?

Раскаленный жаром пустыни, остуженный снегом вершин, ветер достиг горы Меркете. Он опустился к руслу высохшей речки, между камнями.

— Ты готов? — спросил ветер католикоса, когда тот окончил молитву.

— Да, — твердо ответил католикос.

Ветер вырвался из ущелья, хлестнул гору Меркете и взвился в звезду бездну, унося с собой католикоса Завена.

Григорий ЛЕВИН

ЛАДОНЬ

Старухи нищенки обугленной ладонью
 Сильней, чем пятна глаз, чем опаленный рот,
 Ты о себе напомнил, мой народ.

Я русской речи сердце мое отдал,
 Я, как с любимой, с нею кровь смешал,
 Но вздрогнул, услышав речь моего народа,

Из этих губ, через изодранную шаль,
 Древней пророчества, простое «Гоб рахмонес» —
 Чужих о милости молящая душа.

Всех языков родней мне русского звучанье,
 Землей родною я Украину называл,
 Но душу мою жжет еврейское отчаянье.

Так женщина стоит, я ей бы сердце отдал,
 Чем равным отплатить за горечь и за боль?
 Кто здесь поймет тебя, мать моего народа?
 Кто в ноги упадет, неузнанный тобой?

1942 г.
 Казань

Владимир ИВАНОВ

Здравствуйте, добрые евреи!
 Исаак, Рувим, Абрам, Соломон и Фишер!
 Время уже истекает, вот вы и поседели,
 О мои добрые евреи.
 Что же вы жили, копили и волновались?
 Вот ты, Исаак?

Тебя изуродовали шашкой в 19-ом.
 А ты, Рувим?

В 37-ом тебя посадили как врага народа,
 На стройках на Колыме
 ты отморозил руку,

Нету кисти левой твоей руки.
Ты, Соломон? Сын погиб на войне,
дочь в гетто,
А сам был сослан в 48-ом за космополитизм.
Ты, Фишер, зачем копил деньги,
Жил спокойно, сына к деньгам приучил?
Сын растрелян за валютные махинации.
Исаак, Рувим, Соломон, Абрам и Фишер,
Богу не молимся?
Больше не строимся?
Глаза глядят на тот свет.
А жены ваши?
Фаня, Роза, Рифа, Фира и Мирра?
Горе горькое им.
Умирать в одиночку.

1961

* * *

Благочестивое еврейство
Сидит за убраным столом,
Все пережившее еврейство
Угрюмо мыслит о былом.
Они судьбу свою вверяли
Народу, для кого в трудах
Свой гений и талант теряли,
Хоть знали, что всегда впотьмах
Хранит погромщик камень тайно,
Да и любой из них падет,
Падет от гнева и случайно,
Когда захочет тот народ.
Деяние его — злодейство,
Движение души — погром...
Благочестивое еврейство
Сидит за убраным столом.

1961

Дмитрий ЩЕДРОВИЦКИЙ

МАСИС

Видя миры непроснувшимся взглядом
Щупал крылом, выбирал помилей,
И возлюбил пироги с виноградом,
И воплотился на тяжелой земле.

В северный день родился ненароком.
Злились прохожие: что за дурак
Поднял в саду, за игрушечным гротом,
Плач об армянских глазах и горах?...

ГОЛОС ИАКОВА

И ты во сне бежал — и сдвинуться не мог,
Как загнанный олень, запутавшийся в чаще.
Кровавый пот секунд, сочившийся на мох,
Был поднесен тебе в твоей горчайшей чаше.

Пригубил ты — и лег. И в этот самый миг
Звучащие тела мелькнули меж стволами —
И все заполнил свет. И он вмещался в них,
Но был превыше их, как лик в картинной раме.

И ты забыл про смерть. Под греблю грубых рук,
Сияя, голос плыл. Ты вспомнил, как Ревекка
С корицей пряною смешала горький лук,
Уча Иакова. Тебе открылись вдруг
Безумье, нищета и слава человека.

НАДГРОБЬЕ

Два оленя охраняют
Драгоценную корону
На надгробном сером камне.
Поперек зима легла.
Развороченные кроны.
Город Ровно.
Путь неровен.
Это руки Аарона.

Впереди — январь и мгла.

Впереди — двуликий Янус.
Ты пройди, а я останусь,
И в двусмысленную данность
Жизни бежевой вгляжусь:
Что-то сплошь нам
Встречи с прошлым
Предстоят. Нас водят за нос.
Лишь для виду
В двери выйду —
И рожденным окажусь.

Два оленя скачут гордо.
К сожаленью, надпись стерта,
И корона увенчала
Изначальный, общий рок.
Плотник, пекарь иль сапожник —
Как сумел, меж дел тревожных,
Ты взрастить оленей нежных,
Чем стяжать корону смог?

Галаадских бег оленей
По надгробьям поколений,
Псалмопевца умиление:
«Как олень спешит к воде —
Так, презрев земли двуличье,
Я Твое взыскал величье,
Сбросив имя и обличье:
Нет меня...
Но Ты — везде!...»

Александр ВИНОКУР

Два Арарата, как два брата.
Печальны оба. День за днем
С утра до самого заката
Они стоят у входа в дом.

Печально мне. Седые братья,
Седые оба без вины,
Стоят и слушают проклятья
Чужой жестокой стороны.

И Араратская долина,
 Как вся Армения, как мать,
 Что родила их и растила,
 Не может двух сынов обнять.

*Александр Винокур. Конец сезона.
 «ARCADIA-PRESS». Тель-Авив. 1994*

Михаил ВИРОЗУБ

ИЗ ИСТОРИИ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА

Будут лаять собаки и колокол бить поутру.
 По дороге на запад уйдет непролившийся дождь.
 — Зря собрали белье! — всполошенному скажет двору
 бабка Настя. Потом: муженек, на когф ты похож!

И заохают бабы, ругнется обиженный муж.
 — Ты, Настасья, даешь! — Папиросу старик засмолит.
 Мне запомнилась эта картинка: как был неуклюж
 разгороженный мир зычных бабок, детей и корыт!

Месяц жизни в провинции! Сразу любой уголок
 нет, не близко — знаком. Замечаешь на каждом окне
 граммофонные трубы глоксиний. Я думать не мог,
 что татары сюда подъезжали, поили коней.

О, история! Впрочем, история тут ни при чем,
 потому что событий иных этот город не знал,
 и как будто завешен он тысячу лет кумачом,
 и приходят раз в год поезда на роскошный вокзал.

В городке есть музей, при музее — хромой краевед.
 Говорят, он из ссыльных (и сослан, похоже, Ордой);
 и, привесив медали, за маслом бежит он чуть свет.
 Все дорогу ему уступают — понятно, герой!

По дороге идет Соломон — переплетчик-еврей.
 Он один здесь, но с ним появился еврейский вопрос.
 Переплетчик стареет, однако вопрос все острее.
 До решения этой проблемы народ не дорос.

А на площади (есть тут и площадь) по праздникам — сход.

Вот народный трибун начинает речугу толкать.
Впереди — бабка Настя и прочий трудящий народ.
И безмолвствуют все, потому что субботник опять.

Так проходит вся жизнь между митингом, кухней, двором
Жизнь повсюду кипит от свершений и всяческих дел.
Я забыл сообщить, здесь бывает еврейский погром,
а иначе в истории города был бы пробел.

Из кн. «Дикобраз». Москва, 1994. экз № 171

Елена МОЦКИНА

ПСАЛОМ

Господи, услышь мою молитву,
внемли, я опять к Тебе взываю.
Ангелов небесных призываю
Дать мне щит на праведную битву.

Нет покоя в дне моем усталом.
В сердце Твое имя не забыто.
Вся Земля страданием изрыта
Под Твоим небесным опахалом.

Снова вижу призрачные дали,
Преклоняю пред Тобой колени.
И в рассеянной ажурной тени
Жду, чтобы цветы не увядали.

Господи, услышь мою молитву,
Внемли, я опять к Тебе взываю,
Ангелов небесных призываю
Дать мне щит на праведную битву.

Семен ГРИНБЕРГ

СЕМЬ ПЬЕС ИЗ КНИГ ЦАРСТВ

ДАВИД

Еще не царь,
еще в предбанник зван чрез Йонатана,
Играя музыку, понятную царю,
Он делает глоток из царского стакана,
И вслух, и мысленно сказав: «Благодарю».

Отравы нет — водичка из-под крана.
Сбежав по лестнице навстречу фонарю,
Мерцающему возле ресторана,
У входа отвечает: «Не курю»,

И входит, где свои и скатерти, и лица.
И лица красные, и скатерти в вине,
И соглядатай в каждом стакане,
И этот, что хотел махоркой разжиться.
Бежать, бежать, чтобы не очутиться
Пархатой бабочкой пришпиленным к стене.

ШАУЛЬ

Ускорив шаг, Шауль почти вбежал в пещеру.
Присел, прислушался, переступил.
Его оцепеневшую фигуру
Неверный свет на части разделил.
На плащ и голову.
И отворились поры.
Дух снизошел и русло изменил.
Пот выступил на лбу. Едва достало сил
Поднять ресницы, тяжкие, как шторы.
И вот увидел он всю ту же темноту.
И привкус горечи почувствовал во рту.
И встал. И вышел продолжать безумную корриду
Наружу, где светло и где евреи ждут,
Оставив в темноте Давида,
В руке сжимающего царственный лоскут.

УРИЯ

Как искажают наши имена —
Давид — Вирсавию? Да ни за что на свете!
Глаза воловие, чудовищные ноги эти...
Смотри внимательно — сейчас войдет она,
Нет, не Вирсавия, а козочка Бат-Шева.
Из-за такой же дурочки была
Сто лет назад Троянская война.
Царица Азии, Европы королева,
Открыла дверь и в комнату вошла
Вдова, наследница листа военкомата,
Где всем положены и камушек, и дата.
Запястья звякнули, присела у стола,
Мы помним, Господи, Давидовы дела,
Помянем нынче Урию-солдата.

ДАВИД

И он солдатом был,
но был другим солдатом.
И в поле под Латруном не лежал.
И царь, которому он тоже помешал,
Во гневе выглядел, я бы сказал, поддатым

И оттого ему пришлось бежать.
И будучи к разбойникам причислен,
Он постепенно начал понимать,
Что к пиву хороши общественные мысли,
А остальные нужно про себя держать.

И стал царем. И стал вспоминать
Давешнее убийство Голиафа,
Ту тень громадную, что выстелит луна
За полуночной рюмкою вина
Подобьем несгораемого шкафа.

ЕЩЕ ДАВИД

Сначала рюмку полную...
— Итак,
пращу, пастушескую сумку,

И пять камней округлых из ручья.
Еще бы палку. Чья это? Ничья.
Взял и ее...
И вновь наполнил рюмку.
И отхлебнул. И выпил. Помолчал.
— И вот пошел пустой, как на собаку.
Нет, это можно только сгоряча
Ввязаться в сногшибательную драку
Противу дротика, копья, щита, меча.
А, ведь, косая на двоих одна,
И не щадит ни нищего, ни Креза,
Кто первый врезал, тот и господин.
А я, с веревкою, да на его железа...
С веревочкой. Но он-то был один.

МИХАЛЬ

Ну, что, принцесса, стыдно за меня?
И муж, и царь, а скачет, словно нищий,
Халявную бутыль вина опустошивший,
Пред всем Израилем и посредине дня.

Куда изящнее — «Полцарства за коня!»
И стать Щелкунчиком или того почище.
Но, милая, пастух, совсем иного ищет,
Чужая ты и вся твоя родня.

Нет, нет, Михаль, не закрывай окна.
И чашку эту вылакай до дна,
И шторы разведи, и стой, поджавши губки...
А ты свою провидела судьбу?
Или мою — у зева душегубки
И с кожаной коробочкой на лбу...

ДАВИД

Упреки? Может быть. Зато ни тени страха.
Он мысли и дела не ведал наперед.
Но и не восседал в собраньях «Маараха»,
И был, как дерево весной в потоках вод,

И слушал, согревавшую его,

Но так и не согревшую ни разу,
Хотя, сказать по правде, не легко
Поверить ее странному рассказу:

Из Ленинграда, с матушкой вдвоем,
После войны сначала через Польшу,
И вот теперь в Израиле живем,
И слова русского не слыхивали больше.

Дмитрий СЛИВНЯК

ЯИР ПЕСАХ, ОН ЖЕ БЕЛЫЙ ШУМ

А.К., петербургской поэтессе

Все мы вышли из мифа, только разными путями.

В свое время греческие философы, уставшие от сварливых красавцев-небожителей, открыли единого Бога, настолько совершенного, что даже божественным пальцем Он не мог пошевелить — не то, что создать чего-нибудь или кого-нибудь избрать. Ведь, если Он что-нибудь сделает, значит, внутренне изменится — то есть, или раньше был не вполне совершенным, или что-то от Своего совершенства теряет... Потому и философы интересовались только неподвижным, константным, и в собственной жизни культивировали то же самое.

А еврейский Бог был всегда очень единым, очень хорошим, но при этом хлопотливым необычайно. То Он чего-нибудь творил, то совал Свой метафорический нос в разные темные углы, а отдыхал за все это время, кажется, только один день. Таков же и народ Его: раз в семь дней предается рафинированному ничегонеделанию, полагая в том добродетель, а остальное время суетится, хлопочет и гонится за справедливостью.

Что касается нас, то мы жили в мире констант, где билет в метро уже пятьдесят лет, как стоил пять копеек, люди получали до конца жизни символическую зарплату и платили за все символическую цену. В одной немецкой комедии некий сторож предлагает знакомому драматургу написать пьесу о том, как он (сторож) счастлив со своей женой. На подобном спектакле постоянно присутствовали и мы, и надо бы жить да радоваться, так на беду мы были евреями...

Я расскажу вам про человека, знакомого мне по жизни в Ереване. Звали его Давид Эпштейн, прозвище он имел — Белый Шум, а почему — это вы узнаете потом. Бог сочинил людей, а человек способен сочинять только стихи или факты из собственной биографии. Давид был стихотворец и писал под псевдонимом Яир Песак. Поскольку он не опубликовал ни строчки даже в самиздате, а подмостки в малогабаритных квартирах предусмотрены не были, то функционировал его псевдоним примерно так. Сидит себе Давид на диване на каком-нибудь якобы поэтическом вечере (они были у нас ужасны, с чтением Надсона и Фруга), сидит и вдруг заявляет: «Эти стихи я написал под псевдонимом Яир Песак». И начинает читать. Почему именно Яир Песак? Песак — это понятно, это праздник нашей свободы (говорит Давид), а почему Яир? Фамилия матери — Штерн, и что еще нужно? Кстати, отца звали Абрам Ильич... Ну, а прозвище Белый Шум появилось вот при каких обстоятельствах. Дело в том, что Давид был чело-

веком занудливо-неуловимым, постоянно шлялся по городу, как медведь-шатун в зимнюю пору, сидел в открытых кафе в каких-то полуармянских компаниях и всем надоедал разговорами — о Мандельштаме, о Талмуде, об истории антисемитизма... Служил он в те времена в одной мифической конторе вроде бы программистом, приходит однажды на работу, а там как раз семинар, и обсуждают проблему белого шума. Появился Давид на пороге, а кто-то возьми и скажи: «Белый Шум пришел». С тех пор и осталось.

При этом он ходил зимой в кошмарном драном пальто и лыжной шапке, летом — не помню в чем, морду имел мужиковатую и непрерывно лыбился (иным словом эту гримасу и не обозначишь). Сам Давид, впрочем, хорошо сказал о своем облике в стихотворении «Визитная карточка»:

Вот он я — иду по случайной улице,
 Человек с пересаженным языком,
 Машинально глотая приставки и суффиксы...
 Познакомьтесь, если кто еще незнаком!
 Если хотите, давайте сделаем ревизию
 Содержимого карманов моего пальто:
 Трамвайные талоны, остатки провизии,
 Кукиш, медная мелочь, да носовой платок...

Далее шла сионистская пропаганда:

А есть край, где зима — как лето в Прибалтике,
 И на пляже говорят языком пророков...
 А мечтать я любил еще маленьким мальчиком,
 И сейчас люблю, только мало проку...

И, наконец, резюме:

Вот так я и шатаюсь по улицам вашим
 В шапке набекрень и в нелепом пальто.
 То, что я скажу — больше никто не скажет,
 То, что я скажу — не услышит никто.

А на что он, собственно, жаловался? Даже в питерский машинописный журнал, названный женским именем ЛЕА — и то не удосужился послать стихи, не говоря уже о том, чтобы с риском для жизни передать их в «22», и они бы там появились, сопровождаемые фразой: «Стихи прибыли по каналам самиздата и печатаются без ведома автора». Так уж и без ведома...

С другой стороны, Ереван — тоже не то место, где может вернуться поэт национальной темы. Евреев — раз-два и обчелся, идейных сионистов и преподавателей иврита — чуть больше, да и на игрища наши иудейские Белый Шум редко ходил, а когда ходил, высказывал какие-то странные желания — например, как-то он вздумал изучить комментарий Раши, не знакомясь при этом с комментируемым текстом. Еле мы его от такой затеи отговорили, а потом долго вспоминали тот случай и только усмехались, так как злоязычие было у нас запрещено. Как сказано в частушке ленинградских хасидов:

А руах-тум'а
 Не прибавит ума,
 И кончать пора
 Нам с лашон ха-ра...

В наших краях эта частушка пелась с припевом *couleur locale*: «Трали-вали-вали, йохтур, трали-вали-вали, дохтур». Давид умолял местных ортодоксов вычислить гематрию слова «трали-вали», но сам этого сделать не мог, а почему — скажу потом, если не забуду... Еще ленинградские хасиды придумали каббалистический комментарий к романсу «Ездили на тройках с бубенцами». Под тройкой там понималась, естественно, триада божественных атрибутов — Мудрость, Разум, Знание, бубенцы тоже что-то значили, ну, а об огоньках и говорить нечего.

Что же касается «старинной, семиструнной, что по ночам так мучила меня» — то это ни что иное, как темная душа цыгана, где господствует Ситра Ахара — Другая Сторона... На этот комментарий Белый Шум откликнулся стихотворением:

Мчатся тучи, вьются тучи,
 И дороги не видать.
 Что меня так сильно мучит —
 Может, Божья благодать?
 Непонятно чувство это —
 И страшает, и бесит
(естественно, с ударением на последнем слове — Д.С.)
 То советская газета,
 То любавичский хасид...
 Кони стали — нет дороги.
 Пережить бы этот час!
 Жарко лбу, но мерзнут ноги,
 Стынут ноги — а у вас?

Из стихотворения нетрудно понять, что поэт Яир Песах ортодоксов не слишком жаловал. Зато без ума был от Жаботинского и написал даже песню под названием «Памяти двух Владимиров» (второй, судя по всему — Высоцкий). Песня исполнялась под гитару и имела следующий текст:

Был он членом СС или КПСС,
 Я, по правде, не разобрал,
 Только как-то раз он отправился в лес,
 И его там еврей задрал.
 Говорят, это был очень дикий еврей,
 Может быть даже — сионист,
 А в ответ я слышу «ты воду не лей,
 Ты, наверное, сам нечист».
 Отвечаю: пекусь не о чистоте,
 Баня с мылом — не мой идеал
(оно и видно — бормотали иные слушатели — Д.С.).
 Я хочу, чтоб услышали эти и те,
 И чтоб каждый немой заорал...
 Был ты членом СС или КПСС —
 О тебе я не буду тужить,
 Но без лишних фраз — не ходи, брат, в лес,
 Если так уж хочется жить!

Белый Шум исполнял эту вещь довольно часто, но, судя по всему, на него ни разу не донесли. Вообще у нас с этим делом было спокойно, и Давид даже написал на дверях своей квартирki «Яир Песах» — на всех языках, кроме иврита, и пририсовал еще шестиконечную звезду. Никто на сию вывеску внимания не обращал, разве что родственники из какого-нибудь Червоноднепровска, приезжавшие в гости к Абраму Ильичу и для порядка навещавшие и сына, хватались за голову, увидев таковое художество. Квартира была однокомнатная, досталась Давиду в результате немислимого, почти гроссмейстерского размена, а что касается интерьера, то назвать ее уерлогой — значит напрасно обидеть древнее и свободололюбивое медвежье племя. Тем не менее, у Давида постоянно ночевали какие-то приبلудные девушки, которых он неведомо где находил в патриархально-пуританском Ереване, да и сам он порой куда-нибудь завивался. Единственный (на моей памяти) случай, когда ему отказали по всему пунктам, был связан с одной девушкой из Тбилиси. Там была вообще страшная душевная травма, поскольку, добираясь к ней, он заблудился и долго пытался проникнуть в аналогично расположенную квартиру в соседнем подъезде, и потом даже, когда нашеп нужную квартиру, ему долго не открывали дверь, а открыв — приняли довольно холодно. Так был наш Бе-

лый Шум этим расстроен, что, вернувшись в Ереван, написал единственное известное мне стихотворение на личную тему, и вот его начало:

Происходит слово «маятник» от слова «маета»,
И не одна только масленица ожидается у kota,
Да и в масленицу тоже ему как-то не по себе...
Ничего нет на свете лучше, чем доверяться судьбе.

Наблюдают за нами сверху сквозь невидимую трубу,
И толкают нас пальцем в спину, и записывают на лбу,
И таинственные те знаки не прочесть ни мне, ни тебе...
Ничего нет на свете лучше, чем доверяться судьбе.

Не стучи слишком долго в двери, хоть хозяева дома есть.
И откуда в тебе та вера, что попал ты в нужный подъезд?
Где-то кошка доела сметану, виснет капелька на губе...
Ничего нет на свете лучше, чем доверяться судьбе.

Конца стихотворения я не помню, зато знаю, что девушка та через пару лет уехала в Израиль и вышла замуж за учащегося одной из русскоязычных ешив. Впрочем, вскоре снялся с места и я, потеряв Давида Эпштейна из виду. Сам он теоретически был всей душой за отъезд, но когда вообще Белый Шум исполнял свои намерения? Во время карабахских событий Давид вышел на улицу и поднял плакат: «Армяне! Евреи с вами!» — с полным на это правом, так как среди и прежде не сильно многолюдного ереванского еврейства он один составлял теперь едва ли не большинство. Но вообще жить становилось постепенно все грустнее — интеллигентные посетители кофеен как-то неожиданно утратили интерес к Мандельштаму, да и черный кофе заметно ухудшился... Давид зашевелился, когда увернуться от этого стало решительно невозможно и паковать чемоданы принялись даже преподаватели марксизма-ленинизма. В июне 1990 года я столкнулся с ним в Аризле — в прекрасном, ослепительно-белом городке, расположенном в тылу палестинского врага. Абсорбцией там тогда заведовал незабвенный А.Р. — классический сабра в полном смысле слова, то есть хамоватый человек с золотым сердцем. С Давидом у него отношения не сложились, так как, будучи одиночкой, поэт все время бывал подселением в разные эшкубиты (если не знаете — это асбестовые такие бараки чуть лучше караванов). И вот во время очередного переподселения Давид взбунтовался и заявил, что дальше не пойдет. Что тут началось — крики, стоны, и тогда вылез А.Р. собственной персоной и сказал на иврите «Передайте ему — я могу ему помогать, а могу

быть и против него. Пусть выбирает.» — «Скажите, пусть будет против, я согласен» — отвечал Давид...

Чем дело кончилось, я не уследил, однако после того случая поэт наш захирел, зарабатывая на жизнь в муниципалитете в должности «подай-отнеси» (слова Давида), а вместо стихов сочинял только политические прибаутки наподобие «Бушу говорит Леви: на меня ты не дави» или совсем уже ангажированные тексты вроде «Араба по башке тррах — вступайте в партию КАХ!» Насколько я знаю, русский отдел Кахане давидовой агиткой не воспользовался.

Через год с лишним такой жизни ему вздумалось съездить в Ереван, предварительно заглянув к другу в Тбилиси (чартерные рейсы тогда уже существовали). Прилетел он вечером, доехал на такси по нужному адресу. И вот стоит поэт в подъезде, как когда-то, жмет на кнопку звонка, а ему никто не открывает. Смылся, видно, друг без объяснений — впрочем, объяснений и не надо... Давид вышел на улицу. Было темно, грязно, где-то поблизости стреляли... Поэт загрустил. Тут из-за угла выскочила машина. Давид остановил ее: «Эй, друг, в Ереван не едешь?» — «В Ереван нэ еду, в Карабах еду» — отвечал шофер неуточненной закавказской национальности. Белый Шум сунул ему немного долларов, чистую магнитофонную кассету, две пачки «Мальборо» и уехал в Нагорный Карабах.

Из достоверных источников известно, что он участвовал там в боях и даже управлял военным вертолетом. Дальше следы его теряются.

Кстати, я забыл сказать, почему в свое время на ереванской двери моего героя не было надписи на иврите. Дело в том, что вплоть до отъезда поэт Яир Песах не удосужился овладеть квадратным письмом...

7 мая 1995

От редакции. В № 13 допущена ошибка: на титульном листе «Аналитического справочника» не напечатана «шапка» —

Институт Гуманитарно-Политических Исследований

Аида ШУЛЬГИНА

И НЕТ КОНЦА

Не могу объяснить, почему все, выходящее из-под моей руки, с недавнего (или давнего) времени сразу попадает в стилистическое поле Библии. Не знаю, когда это началось. Может быть, в тот день, двадцать пять лет назад, когда с легкой руки моей мамы, определив свое будущее как путь художника, я была представлена неким «маститым», которые тут же обнаружили «иконописность» в моей внешности. Или десять, когда, открыв первый раз Библию, я поняла, что это книга о моей прошлой и будущей жизни.

Каждый раз, закончив работу над картиной, я уже с тоской понимаю, что обязана прилепить ей библейское название, хотя начиная работу, надеялась породить что-то совсем светское. Вот и персонажи моих детских иллюстраций — ежи и зайцы — были недавно определены одним искусствоведом как «библейские».

Я почти не позволяю себе думать о том, что это уже призвание — слышать голос Книги. Просто поражаюсь удивительной силе зова предков оттуда, из глубин истории, из могил без надгробий, из ям и рвов, из печей-душегубок.

О родителях моего отца, погибших в гетто, о его замученных брате и сестре в нашей семье предпочитали не говорить. Мне кажется, что и слово «еврей» я первый раз услышала (или осознала его), когда мне исполнилось 16 лет и надо было получать паспорт. Зачислив себя русской, я опять надолго забыла о еврействе, пока странные изгибы судьбы не повернули меня лицом ко всем проблемам, с ним связанным.

Но однажды отец, никогда не говоривший со мной о своем прошлом, сказал, что все мои работы — это иллюстрации к его роману, который он в тайне от всех пишет много лет. Роману о судьбе еврейского мальчика, о начале Катастрофы, о Новозаветных временах и о детях Иакова. И тогда голос предков и Библии, утвердив свою власть надо мной, зазвучал в полную силу.

Как я устаю от этих бесплотных фигур, которые вылезают, едва лишь замешкается перо, на пустое пространство листа! Они теснят бабок, закутанных в козы платки, полупьяных мужиков с ближайшего рынка, вороватых детей и романтических девушек с придурковатыми лицами. Все то, что есть мое, сегодняшнее, окружившее меня душным

кольцом, влезшее в глаза и душу. И даже умудрившееся стать родным и нежно хранимым памятью. Но бородастые патриархи распинают меня на кресте еврейской истории, снова и снова возникая в картинах почти против моей воли. Даже овцы, которых я, кажется, никогда в жизни не встречала, плетутся по моим работам, своим покорством напоминая судьбу истребленных предков!

Что есть «библейскость» персонажа? Покорность глаз, плоско-стопость, нескладность фигуры, убогость одежд? Вечный спор — существует ли еврейское искусство? А, если да, то какое оно? Мне кажется, что при взгляде на мои работы вопрос отпадает: если это вообще искусство, то именно еврейское. Или библейское, если угодно. Это определяется не кругом тем. Почему я, человек всецело принадлежащий по месту и времени православной русской, даже московской, культуре, творю исключительно «еврейское» искусство? И не только искусство. Вот и ребенок, достигнув семи лет, потребовал отдать его в еврейскую школу.

Зов предков, голос крови? Скорее всего, сильно осознанные, наконец, стыд и боль. Боль за бесконечные страдания, ниспосланные народу, и стыд за постоянное желание — скрыться, избежать мучений...

Вот и живешь на разломе, на стыке — наций, культур, желаний, устремлений. Вот и пролезают вновь и вновь старцы и женщины, расталкивая московскую кутерьму на моих работах. И озираясь вокруг, уже не «постперестроечные» муки, а вполне библейские по масштабу и смыслу страдания видишь вокруг. И не коллега, оставшийся без работы, становится любимым собеседником, а мученик Иов.

И видишь, что у Времени нет начала и поступательности в движении. Слово, прозвучав, отразило всю нашу жизнь и напророчило ее же. И опять каждый, выброшенный в мир, начинает свой путь с выбора — не покориться, нарушить запреты и заповеди. И опять грозный Судия ломает и крушит нескладные фигурки, и нет конца...

Рисунки Лидии ШУЛЬГИНОЙ

Человек 93

Людмила

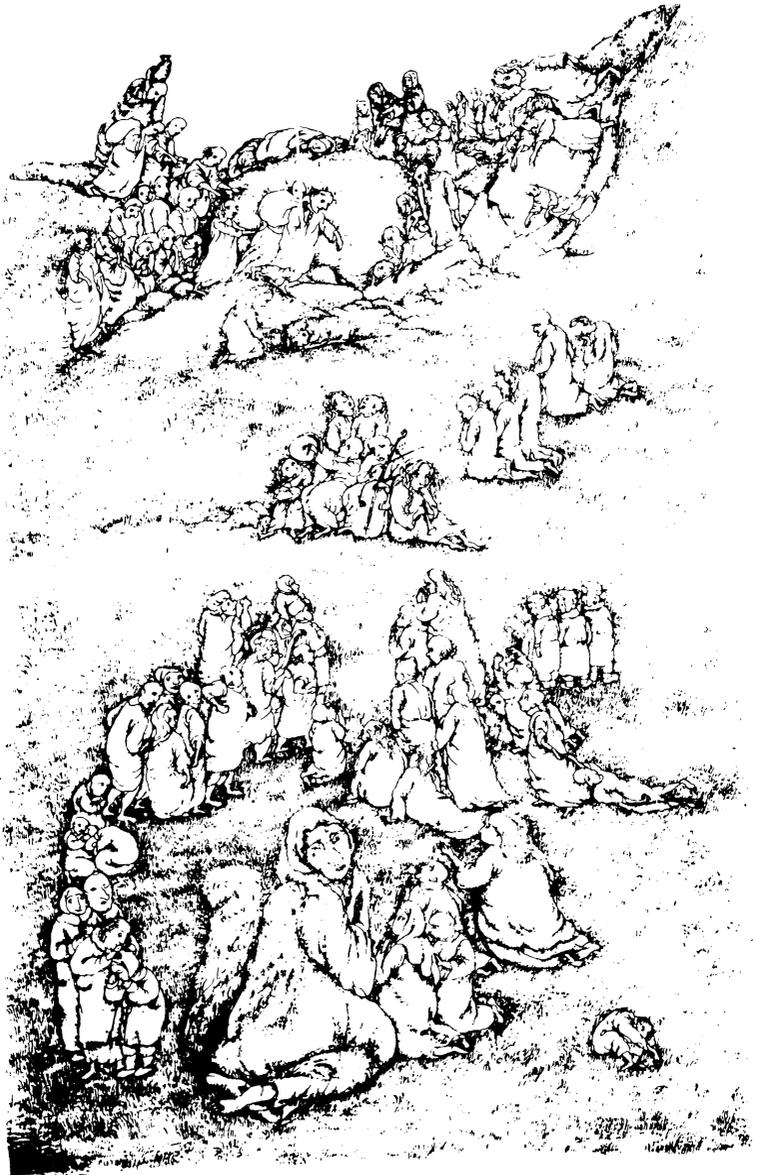

Расселение ноево ковчега.

М. В. Давыдов 93

Левон-Арутюн АБРАМЯН

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ПРОЦЕСС

В прошлом нашей гуманитарной мысли часто недоставало самоанализа, рефлексии. Сомнение нам было почти совершенно чуждо. Сама наша философия знания и, прежде всего, теория истины носили догматический характер: имеется, полагали мы, тысяча способов впасть в заблуждение и только один-единственный путь ведет к истине.

Сейчас нам больше импонирует точка зрения Нильса Бора: существуют такие глубокие воззрения, что, если даже они противоречат друг другу, они все равно остаются истинными.

Конечно, в каком-то смысле есть лишь одна истина. («Какая это истина, если по ту сторону гор она перестает быть истиной!?)») Но всеобъемлющая и все исчерпывающая Истина — это «истина в себе». Человеческие же пути, ведущие в том направлении, множественны и многообразны.

«Национальная идентичность» в качестве некоего Абсолюта гносеологически есть «идеальный объект». В этическом плане она является идеалом — высшей целью духовных стремлений нации. Однако, сколь ни безусловен этот Абсолют, он, подобно идеалам Свободы, «общего блага» и т.д., допускает существенно различные толкования.

В качестве эмпирически данной реальности национальная идентичность не есть какая-то застывшая тождественность нации самой себе. Ни в какой момент времени она не является полной, безоговорочной. Она то более устойчива, то совсем не устойчива. Словом, она есть процесс. В нем всегда есть что-то сохраняющееся и что-то изменяющееся. Но и само сочетание того и другого изменчиво, неравновесно.

Так же, как и личность, нация порой, в минуты воодушевления, как бы опережает самое себя. Однако гораздо чаще она от себя отстает и если тогда она с трудом себя узнает, это тоже она сама.

В случае, когда национальная идентичность рассматривается как бы извне — как объект, нация должна «совпасть» с собой по своим основным признакам.

Наиболее надежным и «операциональным» признаком нации обычно считается язык. Однако, сводя язык к средству общения, мы превращаем его в случайно найденный инструмент, в нечто такое, что остается всецело внешним по отношению к национальному бытию.

Иначе мыслил себе язык В.Гумбольдт. По его словам, язык есть «орган внутреннего бытия, само это бытие, находящееся в процессе внутреннего самопознания и проявления». При таком понимании языковая реальность непосредственно включается в национальное бытие. Но тогда формулу «говорит по-армянски» мы должны заменить опеределением «принадлежит армянскому языку».

Исторические судьбы народов складываются порой таким образом, что в течение какого-то периода часть нации говорит не на ее собственном языке. Это преходящее, переходное состояние. Тем не менее, называя кого-то русскоязычным армянином, мы признаем его армянином. Это вопрос и политики (так как он касается прав «языкового меньшинства»), и вопрос этики (поскольку он затрагивает достоинство личности).

Иногда конституирующий признак нации видят в вероисповедании. И религия и церковь играли в истории армянского народа интегрирующую роль. Но как сегодня следует оценивать в этом плане девиз «Один народ — одна вера». Отделяя армян-христиан от не-христиан и, далее, от неверующих, он фактически ставит под вопрос национальное единство.

В целом национальная идентичность, подобно самоидентичности личности, не есть чисто объективный феномен. Национальная идентичность предполагает идентичность национального сознания. Ведь без последней нет ни нации, ни ее тождественности себе.

Можно согласиться с теми мыслителями, которые полагали, что в процессе онтогенеза внешний опыт предшествует внутреннему. В этом смысле самосознание, сознание своего «я» есть производное от сознания внешнего мира.

Однако, что касается сознания, достигшего определенной зрелости — сознания личностного, экзистенциального, то здесь именно самосознание служит предпосылкой и основанием сознания вообще.

В критической философии «самосознание» трактуется как «чистая апперцепция»: Разъясняя содержание этого понятия, Кант апеллирует к декартовскому принципу «*cogito ergo sum*»; нужно, чтобы «я мыслю» постоянно сопровождало все мои представления. Но, в отличие от Декарта, который делает акцент на «мыслю» и именно отсюда выводит «существую», Кант на передний план выводит «я» — потому что, если опыт не будет — на всем своем протяжении — соотнесен с одним и тем же «я», то это будет не один и тот же опыт.

Содержание национального самосознания неоднородно. Оно выступает как совокупность различных пониманий национального бытия, прошлого нации, национального облика личности и т.д. Никто не вправе претендовать на монопольное обладание безошибочным знанием о якобы единственно верном способе решения национальных задач.

В нынешних экстремальных условиях первейшей задачей нации можно считать прежде всего выживание. Но при этом мы поставлены перед необходимостью ответить на кардинальный вопрос: выжить — в качестве кого? или, иначе: какую моральную цену мы готовы заплатить за наше физическое выживание?

Существуют две основные концепции добра и зла. Одну из них называют манихейской, другую — августинианской.

Согласно манихейским представлениям, добро и зло — самостоятельные противостоящие друг другу и в чем-то достойные друг друга силы. Зло стремится начисто уничтожить добро. Добро, со своей стороны, исповедует идею искоренения зла. При таком понимании поборнику добра позволено все: ведь правда на его стороне...

По учению Августина Блаженного, зло не является самостоятельным, субстанциональным началом, ибо оно есть результат, так сказать, дефицита добра. Не негативно — «я — против того-то» — формулирует свое кредо добро; оно выступает позитивно — «во имя...» И, наконец, последнее: подлинное добро не может победить, изменив самому себе, оно не стремится победить любой ценой.

Думается, что мироощущение Григора Нарекаци, основанное, прежде всего, на жесточайшем обвинении самого себя, носит, в сущности, августинианский характер. Глухие свидетельства об осуждении им тондракийцев, по-видимому, нельзя считать случайными.

В прошлом симпатии официальной идеологии почему-то были на стороне приверженцев ересей, которые в армянской действительности идейно восходили к зороастризму и манихейству. Вероятно, потому, что их последователи выступали в защиту социальной справедливости. Сейчас мы склонны думать, что невозможно обеспечить социальную справедливость там, где отсутствует минимальный уровень морали.

Национальное самосознание исторично — и в том смысле, что оно не остается неизменным, и в том смысле, что его постоянно волнует вопрос об истоках, о «корнях».

При этом на обыденном уровне оно, как правило, «романтично»: все его внимание сосредоточено на страницах, изложенных в «высоком стиле»; страницы же, написанные сухой прозой, кажутся ему лишеными какого-либо интереса.

На этом уровне национальное самосознание мифологично. Своеобразие мифологического объяснения состоит в том, что вопрос о его научной состоятельности не встает. Миф — такое порождение духа народа, которое значимо для него вне зависимости от того, в каком отношении к эмпирической реальности оно стоит.

Постижение прошлого является не чисто познавательным актом; оно всегда имеет нравственную окраску. Прошлое потому оказывается «непредсказуемым», что изменяется отношение к нему, его оценка. Историческая память принимает, удерживает в себе то, за что национальное самосознание берет на себя ответственность. Не потому ли нам так легко видеть себя на поле Сардарапатского сражения?..

Все постигается в сравнении — также и в национальном самосознании. Сопоставление своего «я» с «ними» («Мой народ — такой же, как другие?») обнаруживает как различия, так и общность. Многое строится на осознании неповторимости истории народа, уникальности его культуры, индивидуальных черт психологического облика нации. При этом мышление, застревающее на различиях, почти неизбежно порождает тяжелые последствия — либо самовлюбленность, мессианство, либо же, напротив, настроение угрюмой самоизоляции.

Для нации, как и для женщины, вопрос «что я собой представляю?» тесно переплетаются с вопросом «как я выгляжу?» Это не пустое беспокойство по поводу неблагоприятного впечатления, которое она может произвести, если при этом главным остается поиск своего «я». Вместе с тем это забота о способе самовыражения — таком способе, который соответствовал бы собственному «я» и был бы понятен для «общественного мнения».

Перед мировым «общественным мнением» нации впору растеряться. Ведь в одних случаях оно поддерживает право наций на самоопределение (как, например, в югославской ситуации), а в других его отвергает (например, в отношении Арцаха).

Анализируя заблуждения политической доктрины марксизма, к их числу американские политологи обычно относят, причем не в последнюю очередь, коренную недооценку этнического фактора, в особенности — национальных движений. Но если рекламируемый ими «новый порядок» станет упорствовать в том же самом заблуждении, то это будет «порядок», основанный на насилии.

Любая нация, сколь малой бы она ни была, может и должна занять свое место в системе международных отношений и придерживаться принятых в них «правил игры».

С другой стороны, какой бы жестокой ни была судьба к данной нации, никто не в состоянии помешать ей жить своей внутренней жизнью; никто не может лишить ее сознания собственного достоинства, отнять у нее принадлежащие ей духовные ценности. Благодаря этому национальное «я» имеет возможность, дистанцируя себя от всего внешнего и неистинного, снова и снова возвращаться к самому себе.

Левон-Арутюн АБРАМЯН

ПЕРЕХОДЯ НА ЯЗЫК ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

Дело историка состоит в рассказывании того, что было, — говорил Геродот. Такого же, по существу, мнения держались впоследствии многие поколения историков. Предполагалось, что рассказанная история сама себя объясняет; прошлое нам становится понятным из его собственного содержания... Вместе с тем большинство историков разделяло и другое убеждение отца исторической науки: то, что им стало известно и, что ими было рассказано, это и есть то, что на самом деле было.

Подобную философию истории можно назвать наивно-реалистической: с ее точки зрения, историческая реальность («ну то, что было») нисколько не отличается от того, что мы теперь о ней знаем. Одна из любопытных особенностей этой концепции состоит в том, что, при всем своем «реализме», она не дает никакой пищи для размышлений историка над своим предметом — не ставит никаких «лишних» вопросов, ни на что не наталкивает.

Даже после того, как Вольтер и Гердер внятно заявили о рождении философии истории как науки, традиционно мыслящие ученые продолжали думать, что это не имеет никакого значения для знания о фактах прошлого. Все сводится, мол, к тому, что здесь возможны не только специальнаучные исследования определенных событий, происшедших в определенное время, но и общие, теоретические размышления на исторические темы, интересные, впрочем, не столько для историка, сколько для любителя порассуждать.

Мнимое безразличие философии истории к исторической науке, неожиданно для себя подкрепляли теоретические философско-исторические концепции, которые небесную, т.е., по их версии, под-

линную, историю человека помещали **вне** его земной, греховной истории — в качестве ее «пролога» или же «эпилога», вследствие чего обыкновенная, не-священная история оказывалась совершенно ими незатронутой.

Гегеля можно считать основоположником философии истории как такой дисциплины, без которой немислима и сама история как система научного знания. После него уже нельзя было оставаться при том представлении, будто философия истории — просто еще одна, кроме обычной истории, наука о человеческом прошлом. А вместе с тем уже у Гегеля намечается опасность, вытекающая из чрезмерных притязаний системосозидающей метафизики: ее правление легко становится деспотическим. Эта опасность, как известно, в полной мере была реализована историческим материализмом — марксистской философией истории.

Крушение режима «казарменного социализма» знаменовало собой политическое поражение марксизма. Поэтому, что касается критики марксистского учения, то она носила пока что преимущественно идеологический — скорее эмоциональный, чем рациональный, — характер. Думаю, однако, что от необходимости научно обоснованного анализа Марксовой философии истории нам не уйти.

В результате антитоталитарной революции наше мышление получило возможность стать более свободным, более открытым. Но, если я не ошибаюсь, у ученого, предпочитающего не мудрствовать лукаво, и, в частности, у историка теперь складывается еще более радикальная, чем прежде, антиметафизическая, антифилософская настроенность: не будет ли лучшей гарантией моей интеллектуальной независимости, думает он, полный отказ от всякой философии, от каких бы то ни было идей метафизического порядка? Не врывается ли в научное познание вместе с «идеями» также и определенная идеологическая тенденциозность?

Замечательный идеал — *история без философии!*.. Но возможна ли на деле такая наука — история, свободная от стремления к мудрости? Не ведут ли попытки избавиться от «ученой» («образованной») философии к худшей зависимости — к зависимости от той или иной разновидности полуграмотной философии, влияние которой остается незамеченным лишь по той причине, что это — своя, «домашняя» философия?

Философия истории кустарного производства — в различных ее разновидностях, сработанных из, в основном, мифологического материала, — удивительно живуча. Опирается она на фундаментальные для обыденного сознания представления о добре и зле: история человечества — арена непрерывной борьбы между силами добра и зла; и те, и другие имеют свои планирующие и оперативные центры; хорошие народы (неужели не ясно, какие народы являются хоро-

шими?!) всегда выступали на стороне добра; как добро, так и зло наиболее полное свое выражение находят в деятельности святых, подвижников, героев или, соответственно, злодеев...

Когда подобную, с позволения сказать, философию истории исповедует обыватель, мнящий себя интеллектуалом, или даже коснеющий в своей духовной провинции *варжалет* (учитель — *арм.*), то это еще как-то можно понять. Хуже, когда ограниченность такого объяснения истории (и такого мировоззрения) не в состоянии преодолеть университетский профессор.

Анри Берр был совершенно прав, когда говорил о том, что давно уже прошло время историков, рассказывающих истории (у него здесь игра слов, поскольку во французском оба слова имеют один и тот же корень — *historiens historisants*). Но это утверждение редактора известного во Франции «Журнала исторического синтеза» лучше было бы сформулировать несколько иначе: давно прошло время, когда историки еще могли думать, будто они рассказывают о фактах прошлого, не производя их отбора, не классифицируя, не оценивая их. Право выбора, имеющееся у ученого, сводится, в сущности, к тому, желает ли он выработать свое философско-историческое мировоззрение сознательно, осознанно, или он согласен, чтобы оно сложилось у него стихийно, «само собой».

Философу, склонному к умозрению, может быть свойственно преувеличение значения историософии для научно-исторического познания. (Вообще взаимоотношения между философией и специально-научным знанием не так просты, как это предвставляет себе самовлюбленный представитель «науки наук». Спросим его: ну что может дать метафизика для установления, например, того, в каком веке был создан известный труд Мовсеса Хоренаци?)

С другой стороны, сколь удручающее впечатление оставляет ученый муж, восстающий против «всякой там философии» (ибо ему кажется, что, в принципе, она не может быть ничем иным, кроме как пустопорожней болтовней) и, однако же, пребывающий во власти почти детских, в духе народной сказки, представлений об извечной борьбе между добром и злом!..

Сознаю, что предлагая своим коллегам вернуться к разговору о философии истории, я беру на себя большую ответственность. Ибо с самого начала меня могут попросить дать ясное и четкое определение предмета и метода этой науки. Увы, удовлетворительно ответить на эту просьбу мне нелегко.

В сущности, всякая наука есть загадка для самой себя. Но только в специальных науках, в которых преобладающим типом мышления является не рефлексия, вопрос «что я такое?» остается неясно сознаваемой проблемой. Для философии же, с ее высоким уровнем самосознания, этот вопрос имеет кардинальное значение. [О чем бы

она ни размышляла, она думает одновременно и о себе.] И поэтому все области знания, на которые она обращает свой взор, в том числе и философия истории, приобретают «загадочный» характер.

Очерчивая задачи философии истории, обычно ссылаются на то, что к их числу относится, прежде всего, раскрытие того, что называется **смыслом истории**. (Между прочим, свои лекции по этой проблематике Н.А.Бердяев так и назвал — «Смысл истории».)

В прошлом было немало философов и теологов, задававшихся вопросом о смысле исторического бытия и смело пытавшихся ответить на него. И надо признаться, что с помощью бога этот вопрос решается довольно-таки просто. А если «бог умер»?

Впрочем, при постановке вопроса, характерной для философского мышления, нам в первую очередь следовало бы уточнить, что означает само выражение «смысл истории». В каком случае история имеет (или могла бы иметь) смысл? Чем должна была быть история, чтобы мы согласились, что она бессмысленна?

Например, если как повествует одна восточная легенда, суть истории состоит в том, чтобы люди рождались, любили, страдали и умирали, то она, выступая в качестве такой последовательности событий, в которой **ничего не менялось**, мне кажется, лишена смысла.

Напротив, если бы мы, допустим, имели основания утверждать, что вся предшествующая история человечества может рассматриваться как часть сознательная, частью бессознательная попытка homo sapiens-а стать существом, способным предъявлять к себе нравственные требования, то в этом случае мы, думается, были бы вправе считать, что история имеет смысл.

Если в период после Гегеля философско-исторические теории, развивавшиеся в русле «философии жизни», стремились как-то уразуметь, в чем же состоит смысл истории, то позитивизм, с его установкой на строгий сциентизм, объявил это понятие наследием донаучного мышления. Повернув свою «социальную физику» (т.е. социологию) к диахронии, к временному измерению, последователи Огюста Конта свели историософию к своеобразной «социологии истории» — к науке, занятой выявлением в историческом процессе, главным образом, «каузальных связей». (Подобной трактовке философии истории отдал дань даже Макс Вебер, примыкающий, скорее, к традиционной неокантианской концепции «наук о духе».)

Вопреки позитивизму, философия истории не может и не должна отказаться от понятия «смысл истории». Без этого понятия философско-историческое знание теряет свое ценностное содержание; оно не может больше ориентировать человека в его отношении к своему прошлому. Философия истории тогда перестает быть элементом миропонимания (мироощущения) и превращается в «технэ», зна-

чимое только для профессионального историка: она сводится к вопросам логики и методологии исторического исследования.

Что именно мы понимаем под «смыслом истории», зависит, не в последнюю очередь, от того, считаем ли мы его имманентно присущим историческому развитию или чем-то привнесенным в него извне. Складывается ли «смысл» в самом процессе деятельности людей, вытекающая из самого содержания этой деятельности? Или историческому бытию ее смысл продиктован, «задан»? Это важные вопросы, ибо история имеет один смысл, если человек является автором переживаемой им исторической драмы, — и совершенно другой, если он исполняет в ней случайно доставшуюся ему (или как-то предназначенную ему) роль.

Размышления на эти темы, особенно напряженные в немецкой классической философии, подводят к тому выводу, что «смысл» внутренне присущ истории; что он образуется и непрерывно преобразуется в самом ходе событий; что, кратко говоря, подлинным **субъектом истории является человек** и, кроме него, в истории нет никакого другого «субъекта».

Правда, понятие субъекта истории иногда мыслится и в другом содержании — как активное, деятельное, творческое начало. Соответственно, выражение «объект истории» означает пассивное, страдательное начало. Тогда вопрос стоит иначе: является ли человек творцом истории или ее жертвой?

Наши подходы к этому вопросу порой бывают слишком «субъектными», порой слишком «объектными». Не странно ли, что совокупность проблем, относящихся к определенному периоду истории нашего народа, по какой-то инерции мы обозначаем как «Армянский вопрос»? Ведь помимо того, что этот вопрос был частью «Восточного вопроса» (т.е. предмета международной дипломатии, озабоченной судьбой «больного человека» — Османской Турции), существовало то население Западной Армении, которое жило своей собственной «субъектной» жизнью и для которого его судьба вовсе не была «Армянским вопросом».

Даже тогда, когда та или иная страна становится **для других** объектом завоевательных воцелений или даже, еще проще, театром военных действий, и тогда ее народ не обречен на то, чтобы обратиться в шлак мировой истории. Убедительнейшим образом это было продемонстрировано Польшей, которая после трех исторических разделов, учиненных Германией и Россией, подарила миру Ш о п е н а.

От вопроса о «субъекте истории» (является ли человек единственным, подлинным ее субъектом?) нужно отличать вопрос о «**творце истории**» — кому в развитии общества принадлежит наиболее активная роль?

Справедливо ли относящееся сюда и общепринятое в марксистской литературе представление о народе как творце истории? Известно, что народ может веками пребывать, в политическом отношении, в состоянии глубокой летаргии, чтобы затем, очнувшись, снести отживший свое общественный строй, как карточный домик. Но и наоборот: «простой люд» может заявить о себе, скажем, в период массовых митингов, а затем, когда настанет черед исторических действий, требующих большей организованности, в частности, умения от штурма крепости перейти к его правильной осаде, он может «в знак протеста» целиком уйти в себя.

Кого же считать творцом истории? Прежде всего, очевидно, труженика, создающего материальные условия для жизни людей и обеспечивающего непрерывность процесса производства. Но творцом истории является и школьный учитель: обучая детей грамоте, он не только обеспечивает преемственность в развитии духовной культуры, но и делает возможным само сохранение духовных ценностей.

Творцами истории выступали не только народные массы, но и отдельные социальные слои и социальные группы; хотя они и составляли в обществе меньшинство, тем не менее задавали в нем тон. Мы не можем игнорировать значения таких объединений, как ордена, цехи, клубы, партии, «невидимые колледжи».

Судьба Западной цивилизации (в том числе Армении, расположенной на ее восточной окраине) в обозримом будущем в значительной степени будет зависеть от того, сможет ли роль субъекта исторического действия взять на себя давно предугаданная, но, по существу, совершенно новая, еще только складывающаяся форма самоорганизации людей — гражданское общество.

Творцами истории являются и большие социальные массы, и отдельные выдающиеся деятели — и, естественно, не только на политическом поприще. (Между прочим, широко распространенное мнение, будто Маркс отрицал роль личности в истории, по меньшей мере неточно. Этого никак нельзя сказать об авторе «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта».)

Так называемые великие люди обычно остро (и, как правило, в преувеличенном виде) ощущают свою историческую роль, свое призвание. А «простые люди» — чувствуют ли они себя творцами истории? Далекое не всегда. Большею частью, особенно при неблагоприятном течении событий, они задаются вопросом «Что с нами происходит?» вместо того, чтобы спросить себя (спросить с себя) — «Что мы наделали?»

Правда, иногда «простой человек» претендует на роль автора совершающейся исторической трагедии. Но, что примечательно, он при этом не имеет никакого желания отвечать за ее сюжет. Чтобы избавиться от ответственности, он, кажется, готов отказаться от при-

знания как своей вины, так и заслуги. Следовательно, простой человек предпочитает видеть в себе жертву истории? Да, но так, чтобы не считаться с теми внешними обстоятельствами, жертвой которых он (по его мнению, независимо от своей воли) оказался.

Обыденное историческое самосознание, таким образом, глубоко противоречиво. На первый взгляд, этот факт представляет интерес только с точки зрения социальной психологии. Но это совсем не так. От воздействия обыденного исторического сознания («домашней философии истории») не свободна и сама научная метафизика истории, несмотря на ее установку на рациональное осмысление прошлого.

Одной из важнейших проблем философии истории следует считать вопрос об **исторической истине**. Можно сказать, что это и есть главный гносеологический вопрос историософии.

Итак, что есть истина? Если у каждого народа, у его дипломированных и недипломированных историков имеется «своя» историческая истина (если, скажем, считается нормальным, чтобы существовали различные, исключаящие друг друга истории Карабаха, Боснии и Ольстера), тогда никакой исторической истины нет и быть не может. Условием ее возможности является сопоставление и, в конечном итоге, согласование «частных» («своих») истин. В случаях, отмеченных особым обострением отношений, для установления исторической истины необходимым становится покаяние: оно требуется не только для моральной компенсации пострадавшей стороны, но и для самоочищения, для катарсиса виновной стороны.

Другой аспект вопроса об исторической истине касается вопроса, каким настоящим относится к прошлому. Если история есть политика, опрокинутая в прошлое, если «всякая история есть **современная** история» (Б.Кроче), если история — не более, чем средство самоутверждения, тогда опять-таки исторической истины нет. Если это верно, у нас **всегда** будет «непредсказуемое прошлое». Тогда сегодняшний герой-рыцарь без страха и упрека — легко будет превращаться у нас завтра в исчадие ада, в то время как он, скорее всего, ни то и ни другое...

Тем не менее историческая истина в принципе возможна. Она возможна благодаря тому, что не только мы истолковываем прошлое, но и прошлое, по слову Эрика Соловьева, толкует нас. Постигание прошлого не есть простое производное от понимания настоящего. В такой же мере верно и обратное. Для того, чтобы понять, что делается сегодня, необходимо осмыслить опыт прошлого. Мы приближаемся к истине тогда, когда изучаем прошлое не для самоутверждения, а для самопознания. Историческая истина возможна, если в нашем сегодняшнем бытии мы открыты для **нового** самопознания и самоопределения.

Понимание этого, может быть, и составляет важнейшее достижение современного подхода к философско-исторической проблематике.

Философию истории не следует представлять себе как систему готовых понятий. Это не доктрина, содержащая в себе типовые ответы на вопросы, относящиеся к пониманию прошлого и к осмыслению настоящего в свете прошлого. Философия истории возможна только как переменчивое проблемное поле, как культура философско-исторического мышления, как язык, на котором могут общаться друг с другом философы и историки, а также гуманитарии вообще, будь то гуманитарии по профессии или по призванию.

Рафаэль ШАПИРО (Р.БАХТАМОВ)

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ

Мы живем в Новое время. Даже человек, которому вовсе чужд исторический взгляд на мир, знает, что Новое время определяется идеями Великой французской революции. Если же быть точным, то идеи эти возникли раньше, в трудах французских просветителей, и уже затем стали идейным знаменем революции. Конечно, как бывает всегда, революционная практика не вполне соответствовала теории, но в целом и революция и вся последующая эпоха безусловно формировалась под воздействием новых идей.

Каких? Ответить на этот вопрос непросто. За два столетия, прошедшие с момента революции, ее лозунги («свобода, равенство, братство») превратились в развернутую систему принципов, нашедших свое выражение в конституции США и ряда других стран, в гражданском и уголовном законодательстве Европы, в лозунгах борьбы за освобождение колоний, в уставе Организации Объединенных Наций, в великом множестве иных документов и заявлений.

Если же в этой системе принципов выделить основные, определившие облик нашей эпохи, то таких принципов, видимо, будет два: свободы и равенства. Отсюда не следует, что каждый из этих принципов проводится в жизнь с абсолютной последовательностью (скажем, все члены ООН равны, но постоянные члены Совета Безопасности «равнее» других, ибо обладают правом вето). И тем не менее очевидно, что принцип равенства (как и принцип свободы) играет огромную роль в современной жизни: в государственной системе демократических государств, в международных отношениях, в торговле, в юридических нормах.

Нет необходимости доказывать, что внедрение в общественную жизнь этих принципов был огромным шагом вперед. Но именно поэтому стоит задуматься и о негативных последствиях такого подхода. О той самой оборотной стороне, которая есть почти у всякой медали.

В середине XVIII века, когда Дидро и другие энциклопедисты вырабатывали принципы новой эпохи, Франция (наряду с Англией) была самым просвещенным государством мира, центром прогресса ремесел, наук, изящных искусств, образования. При этом высокий уровень развития страны был характерен не только для ее ученых, писателей и артистов, но и для основной массы населения. Достаточно сказать, что знаменитая 35-томная «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел» (1751-1780 гг) вышла необычайно большим тиражом. Все ее идеи, достаточно сложные и смелые по тем временам, были восприняты значительной частью граждан Франции.

Сами авторы «Энциклопедии», однако, претендовали на нечто большее — на всемирное значение своих идей. Конечно, они не были настолько наивны, чтобы ожидать их мгновенного проникновения в Африку или Латинскую Америку. Но в том, что это произойдет достаточно быстро, французские просветители не сомневались. В те времена в ходу были трогательные истории о туземцах, проявляющих поразительные способности к овладению культурой. И уж вовсе бесспорным представлялся процесс быстрого социального развития. Было ясно, что любой народ, получивший возможность ознакомиться с трудами просветителей, сразу же воспримет идеи свободы, равенства, гуманизма...

Позже, в XX столетии, сама мысль о том, что народы (или страны) могут отличаться друг от друга уровнем развития или степенью социальной зрелости, а смена общественных систем может затянуться на десятилетия, сама эта мысль стала восприниматься как реакционная, почти расистская.

Было забыто правило, известное еще философам древности: истина всегда конкретна. В результате те принципы свободы, равенства, государственного суверенитета, которые вполне оправдывали себя в условиях демократического общества, стали обретать совсем иное содержание в тоталитарных государствах, в обстановке религиозной диктатуры.

Первые сомнения в том, что единый подход к разным явлениям закономерен, возникли вскоре после освобождения колоний. Разумеется, у колониальных держав, высказавших эти сомнения, были свои резоны (и, наверное, не только альтруистические). Однако нелепо отрицать, что они знали, о чем говорят. Да, собственно, какие тут могли быть споры? Ведь ясно, что Индия с ее тысячелетней культурной традицией была несравненно больше подготовлена к свободе и

независимости, чем, допустим, африканская провинция Сомали или острова Папуа-Новая Гвинея. Вроде бы это следовало понимать так, что деколонизация должна проходить последовательно, с учетом степени готовности страны к независимому существованию.

К сожалению, эти разумные доводы были отброшены. Не только потому, что доводы, высказанные представителями метрополии, вызывали подозрения. Гораздо важнее, что такой, дифференцированный, подход ставил под сомнение принцип равенства. В данном случае — равенства (или равноправия) колоний и населявших их народов.

Теперь, когда мы знаем, к чему это привело, упрямое нежелание тогдашних антиколониалистов считаться с реальностью представляется абсурдным. Верно, для ряда государств освобождение от колониальной зависимости было благом. Однако известно и немало случаев, когда за свободу «любой ценой» колониальные народы заплатили невероятно дорого: миллионами умерших от голода, бесчисленными жертвами бессмысленных войн, каннибализмом, полнейшим разорением. Будем честны: во многих случаях они оказались в худшем положении, чем в самые мрачные колониальные времена. Характерно, что совсем недавно об этом заговорили жители некоторых колоний. «Хуже, чем сейчас, — сказали они, — просто не бывает».

А что же либералы, деколонизаторы, сторонники независимости во что бы то ни стало? В их рассуждениях тоже есть своя логика. «Наше дело, — утверждают они, — предоставить всем людям свободу, независимость, равноправие. А уж как они этими правами распорядятся — их дело, вмешиваться мы не вправе».

Так оно и было, пока речь шла о странах слаборазвитых, чьи возможности угрожать остальному миру были крайне ограничены. Пожалуй, впервые ситуация обрела подлинную остроту в 80-е годы, когда выяснилось, что Ирак стоит на пороге создания атомного оружия.

Надо сказать, что в подходе к атомному оружию трудно усмотреть логику равноправия. Понятно, что порядок, когда в «атомный клуб» решено было допускать ограниченное число участников, установили великие державы. Сделано это было в их собственных интересах, но одновременно и в интересах мира. Государства, пробившиеся в клуб позднее (Индия, Пакистан), увеличили опасность атомной войны, но, к счастью, все обошлось.

И вдруг Ирак — страна во главе с диктатором, чьи действия не предсказуемы. Разумеется, иракские руководители, учитывая правила игры, избегали прямых упоминаний о ядерной бомбе. Официально речь шла об атомных электростанциях, ядерных реакторах, исследованиях, изотопах... С другой стороны, иракские ведомства, производившие многомиллиардные закупки атомного оборудования, не делали

особого секрета из своих намерений. В самом деле, почему Пакистану можно иметь бомбу, а Ираку нельзя? Где тут равенство? Или того хуже: если атомной бомбой располагает Израиль, то лишение этой возможности арабов есть акт прямой дискриминации, чтобы не сказать — расизма.

Не удивительно, что к этой позиции благосклонно отнеслись страны, получавшие прямую выгоду от отношений с Ираком — скажем, строившая реактор Франция. Но израильскую бомбежку иракских атомных объектов резко осудили и страны вроде бы нейтральные, усмотревшие в этих действиях «грубую и неспровоцированную агрессию». Вообще с протестом выступили все страны — но прежде всего те страны (например, Иран), которые вздохнули с облегчением...

Естественно, что последующая политика Ирака строилась с учетом этой реакции. Ирак закупал оружие (в том числе танки, сверхдальнейшие орудия, отравляющие газы) в масштабах, которые вполне определенно свидетельствовали о его намерениях. Не составляло секрета и государственное устройство Ирака: жесткая (тоталитарного типа) диктатура Саддама Хусейна — человека, сосредоточившего в своих руках все рычаги власти.

Наивно думать, что государственные деятели западных стран не понимали, чем это может кончиться. Однако те принципы, которые они ввели в международное право (свободы, невмешательства в дела других стран, равноправия) и формального соблюдения которых они добивались, мешали им трезво оценить опасность. Где решение ООН, запрещающее суверенному государству закупать тысячи танков? Кто мешает свободолюбивому иракскому народу бесконечно избирать своим президентом горячо любимого Саддама Хусейна? Чем это кончилось — известно: чтобы остановить миллионную армию Ирака, понадобились усилия десятков стран.

Новые представления о мировом порядке, обусловленные распространением наступательного оружия, только-только начинают формироваться. Пока же западные страны, использующие при подходе к совершенно разным явлениям одни критерии, загнали себя в тупик. И, похоже, со временем эта ситуация будет обостряться и углубляться.

Наглядный пример — Иран. Уже сейчас за иранским режимом тянется длинный хвост преступлений, прямо угрожающих остальному миру: захват островов в Персидском заливе, организация и финансирование террористических банд, поддержка фундаменталистских заговоров в мусульманских странах. Все это, однако, цветочки, а ягодки обнаружатся позднее, когда Иран обзаведется атомным оружием, ракетами дальнего действия, тяжелыми бомбардировщиками, отравляющими веществами.

Ясно, что это вопрос времени и даже не очень далекого времени, и на Западе понимают, что сидят на пороховой бочке. А что делать? Поскольку народ Ирана не в состоянии сбросить нынешний режим, принято считать, что он его одобряет. Внешне же акции режима пока не настолько скандальны, чтобы оправдать превентивную войну. Да и кто решится ее начать, зная, каких жертв эта война потребует (будущая война потребует несравнимо больше жертв, но ведь это будет потом...).

Впрочем, не исключено, что Иран — еще не самое худшее. После многолетней игры в переговоры, в борьбу за суверинетет, равноправие и прочее, диктатор Северной Кореи Ким Ир Сен сбросил маску. Обнаружился тоталитарный хищник самого худшего типа. Худшего — т.е. такого, что обладает неограниченной властью и для кого в мире не существует ничего, кроме собственных амбиций.

Особых секретов из своих планов диктатор не делал. Этап первый — создание атомного оружия и средств, способных доставить оружие, скажем, в Японию. Уже этого достаточно, чтобы шантажировать мир, ибо уничтожение Японии привело бы к последствиям, о которых лучше не думать. Этап второй — продажа этого оружия Ирану, Ливии, Ираку, Кубе и любой другой стране, которая пожелает угрожать миру. Можно себе представить, как будет выглядеть демократия под прицелом многих диктаторов...

Есть надежда остановить подобное развитие событий? Все зависит от точки отсчета, от того, что считать важным. К примеру, недавно один видный американский специалист по контролю за ядерным оружием объявил, что главная задача сейчас — атомное разоружение... Израиля. При чем тут Израиль? А при том, что если допустить, что у Израиля есть такое оружие, то и все остальные страны Ближнего Востока вправе его требовать. Иначе это будет нарушением самых святы́х принципов справедливости, равенства, демократии.

Ну, а что произойдет, если ревнителям равенства действительно удастся лишить Израиль реальных средств защиты? Тогда, очевидно, останется развести руками: такова жизнь...

Но именно потому, что жизнь такова, нам и следует постоянно помнить, что кроме благородных идей равенства и норм международного права, в мире есть еще ненависть, диктаторы, террор. Забывать об этом опасно всем, но особенно — маленькому государству, со всех сторон окруженному врагами.

Редакция вестника благодарит Нору Шапиро за предоставленную рукопись Рафаэля Шапиро (1926-1993) и выражает ей запоздалое соболезнование.

Давид ГУРЕВИЧ

СИНДРОМ С. И ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОГО
СУБЕРИНТЕТА

БОЛЕЗНИ ВЕКА XX И ВЕКА XXI

Медленно, неохотно выздоравливает человечество «после тяжелой, продолжительной болезни», как любили писать в некрологах советских лидеров. Речь идет о той болезни, которую долгие годы называли «холодной войной».

Все эти годы, то усиливаясь, то слабея под действием паллиативных «медикаментов» (разрядка, разоружение, довооружение), но не исчезающая и не прекращаясь, а только прячась вглубь, она отравляла общечеловеческий организм. По своим разрушительным результатам, по неотвратимости конца, по длительности и вялости течения, по скорости распространения и своему всемирному характеру этот недуг века напоминает СПИД. Правда, аналогия как будто нарушается, когда мы сравниваем способ передачи, способ заражения болезнью...

И вот неожиданно для всех — и для больного, и для врачей (политиков, политологов и пр.) наступило или, точнее, случилось выздоровление. И все мы стали свидетелями хорошо знакомой психологам клинической картины: хроник настолько свыкся с неизлечимостью своей болезни, что все еще чувствует себя больным! А эта «неадекватность», в свою очередь, рождает дискомфорт, подсознательную потребность «вернуться обратно», в привычное состояние. И неудивительно! Ведь теперь надо что-то самому решать. Раньше было проще. Логика болезни «сама» диктовала линию поведения. Порок был, но он был компенсированным — престолуемый «стратегический паритет». А то, что это состояние неотвратимо приближало общий летальный конец «паритетчиков», неизбежный даже без ядерного коллапса, так и с этим можно примириться: ну, что делать, коль болезнь неизлечима?

Теперь «мнимый бывший больной» должен в буквальном смысле подыскивать себе работу — заниматься конверсией вселенского ВПК. В общем, проходить реабилитацию. Это было бы не плохо, если бы она протекала под наблюдением опытного врача. Но беда в том, что именно такого врача — ОПЫТНОГО — как раз и нет, поскольку опыта ТАКОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ни у кого из нас нет и быть не может. Поэтому оздоровление идет так трудно, то и дело преподнося «уроки» и, что самое скверное, КРОВАВЫЕ УРОКИ — неподготовленному человечеству, которые, увы, не идут нам впрок. Иначе как объяснить их многочисленность за короткое время, а так же повторяющаяся неразрешимость возникших проблем? Не свидетельствует ли это, что

«болезнь XX века» не прошла, а только видоизменилась, как, впрочем, мутируют и настоящие вирусы, и теперь переходит в какую-то новую, еще неизвестную форму — в «болезнь XXI века»?

УРОКИ НЕ ВПРОК

УРОК I: КРИЗИС В ЗАЛИВЕ

Пальму первенства в организации и проведении «показательных» уроков, видимо, следует отдать вождю иракского народа. Ведь это он во всеуслышание пообещал «преподать Западу урок». Сказано — сделано. И что самое интересное — никто из «учащихся», кажется, не взял в толк, какую, без преувеличения титаническую задачу взвалил на себя этот человек, вздумавший тягаться практически со всем миром, и какую неоценимую услугу мировому сообществу он при этом оказал. Правда, ценой «урока» стали страдания народов Кувейта и Ирана, но ведь политика — не медицина и политики, в отличие от врача, экспериментируют не на себе, а на своих народах.

Можно сколь угодно долго проклинать агрессора, кровь, но убитых — не воскресить. А вот извлечь из «Кризиса в Заливе» политический урок — можно и нужно. Его значение сейчас даже оценить трудно, оно состоит в том, что время гегемонии принципа «национального суверинитета», в той трактовке, которая формировалась столетиями межгосударственных отношений и зафиксирована теорией и официальными документами международного права в последние десятилетия — это время уходит или уже ушло безвозвратно.

В самом деле, именно этот принцип или, точнее, его неукоснительное соблюдение демократическими государствами, уже не раз на протяжении только XX века позволяло тоталитарным режимам не только сформироваться и окрепнуть, но и ввергнуть демократические нации в пучину современной высокотехнологической войны. Однако времена изменились; то, что раньше не мог натворить даже Гитлер за несколько лет войны в Европе, теперь может обрушить на человечество любой диктатор.

С окончанием войны такие возможности, как это ни парадоксально, не только умножились, но и качественно изменились. Дело в том, что «стратегический паритет» на самом деле существовал не только и даже не столько в сфере военной, сколько в сфере политической, т.е. любой «карманный фюрер» действительно «сидел в кармане» у одной из сверхдержав. Но теперь с окончанием глобального противостояния сверхдержав «карманов» для диктаторов простоме стало, и они гуляют сами по себе, а это очень опасно.

Раньше поведение «фюреров» могло контролировать мировое сообщество при помощи ООН, в частности, ее Совета Безопасности, один из постоянных членов которого не только «покрывал» делишки своего «друга», но и ограничивал их преступность, будучи вынужденным учитывать не только свои глобальные интересы, но и факторы паритетности (возможности ответных действий другой сверхдержавы и ее союзников), и даже реакцию «мировой общественности». Теперь такой механизм не действует.

А вот принцип национального суверенитета сохранился и продолжает контролировать поведение демократических государств, но, конечно, не Ирака, на международной арене.

УРОКИ II-III: КРИЗИС ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

На волне эйфории после победы в Заливе пришло ощущение, что наконец-то найдено действенное средство против бывших и будущих напастей — единство Объединенных Наций. Мало того, что в это чудо хотелось верить каждому нормальному человеку, но оно еще произошло у всех на глазах: шутка ли, члены Совета безопасности проголосовали за наказание агрессора! (Кажется это случилось второй раз за полвека существования ООН; первый раз — когда «голосовалось» создание Еврейского государства, но тогда все-таки кое-кто воздержался).

Поэтому возникновение и разрастание целого комплекса новых кризисов, быстро перешедших в форму вооруженных конфликтов, и не где-нибудь, а в Европе, сначала не вызвало чувства безысходности, владеющего нами теперь, ведь ООН доказала свою эффективность во время событий в Заливе.

И никто поначалу, кажется, не обратил внимания на коренное отличие европейских кризисов от кувейтско-иракского: здесь невозможно было в принципе выявить злодеев и жертв, правых и виноватых! А когда обратили, было уже поздно, потому что от единства в международных организациях остались одни воспоминания. А как же иначе, господа хорошие: если объективизация оценки не очевидна — начинают доминировать субъективные факторы (как «за артистичность» в фигурном катании). И вот, вместо того, чтобы выступить единым фронтом против всех войн, в Колыбели Современной Цивилизации, великие и малые державы вновь разделились «по интересам». И выяснилось, что ООН по-прежнему бессильна, а, значит, все надежды

Ныне в локальных и региональных войнах ежегодно гибнет пять процентов населения земного шара. По данным ЮНЕСКО, жертвами 250 местных конфликтов, вспыхнувших после окончания «окончания войны», стали 30 миллионов человек. («Известия», 19 июля 1995 г.)

на ее способность решать международные проблемы в интересах ВСЕГО мирового сообщества столь же эффермерны, как и само единство этих держав.

И все же, может быть, не так все плохо? Может быть, мы просто вернулись к нормальному состоянию международных отношений, которые худо-бедно обеспечивали самосохранение и развитие цивилизации в «докоммунистическую» эру? Как в самом начале века: были великие державы, и даже те же самые, что и сейчас, у них были свои интересы на Балканах и даже, наверное, те же самые, что и сейчас.

А, может быть, снова «прохсдим» историю XX века? А что нам делать, если новый Гаврила Принцип, не желая поступаться принципами, укокает кого-нибудь в Сараево? Увы, мы так и не нашли решения.

И, как это ни прискорбно, «синдром Саддама» заразил Европу, ослабленную бессилием международных организаций.

Судя по всему, кризисы государственности на территории бывших ЧССР, СФРЮ, СССР и нынешней РФ пропорциональны их размерам и политическому весу. Однако в их основе, так же как и в основе Кувейтского кризиса, лежат незавершенность процессов формирования национальных государств, недорешенность локальных национальных проблем. Но ведь подобная ситуация складывается почти на всех континентах! Потому что она сопряжена с процессами этногенеза, протекающими непрерывно с тех пор, как человечество себя помнит!

ПОПЫТКА ВЫПИСАТЬ РЕЦЕПТ

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Предположим, нам еще ОТПУЩЕНО немного времени, чтобы вместе попытаться найти выход.

Для начала, как водится, попробуем сформулировать задачу. Спросим: почему Кризис в Заливе возник столь неожиданно для мирового сообщества, причем именно тогда, когда общая международная обстановка столь радикально улучшилась? Нет сомнения, что сам Саддам готовил его много лет, но запустить свою дьявольскую машину осмелился только тогда, когда из-под ее колес убрали «башмаки» сверхдержавного контроля.

А мировое сообщество тем временем безучастно наблюдало, как, прикрываясь щитом «суверенитета», и при этом используя все возможности рыночной экономики, с ее конкурентной борьбой и свободой торговли, все многочисленные «неплотности» в структурах власти и демократических обществ, Саддам наращивает мощь своей

сверхдержавы, исподволь готовя агрессию. Ничего не поделаешь — суверенитет нарушать никому не позволено... кроме самого Саддама.

И опять (в который раз!) человечество оказывается жертвой трагического опережения развития технологии по отношению к прогрессу в области гуманитарного контроля над ней. Ибо только такой разрыв дает ракетное и химическое оружие маньяку.

Итак, мы видим, что все демократические структуры и механизмы контроля, имеющиеся в арсенале ООН, оказываются при столкновении с тоталитарным режимом неэффективными.

Но если раньше еще можно было идти на риск, дав возможность тоталитарному «нарыву» созреть до тех пор, пока он не прорвется (например, агрессией против Кувейта), то ныне плата за выжидание может оказаться, чрезмерной. С другой стороны, прямое нарушение этого принципа, даже если оно предпринято с самыми благими намерениями, даже с санкциями или под эгидой ООН, также чревато тяжелой деформацией существующей системы международных отношений и потому также не приемлемо (иными словами ведет в ад). Где же выход?

ОБЩЕЕ РЕШЕНИЕ

Рискну предложить свой вариант решения. Он основан на том же принципе, на котором базируется использование достижений химии для ликвидации последствий химического производства. В нашем случае фатальный разрыв между уровнями развития технологических знаний и гуманитарного контроля над ними можно попытаться сократить, используя современные информационные возможности.

Прежде всего отметим, что существующее множество государств и отношений между ними и внутри каждого из них можно рассматривать как некоторую систему, состоящую из достаточно большого, но конечного числа иерархически организованных элементов, каждый из которых обладает некоторым, также конечным числом СТАЦИОНАРНЫХ состояний. Такое допущение вообще говоря, требует строгого доказательства, однако на стадии рабочей гипотезы можно ограничиться эмпирическим анализом, основанным на общих законах диалектики, а также на аналогии с объектами неживой природы.

Итак, если это предположение справедливо, то состояние каждого элемента рассматриваемого множества и всего множества в целом можно охарактеризовать конечным числом критериев, являющихся непрерывными его функциями и имеющих КРИТИЧЕСКИЕ значения, соответствующие качественному изменению этого состояния. Например, состояние потока жидкости в трубе характеризуется критерием Рейнольдса, — он имеет критические значения, которым соот-

ветствует скачкообразное качественное изменение режима течения жидкости (переход от спокойного — ламинарного к вихревому — турбулентному режиму и т.д.). Известно, что критичность — не частное, а общее свойство материи. Другой, еще более известный пример — критическая масса ядерного горючего, достижение которой необходимо для возникновения цепной ядерной реакции деления.

Так почему бы не попробовать точно так же охарактеризовать состояние государства и системы государств? Исторический опыт свидетельствует, что состояние этой системы, при всей ее сложности, также имеет КРИТИЧЕСКИЕ — т.е. стационарные уровни; таким образом, мы приходим к выводу, что человеческое сообщество с точки зрения системы международных отношений обладает свойством «критичности».

Этот вывод в действительности не является ни новым, ни произвольным. Напротив, он согласуется не только с общими диалектическими постулатами, но и с современными взглядами на природу человеческих популяций. А именно, согласно теории этногенеза, разработанной профессором Л.Н. Гумилевым, качественное состояние этноса количественно определяется величиной, названной автором «пассионарностью». Эта пассионарность представляет собою относительную численность в данном этносе т.н. «пассионариев» — людей особого склада, отличающихся от всех прочих особенностями характера, темпераментом, образом жизни и типом мышления. «пассионарность», следовательно, есть не что иное, как количественный КРИТЕРИЙ, характеризующий состояние общества, а значит и государства.

Согласно Л.Н. Гумилеву, переход этноса из одного качественного состояния в другое происходит при достижении пассионарностью соответствующего критического значения. Если даже автор этой теории неправ (а его взгляды не являются сегодня общепризнанными), можно полагать, что «пассионарность» — не единственный

критерий, который можно использовать для анализа состояния внутри- и межгосударственных отношений. К ним относятся критерии, характеризующие состояние экономики, финансов, экологической обстановки, уровня культуры населения, гуманитарной сферы (последнюю, в частности, естественно было бы охарактеризовать степенью совпадения внутреннего законодательства и международных правовых норм) и т.д.

Но вернемся к задаче о «Синдроме С.» и сделаем следующий шаг: если мы согласны с возможностью построения системы критериев, достаточно адекватно описывающих состояние международных отношений, и с наличием у них свойства «критичности», то можем согласиться и с тем, что непрерывное наблюдение за состоянием такой системы — мониторинг — может позволить зафиксировать момент

перехода системы из одного качественного состояния в другое, а, значит, прогнозировать дальнейшее изменение состояния. Конечно, для реализации такого мониторинга понадобятся значительные средства и усилия, но при современном состоянии информационной технологии он осуществим.

Зато выигрыш, который можно получить взамен, просто невозможно переоценить. Представим, как могли бы развиваться события и связанные с ними материальные потери, если бы санкции против Саддама были введены хотя бы за год (или даже месяц?) до его вторжения в Кувейт?

Более того, такой «мониторинг» на самом деле уже давно в той или иной форме осуществляется почти каждым государством, только он называется разведывательной деятельностью. В таком случае, встрепетается читатель, что же нового предлагает автор? Прежде чем ответить на этот вопрос, приведу еще пример.

— Почему все страны столь дружно вооружали Ирак? — спрашивает корреспондент российской газеты демократической ориентации известного израильского советолога.

— Была ЛОЖНАЯ концепция, что Ирак является бастионом против исламского фундаментализма. Все боялись Ирана. Под этим соусом Саддам Хусейн получил огромное количество вооружения.

До начала войны многие страны НЕ ИМЕЛИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ, насколько глобальны устремления Саддама. То количество оружия, которое он накопил, не могло служить интересам Ирака только в его противостоянии соседям. НЕ НУЖНО БЫЛО СТОЛЬКО РАКЕТ, ЧТОБЫ ЗАХВАТИТЬ КУВЕЙТ...»

Спрашивается, в чем же причина столь трагической ошибки? На мой взгляд, она состоит в том, что упомянутый мониторинг, то бишь разведывательная деятельность, ведется негласно, а зачастую с нарушением того самого национального суверенитета, уважение которого на словах прокламируется всеми без исключения государствами. При ТАКОМ характере мониторинга вероятность ТАКИХ ошибок может быть весьма существенной. Между тем изменение ситуации в мире в связи с успешным окончанием холодной войны предоставляет мировому сообществу уникальные шансы организовать подобную деятельность легально под эгидой ООН с гораздо меньшими, чем теперь, затратами и, надеюсь, с гораздо большим успехом! Как конкретно организовать механизм такого мониторинга, автор предлагать не рискует, но он не может удержаться от того, чтобы не нарисовать следующую вполне фантастическую картину:

...ЧАСТНОГО РЕШЕНИЯ

В устав ООН вносятся дополнения, согласно которым все государства добровольно сообщают необходимую информацию в Комитет Мониторинга Уровня Тоталитаризма ООН (а куда денешься, если этот Комитет имеет свою независимую контрольную службу в каждой стране?). Информационно-аналитическая служба КМУТа регулярно публикует результаты анализа, который она проводит на основе рекомендаций и методологии, разработанных и непрерывно корректируемых Международной Научной Комиссией, составленной из лучших специалистов всех областей знания, например, из Нобелевских лауреатов. Лидеры всех без исключения государств с душевным трепетом ждут этих публикаций: они знают, чем чревато для них сообщение КМУТа, если в их стране уровень тоталитаризма превысил Предельно Допустимый. Для начала возможно осуждение в Совете Безопасности, дополнительная международная экспертиза и т.п. неприятности, связанные с отвратительной шумихой в прессе, биржевыми коллизиями, экономическим спадом и даже введением международных санкций. Конечно, санкции введут не сразу, только если будет зафиксирована ТЕНДЕНЦИЯ развития. поэтому они (лидеры) сделают все возможное, чтобы не преступить ПДУТ. А нам ведь только это и нужно, не правда ли?

ВМЕСТО ПОСТСКРИПТУМА

Автор был бы готов согласиться с читателями, что нарисованная им картинка не более чем сказочка, если бы ему не попались на глаза кое-какие публикации. Вот, например, еще в ноябре 1990 года в газете «Известья» появилась статья известного физико-химика академика В. Гольданского «Ядерные силы ООН?» Не смотря на вопросительную форму заголовка, ученый весьма убедительно призвал политиков учредить международные ядерные силы для предотвращения тоталитарных и террористических ядерных провокаций.

Казалось бы, все ясно: если создают такие силы под эгидой ООН, то им не обойтись и без собственной независимой разведки, а это почти то же самое, что предлагается выше. Но год идет за годом, а что-то не слышно, чтобы на идею В. Гольданского обратили внимание. Зато много говорится о новых ориентирах и приоритетах, новых подходах, даже о новой эре.

Узнаете? Да, это она, та самая неадекватность поведения выздоровевшего хроника.

А вот еще одно мнение, достойное серьезного обсуждения:

«ООН и страны Хельсинского Акта нуждаются в КОНЦЕПТУАЛЬНОМ ПЕРЕСМОТРЕ ПРИНЦИПА НЕРУШИМОСТИ ГРАНИЦ»

(выделено мной — Д.Г.), который задвинул в самый дальний угол политического сознания дипломатов всех уровней принцип самоопределения народов. Неразделив два эти понятия, мы практически отказываемся от защиты прав народов, в конечном счете, от защиты прав человека...» (Е.Боннэр «Помогите Ельцину», «Известия», 25.01.93 года).

Но ведь указанный принцип и принцип национального суверенитета — это два «костыля», на которые опирается хромающее международное право. К тому же это — принципы-близнецы, взаимодополняющие и укрепляющие друг друга. Отменить один, значит, отменить и второй. Правда, Е. Боннэр предлагает не отменить, а РАЗДЕЛИТЬ принципы: нерушимость границ — сама по себе, самоопределение — само по себе. Но при этом признает, что «переход в Новое время (XXI век) должен ознаменоваться выработкой ООН законодательных КРИТЕРИЕВ (подчеркнуто мной — Д.Г.) для признания волеизъявления народов на самоопределение... и пактов, подписав которые, новые государства принимают обязательство неукоснительно соблюдать права национальных меньшинств». Однако! Ведь неукоснительное соблюдение этих, увы, еще невыработанных критериев и пактов кто-то и как-то должен будет контролировать! Кто и как? Неудачные попытки ООН и других международных организаций разрешить конфликт на Балканах, не говоря уже о полной неспособности их влиять на развитие ситуации на территории СНГ, по-видимому, свидетельствуют о назревшей необходимости реформирования существующих структур международного регулирования и контроля, приспособления их к условиям «холодного мира».

Один из вариантов ответа, возможно, содержится в этой статье. Решение проблемы «синдрома С.» и проблемы самоопределения национальных меньшинств, взрывающей теперь статус-кво на Евразийском пространстве, еще недавно бывшем «лагерем социализма», — естественным образом увязывается в единый комплекс, что логично вытекает из тесной взаимосвязи этих проблем. (В конце концов, что такое Кувейт по отношению к Ираку? Может быть, тоже национальное меньшинство — не этническое, так «культурноисторическое»?).

В заключение хочется обратить внимание еще на два обстоятельства. Первое состоит в том, что предлагаемая методология решения международных проблем, способствуя «объективизации» оценок, тем самым увеличивает шансы мирных вариантов решения.

Второе, не менее важное обстоятельство, обусловлено тем, что исчезновение с политической карты мира одной из сверхдержав делает проблематичными перспективы существования и другой сверхдержавы. Конечно, процессы конверсии и им подобные в США протекают не столь болезненно, как в бывшем СССР, но и здесь они уже

вызвали значительные экономические трудности, а кроме того, сделали бессмысленным дальнейшее функционирование мощной инфраструктуры и занятых в ней высококвалифицированных специалистов. Речь, в частности, идет и о разведывательном комплексе. Конечно, разведка не осталась вовсе без работы. Но нельзя не видеть, что и с той и с другой стороны она осталась без главного — без благородной ЦЕЛИ — обеспечения «стабильной глобальной конфронтации», ради которой она раньше работала. Дискредитация профессионалов всегда болезненна для общества, а таких профессионалов — еще и весьма опасна. Поэтому создание механизма контроля за «уровнем тоталитарности» открывает новые возможности для приложения знаний и опыта секретных служб, ставит перед ними новую, может быть, еще более высокую и благородную Цель...

Но прислушались ли политики к голосу ученых и правозащитников? Кажется, не очень. Правда, судя по некоторым заявлениям, можно надеяться, что они начинают осознавать необходимость радикальных перемен в этой области. Так, во время визита в Республику Корею президент Ельцин выступил с инициативой создания регионального азиатско-тихоокеанского Центра по ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ конфликтных ситуаций! Казалось бы, наконец, лед тронулся. Но, во-первых, дальше разговоров дело не пошло, а во-вторых, непонятно, почему надо создавать азиатский — и не надо — европейский или мировой Центр? Ведь будущее по-прежнему неопределенно, как и во времена царя Соломона.

Конечно, какое-то время еще можно подождать, пока новые идеи завоюют признание в головах людей, обладающих реальной властью, потом будут воплощены в жизнь, в политическую практику... Если бы каждый новый день не совершались новые и новые жертвоприношения Молоху. На Балканах и в Таджикистане, в Бурунди и в Предднестровье, на Кавказе, на Кавказе, и опять на Кавказе! Все больше «горячих точек», все сильнее льется кровь! Эти потоки нельзя измерить критерием Рейнольдса. Это как раз та ситуация, то ИСКЛЮЧЕНИЕ, когда одна-единственная капля весит больше, нежели все международные договоры, вместе взятые.

И если человечество хочет выжить и не потерять самоуважение, если оно действительно верит в Бога, оно должно как можно скорее научиться УПРАВЛЯТЬ своим политическим, экономическим, экологическим будущим. И не когда-нибудь в будущем, а — сейчас, сегодня. Или — никогда!

Все мы жители XX века, — стали свидетелями воплощения в жизнь множества утопических идей, рожденных предидущими поколениями. Почему же нельзя ожидать, что грядущий век окажется в этом отношении столь же и даже более урожайным. Я в этом не сомнева-

юсь. Именно поэтому я и решил попытаться еще раз использовать этот маленький шанс, который уже один раз использовала героиня русской народной сказки «мышка-норушка», когда, потянув за хвост кошки, помогла всей семье вытащить Репку (а раз использовала, то вероятность повторного успеха стала меньше!). Но все-таки будем надеяться, что она не стремится к нулю.

Санкт-Петербург (Россия) — Ариэль (Израиль)
1992-1995

Н. ЛЕПИН

ПАМЯТИ ХАМА, СЫНА НОЕВА, ИЛИ ПАРАФРАЗ НА ТЕМУ ВЕТХОГО ЗАВЕТА

Библейский рассказ о Хаме, втором сыне патриарха Ноя, — это подлинная парадигма всякого хамства как явления антикультуры. Своего рода пролегомены к возможной в будущем науке хамоведения.

Основные моменты:

1. Эпизод с Хамом *завершает* рассказ о *всемирном Потопе*. Хамство выступает на арену истории после некоего великого кризиса, после выхода жизни из традиционной колеи — при закате старой эры и переходе к новой.

2. Житейски это выражается в ослаблении культурных перегородок, в более близком *соприкосновении* — в быту — скотов с людьми, «чистых» с «нечистыми», в некоем уравнивании жизненных условий. Сто пятьдесят дней совместной жизни со всеми породами животных в одном ковчеге подготовили выступление Хама.

3. Социальная почва хамства, однако, не только в материально *трудных* условиях кризисного перелома, но и в наступающих затем (или одновременно) материально *благоприятных* показателях начинающегося «прогрессивного подъема». Земля была утучнена длительным потопом, «Ной начал возделывать землю и посадил виноградник» (ст. 20), который обильно плодоносил. Ной попробовал — по видимому, впервые в истории гастрономии — вина «и выпил он и опьянел» (ст. 21). Рост «потребления», расцвет «потребительского»

общества, вызванный «материальным подъемом», — важная социальная предпосылка хамства.

4. Но дело не только в социально *материальном*. Социальный кризис снизу сопровождается — и это не менее важно — моральным упадком сверху. Расцвет «потребления», «реабилитация плоти» порождает некую *духовную беспечность* — и распущенность. Ной «лежал обнаженный в шатре своем» (ст. 21), — в самом неприглядном виде. В культуре все начинается сверху, с культурных верхов. Рыба тухнет с головы.

5. И тут-то выходит на сцену Хам. «И увидел Хам наготу отца своего» (ст. 22). Хам приходит к потрясающему открытию: у папы патриарха между ногами те же штучки, что и у нас с братьями, те же, что я, Хам, не раз видел в ковчеге у всех скотов. Между всеми нами, между людьми и скотами — право, никакой существенной разницы. Ведь в этих штучках, начале всех начал — все. Остальное — только «надстройки» на биологическом базисе. Все равны — и должны быть во всем уравнены! В абсолютном эгалитаризме — вся культурология хамства, прежде всего *политика* и *этика* хамства.

6. И его *эстетика*. «И вышедши рассказал двум братьям своим», — побегал первым делом поделиться замечательным своим открытием. И впрямь, что может быть интереснее?! Эротический рассказ, неприличный анекдот, матерное ругательство, — есть ли на свете что-нибудь занимательнее, увлекательнее? Поистине до наших дней неисчерпаемая тема общения (особенно устного, живого) для потомков Хама — во всех кругах общества.

7. Но братья не оценили открытия Хама. «Сим же и Иафет взяли одежду и, положив ее на плечи свои, пошли задом и покрыли наготу отца своего; лица их были обращены назад и они не видели наготы отца своего» (ст. 22). Начало культуры — стыд. Об этом сказано еще в третьей главе Бытия: лично «Господь сделал Адаму и жене его одежды кожаные и одел их» (ст. 21). Противоположность Homo Pudens (Стыдящийся Человек) — это Хам, Человек Бестыдный. Суть культуры — культ, уважение, благоговение. Для патриархального общества — прежде всего перед патриархом, перед родителями.

8. В этом мифе о сыновьях Ноя все полно парадигматического значения — вплоть до возрастного *переходного* места Хама между его братьями, старшим Симом и младшим Иафетом. Ибо Хам — существо межеемочное, в культурном обществе — деклассированное. Как правило, социальная база Хама (о чем знали еще древние римляне) —

это *Rus in urbe* — «деревня в городе». Район Хама, его местожительство — пригород, Хам — человек пригородный: мораль патриархальная (деревенская) утрачена, а культурная («городская») еще не усвоена. Хам — опасный полузнаяка. Хам — вечный профан (*profanus* — «предхрамный»), вечно «непосвященный», непричастный, «беспричастный», духовный недоносок, недоучка. Но самоуверенности и готовности других поучать — хоть отбавляй.

9. И пусть сам Хам фанатически настаивает на своей универсальности («все равны»), в иерархии культурной жизни — а культура по природе иерархична, раз личность это *степень* культуры, — место Хама, пока он Хам, всегда *внизу*: «раб рабов братьев своих», как предсказал и заповедал, проснувшись, патриарх отец. На самой низшей ступени. Жесткие регламенты для Хама — прежде всего необходимы самому Хаму, вечному недоумку, недорослю культуры. И, разумеется, жизненно необходимы также обществу, породившему Хама.

Н. Лепин — псевдоним выдающегося литературоведа Леонида Ефимовича ПИНСКОГО (1906-1981). «Памяти Хама...» — глава из его большой работы «Парафразы и памятования», опубликованной в журнале «Синтаксис» (Париж. 1980, 7).

Ион ДГГН

ХАСИД

В студенческие годы я с благоговением относился к именам выдающихся ученых. Они казались мне небожителями, непохожими на нас, на простых смертных. В созвездии ученых, вызывавших у меня почтительный трепет, было имя видного советского физиолога В.В.Парина.

С годами притупилась юношеская восторженность. Общение с «олимпийцами», наделенными человеческими слабостями, недостатками и — нередко — пороками, вытравило из меня благоговейное почитание научных авторитетов. И все-таки что-то от неоперившегося студента, по-видимому, оставалось во мне, хотя в ту пору я уже был кандидатом медицинских наук, приближающимся к защите докторской диссертации.

Во всяком случае, когда мне передали приглашение академика Парина посетить его, я почувствовал былой студенческий трепет. Профессор, передавший приглашение, сказал, что академика Парина заинтересовали результаты проведенного мною эксперимента.

Я уже оформил статью и взвешивал сомнительную возможность ее опубликования. Описанные результаты настолько отличались

от ортодоксальных представлений, что их опубликование даже в каком-нибудь рядовом журнале казалось маловероятным. А я мечтал не о рядовом журнале, а о «Докладах Академии наук СССР». Но в «Доклады» статья должна быть представлена академиком.

Не знаю, случайное ли это совпадение, но в те же дни меня пригласили в Москву на конференцию. Едва устроившись в гостинице, я позвонил по телефону, сообщенному профессором, передавшим приглашение академика Парина. Ответила мне супруга академика, она сказала, что Василий Васильевич болен и не работает. Он даже не выходит из дому, но готов принять меня в любое время.

Добротный дом на Беговой улице. В нерешительности я оставался на площадке, не зная, в какую из двух дверей позвонить — прямо или направо. Ни таблички, ни номера. Потоптавшись, я нажал на кнопку звонка удвери прямо перед собой. Отворилась дверь справа. Уже через несколько секунд я понял, что квартира занимает весь этаж. Пожилая женщина, жена академика, пригласила меня зайти. Она подождала, пока я снял пальто в просторной прихожей, и проводила меня в спальню.

Академик Парин полусидел в постели, обложенный подушками. Я осторожно пожал протянутую мне руку. Василий Васильевич был бледен, изможден, с глубоко ввалившимися глазами. Мне стало неловко, что я пришел по делу к старому больному человеку. Парин, вероятно, понял мое состояние. Он пригласил меня сесть, объяснил, что сейчас уже вполне здоров, просто чувствует себя недостаточно окрепшим после перенесенного воспаления легких. Я дал ему статью и внимательно следил за выражением его лица, пока он, как мне казалось, очень медленно читал ее. Незаметно посмотрев на часы, я засекал время, за сколько он прочитает каждую страницу. Действительно долго — около четырех минут. У меня такая страница занимала две минуты.

Он прочитал статью и с интересом осмотрел меня, словно сейчас я отличался от того, кто сел на этот стул полчаса назад.

— Если у вас нет других планов, я с удовольствием представлю эту статью в «Доклады Академии наук».

О чем он говорит? Других планов! Я не знал, посмею ли попросить его о подобном одолжении, а он говорит о каких-то других планах!

— Но вам придется сократить ее чуть ли не вдвое — до четырех страниц. — Я кивнул головой. — У вас большая лаборатория?

— Василий Васильевич, я практический врач. У меня нет никакой лаборатории. — Я объяснил Парину, что это исследование провел в свободное от работы время, что подопытными были мои родные, друзья, добровольцы-врачи, сестры, студенты.

Парин с удивлением слушал мой рассказ.

— И в таких условиях вы сделали эту работу за пять месяцев?

— За четыре. В промежутке в течение месяца был в отпуске.

— Невероятно! Если бы мои физиологи, — я говорю о всей лаборатории, — в течение года сделали такую работу, они бы носы задрали. А вы один — за четыре месяца. Между прочим, их зарплата вам даже не снится. — Он положил руки на одеяло и замолчал. — Невероятно. Удивительный вы народ, евреи.

Не знаю, как именно неудовольствие отразилось на моем лице. Академик сделал протестующий жест:

— Нет, нет, вы меня не поняли. Я мог бы сказать, что всю жизнь работал с евреями, что ближайшие мои друзья — евреи. Но ведь это обычные аргументы даже матерых антисемитов. Нет, я не замечал национальности моих друзей и сослуживцев. — Академик умолк. Кисти его вцепились в пододеяльник. Казалось, он искал опору. Парин поднял голову и спросил:

— Вам известна моя биография?

— Еще в студенческие годы я знал имя академика Парина. Я даже знаю, что вы начальник медицинской части советского космического проекта, хотя это почему-то считается государственной тайной.

Парин горько улыбнулся:

— Начальник!.. Гражданин начальник!.. Нет, я не начальник. Я руководитель. Большой русский писатель, подчеркиваю, не советский, а русский, сказал, что писателям на Руси может быть только тот, у кого есть опыт войны или тюрьмы. Мне уже поздно становиться писателем, хотя, имея опыт тюрьмы, я мог бы кое-что поведать. И вероятно, ваше возмущение моей безобидной фразой катализировало рвущиеся из меня воспоминания. Не откажите мне в любезности выслушать этот рассказ. Именно вы должны меня выслушать. — Не ожидая моей реакции он продолжал:

— В нашу камеру (в ту пору я имел честь пребывать в знаменитой московской тюрьме, обвиняемый по статье 58-й Уголовного кодекса — антисоветская деятельность). Так вот, в нашу камеру проникли слухи о несгибаемом человеке, об этом супергерое, грозе следователей. В нашей камере, к счастью, не было уголовников. Там собралась компания интересных интеллигентных людей. Все по той же 58-й статье. К сожалению, я не могу поручиться, что среди них не было антисемитов. Тем удивительнее было восприятие слухов о супергерое, которым оказался еврей из Подмосковья, обвиняемый в сионизме, религиозном мракобесии и т.д. и т.п.

Говорили, что после допросов этого еврея следователи сваливаются от нервного потрясения. Знаете, в камере нередко желаемое принимают за действительное. Все мы люто ненавидели наших мучителей-следователей. Среди нас почему-то не оказалось героев. Поэтому я воспринимал рассказ о подмосковном еврее как красивую легенду.

Наконец троих из нас осудили и отправили по этапу. Не стану вам описывать «стольпинский» вагон. В наше купе втиснули генерал-лейтенанта, симпатичного полковника, бывшего военного атташе в Канаде и меня. Четвертым оказался тот самый легендарный еврей из Подмосковья.

Надо было вам увидеть этого героя! У Бориса Израилевича было добрейшее умное лицо. Голубые глаза младенца излучали тепло. Муху не мог обидеть этот герой. Толстовский Платон Каратаев в сравнении с ним был Соловьем-разбойником.

Естественно, нас интересовало, есть ли хоть малейшая доля правды в слухах, циркулировавших в камерах.

Мягким голосом, выражавшим его деликатную сущность, Борис Израилевич рассказал, что он глубоко верующий человек, хасид Любавичского Рабби, что у него не было бы никаких претензий к Советской власти, если бы она выполняла обязательства о свободе вероисповедания. Для себя лично он желал возвращения в землю своих предков, в землю Израиля.

Его удивил наш вопрос, действительно ли он доводил следователей до нервного потрясения. Возможно, предположил он, речь шла всего лишь о теоретических дискуссиях со следователями, во время которых он не устал повторять, что вся их грубая сила даже не песчинка в пустыне в сравнении с Божественной силой, данной его народу. Эта сила проявлялась в течение тысячелетий, и ни легионы, ни костры, ни погромы не могли справиться с этой силой. И уж если Любавичского Рабби в прошлом веке не сломали в Петропавловской крепости царские жандармы из Третьего отделения, то его, рядового хасида, конечно не удастся сломать благородным следователям самой демократической и справедливой системы.

Нас позабавил его рассказ. Вероятно, этим бы и закончился процесс дегероизации Бориса Израилевича, если бы мы не стали свидетелями чуда. Да, я не побоюсь отнести происшедшее к категории чудес.

Вы знаете, кто такие «вертухаи»? Это не просто охранники, а особая порода человеческого отребья. Если говорить о причинно-следственных отношениях, то не работа делает их такими, а такими их подбирают на эту работу.

Начальником «вертухаев» в нашем вагоне был младший лейтенант, отвратительнейший представитель этого отребья. Маленький, несурзанный, уродливый, он избрал наше купе объектом удовлетворения своей садистской сущности, обусловленной комплексом неполноценности. А в купе больше всего досталось генерал-лейтенанту и мне. Судите сами, младшему лейтенанту предоставлена неограниченная власть над генерал-лейтенантом, невежеству, недочеловеку —

над академиком. Я еще как-то крепился, а генерал был на грани самоубийства. Добро, у него не было средств для осуществления ужасного замысла.

Однажды это чудовище появилось у нас среди ночи. Он поднял генерал-лейтенанта, уличил его в каком-то несуществующем нарушении и заставил его быстро ложиться на грязный пол, вставать и снова ложиться.

Вдруг поднялся Борис Израилевич и, слегка раскачиваясь при каждом слове, обратился к нам со странной речью. Говорил он мягко, тихо, словно не было здесь этого выродка: «Господь создал человека по образу и подобию Своему. Глядя на гражданина начальника, даже грубоко верующий человек может начать кошунствовать. Но не следует забывать, что тело всего лишьместилище души, и не так уж важно — Апполон он или Квзимодо. Душа — вот поле боя».

Стоя спиной к подонку, в нескольких сантиметрах от него, Борис Израилевич обратился к генерал-лейтенанту, взмокшему, грязному, несчастному: «Вы командовали армией, и не мне вам объяснять, что такое противодействие сил. Не мне объяснять вам, что временно превосходящие силы противника еще не решают исход сражения. А вы, полковник, сколько подобных примеров могли бы привести из вашей дипломатической практики? Конечно, академик объяснит все это высшей нервной деятельностью и комплексами у гражданина начальника. Но Каббала объясняет это именно противоборством Бога и Сатаны за душу человека. Друзья, поверьте мне, гражданин начальник, в котором почти не осталось ничего, что делает человека человеком, еще не полностью завоеван силами ада. Он еще может возродиться для добра».

Самым удивительным во время этого монолога было поведение «гражданина начальника». Он стоял неподвижно, словно в состоянии каталепсии. На его тупом лице просто не могла отразиться мысль. Но вдруг, не произнося ни слова, он вышел в коридор, до самого прибытия в зону эта гадина ни разу не посетила наше купе. Мы поверили в то, что Борис Израилевич как-то мог воздействовать на следователей, интеллект которых несомненно выше, чем у этого зловредного насекомого.

Не смею занимать вашего времени рассказом о моей лагерной одиссее. Но если я выжил, то всецело и полностью обязан этим необычному человеку — Борису Израилевичу. Любой истинный ученый (а я смею тешить себя надеждой, что я истинный ученый) не может не верить в Бога. Нет, я не исповедую определенную религию. Но, будь я религиозным, я несомненно выбрал бы иудаизм. Борис Израилевич повторял неоднократно, что иудаизм проповедует мессианство, но отвергает мессионерство. Я безоговорочно верю в мессианское предназначение евреев. Вот почему, заметив, как мне показалось, нечто,

отличающее вас от массы знакомых мне ученых-неевреев, я не удержался и произнес обидевшую вас фразу. Надеюсь, сейчас вы простите старика и поймете, что у меня и помысла не было вас обидеть.

Я действительно простил старика. Его деловые письма, написанные мелким дерганым, но разборчивым почерком, хранили тепло прощального рукопожатия.

Больше я не встречал Василия Васильевича Парина. Он умер еще до того, как мне снова довелось приехать в Москву.

...Шли годы. Новые события заполняли мою жизнь. В сравнении с ними статья и представление ее в «Доклады Академии наук» представлялись преходящим малозаметным событием. Не просто рассказы о человеческих трагедиях, а непосредственное участие в десятках из них было моими буднями. Я помнил ушедших людей. Я хранил благодарность многим из них. Но счастлив человек, что умеет забывать. Рассказ Василия Васильевича затерялся в пакузах моей памяти. Фамилия, имя и отчество подмосковного еврея забылись напрочь, тем более что долгие годы мне ни разу не приходилось их вспоминать.

Через десять лет после встречи с академиком Париним, в конце ноября 1977 года мы прилетели в Израиль. Среди многих встречавших нас в аэропорту имени Бен-Гуриона двух людей я видел впервые — мою сестру и этого коренастого мужичка из русской глубинки, оказавшегося мужем нашей доброй киевской приятельницы. Мужем он стал недавно. Молодые со свадьбы приехали в аэропорт. Семен намного моложе меня. Но тождество мировоззрения и восприятия окружающего мира сделало нас друзьями.

Многое в Израиле происходило для нашей семьи впервые. Праздники, привычные для людей, живших еврейской жизнью, были для нас откровением. На первые кущи Семен пригласил нас к своим родителям в Кирьят-Малахи. Нас очаровало ненавязчивое гостеприимство пожилой интеллигентной супружеской пары. Мы сидели в любовно сооруженной сукке. Семин отец интересно объяснял символичность четырех непременных атрибутов праздника. Семина мама накормила нас вкусными блюдами еврейской кухни. Знакомство с этими милыми людьми прибавило что-то неуловимое, но существенное к нашему еврейскому мироощущению.

С тех пор не прерывалась наша дружба. В следующем году они пригласили нас на Песах. В маленькой квартире Семиных родителей собралось значительное количество гостей. Стульев для всех не хватило. Семин отец предложил спуститься в расположенную по соседству синагогу грузинских евреев и попросить у них скамейку. Я пошел вместе с Семой. Услышав нашу просьбу, евреи отреагировали

значительно эмоциональнее, чем можно было ожидать от самых эмоциональных людей.

— Скамейку! Да мы душу готовы отдать этому праведному человеку!

Они не позволили нам прикоснуться к скамейке.

— Что? Гости Рикмана сами отнесут скамейку? Где это видано такое?

Наши протесты остались без внимания. Скамейку принесли в квартиру люди из синагоги грузинских евреев.

Не только посещая Кирьят-Малахи, но нередко в разговорах с религиозными людьми, особенно с хасидами Любавичского Рабби, мы слышали восторг, когда речь заходила о Семином отце.

...Шли годы.

В ту пору мы отдыхали в Тверии. отпуск мы запланировали так, чтобы он совпал по времени с отдыхом там Семена с женой и родителями.

Был тихий весенний вечер. Тоненькие цепочки огней прибрежных киббуцов и поселений на Голанских высотах отражались в черной воде Кинерета. Легкие волны едва слышно плескались у наших ног. Семин отец рассказывал о мессианстве, о лже-Мессиях, о том, как Папа Климентий VII спас от костра Шломо Молхо, бывшего португальского рыцаря Диего Переса, перешедшего в иудаизм. он спрятал его у себя, а на костер повели другого человека.

— Знаете, — сказал он, поправляя ермолку, — нет в мире ничего случайного. Папа все же не помог ему. Он только отсрочил сожжение. Карл V выдал Диего-Шломо. Вторично Папа не смог спасти его от костра. — Он замолчал и долго смотрел, как вода лижет прибрежную гальку. Потом, словно вспомнив о нашем существовании, продолжил:

— Эту историю я как-то рассказал своим попутчикам, когда зашла речь о мессианстве. Нас осудили и везли по этапу. У меня оказались очень интересные попутчики.

...Семнадцать лет назад академик Парин назвал имя, отчество и фамилию подмосковного еврея. За ненадобностью я забыл их. Я забыл детали рассказа. И вдруг не из памяти — из Кинерета пришли ко мне внезапно возникшие образы: академик, обложенный подушками; кисти рук, вливающих в пододеяльник; взволнованный, надтреснутый голос; голубоглазый еврей, интеллигентный, тихий, не могущий обидеть мухи; хасид Любавичского Рабби. Борис Израилевич Рикман! Я отчетливо вспомнил благоговение в голосе академика Парина, когда он произнес это имя. Но ведь я знаком с Борисом Израилевичем несколько лет! Почему же только сейчас так ярко озарилась моя память?

Я пристально посмотрел на Бориса Израилевича и в спокойной повествовательной манере, словно продолжая малозначительный разговор, подтвердил:

— Да, у вас действительно были интересные попутчики — Василий Васильевич Парин, генерал-полковник...

— Генерал-лейтенант, — поправил Борис Израилевич, с недоумением глядя на меня.

— Да, генерал-лейтенант и бывший военный атташе, не помню его звания.

— Полковник. Откуда вы знаете об этом?

... Рикманы, старые и молодые, моя жена и Кинерет слушали взволнованный рассказ о встрече в Москве, на Беговой улице. Когда я умолк, Борис Израилевич тихо произнес:

— Конечно, с точки зрения теории вероятности... Он задумался и добавил: — Нет, в мире нет ничего случайного.

P.S. Этот рассказ написан несколько лет назад. Не считая литературу своей профессией, я не собирался его публиковать. Он лежал в столе вместе с другими. Вернувшись из отпуска, я узнал о смерти благороднейшего человека. Бориса Израилевича Рикмана. И тогда я решил опубликовать этот рассказ независимо от его литературных качеств. Пусть же он будет моим скромным вкладом в память о светлом человеке.

«Я НЕ РУСОФОБ...»

Беседа Игоря ЗОЛОТУССКОГО с Симоном МАРКИШЕМ

Я познакомился с Симоном Маркишем в 1989 г. в Женеве, где проходила тогда очередная «Женевская встреча» — собрание интеллектуалов Европы. Не знаю, как он, но я сразу почувствовал, что могу говорить с ним открыто и кратко, как это бывает между давно и хорошо знакомыми людьми.

Мы тут же сошлись на В.Гроссмане, на его романе «Жизнь и судьба», незадолго до того изданном в СССР. (У С.Маркиша есть прекрасная книга о Гроссмане).

Вообще я должен сказать, представляя моего собеседника, что он специалист по античной литературе, закончил классическое отделение филфака МГУ. Автор книг «Гомер и его поэмы» (Москва), «Никому не уступлю. Рассказы об Эразме из Роттердама» (Москва), «Эразм и еврейство» (Лозанна), «Пример Василия Гроссмана» (Париж) и др., переводчик Плутарха, Лукиана, Платона, Апулея и мн. др.

В 1949 г. отец С.Маркиша — знаменитый еврейский поэт Перец Маркиш был арестован, а в 1952 г. расстрелян по приговору бандитского сталинского суда. Семья поэта в феврале 1953 г. была заключена под стражу и отправлена на вечное поселение в Казахстан.

В 1970 г. С.Маркиш покинул Россию. С тех пор ни разу сюда не приезжал. Гражданин Израиля, он живет в Швейцарии, где работает на кафедре русского языка и литературы Женевского университета.

Мы встретились с ним вновь в июне сего года там же, в Женеве, куда я приехал с группой российского телевидения снимать фильм о Набокове. Впрочем, наш разговор, запись которого я представляю читателю, был далек от проблем, занимавших героя этого фильма.

Игорь Золотусский
25 июля 1995

МАРКИШ. ...Я переводил Фейхтвангера, Томаса Манна, Марка Твена, кого только не переводил. Однажды звонит приятельница, говорит: знаешь, тебя издали... то ли в Вышнем Волочке, то ли в Старой Руссе — тиражом триста тысяч! Твой пересказ Плутарха. Пришли доверенность и получишь деньги. Действительно, получил. Но мне-то хочется и книгу получить. Приятельница обратилась в издательство, просит экземпляры для автора, ну для меня. А те возмущенно: да вы что, автор давно умер! «А как вы узнали?» — «Очень просто. В книге про генералиссимуса Суворова написано, что он еще мальчиком читал Плутарха, значит, Плутарх еще раньше жил». Я так хохотал!

ЗОЛОТУССКИЙ. Значит, твои труды все-таки издают?

МАРКИШ. В основном, по-воровски, но, бывает, и деньги платят, и книги присылают. А недавно издали книгу «Праведный суд» — об уничтожении Антифашистского Еврейского комитета. Какой-то Науумов издал. Это чудовищно! Получается, что мой отец и все, кто там был, — подлецы, клеветают друг на друга, топят, во всех грехах признаются. Но ведь их мучили, их смерть ждет! Т а к нельзя было печатать, это все равно, что второй раз их расстрелять. Ведь надо же было показать чудовищную обстановку этого дьявольского действия. Мне Марлен Кораллов написал из Москвы: «Сима, когда я читал эту книгу, у меня сердце кровью обливалось. Ведь многие не поймут, как получилось, что люди признавались, возводили на себя напраслину...» Эта книга — продолжение уничтожения.

ЗОЛОТУССКИЙ. А еврейская культура в России... ты считаешь, она кончилась с гибелью твоего отца, Льва Квитко, Давида Бергельсона, Давида Гофштейна?

МАРКИШ. Еврейская культура в Россия развивалась на трех языках: идиш, иврите, русском. Культуру на иврите убили сразу после революции, иврит объявили реакционным языком. Потом пришла очередь культуры на русском. Многие писатели умерли, многие бежали из России. В 30-е годы все исчезает, само слово «еврей» становится неприличным, его произносят шепотом. Потом война. Мощный вал антисемитизма. А когда убили отца и других, доломали последнюю веточку культуры на идиш. Тема Катастрофы тоже была закрыта. так что, когда стало можно писать, оказалось, что делать это некому, а, главное, не из чего. Еврейская культура в России умерла, иссохла. Хотя есть прекрасные писатели, для которых еврейская тема очень важна. Например, Фридрих Горенштейн с его удивительным рассказом «Шампанское с желчью». Есть Асар Эппель с рассказом «Разрушить пирамиду» — пронзительным!

* «Неправедный суд. Стенограмма судебного процесса над членами Еврейского Антифашистского комитета». Москва. «Наука». 1994

** Я читал эту книгу. Могу представить себе, с каким чувством читали ее те, чьи отцы стали жертвами позорного судилища, а, главное — тех пыток, под которыми у них вырывали признания. Как можно печатать для широкого чтения стенографический отчет, составленный палачами в кабинетах Лубянки, не прибавив к нему ни строчки комментария?! Это значит публично оболгать людей, многие из которых заслуживают больше, чем уважения. — И.З.

ЗОЛОТУССКИЙ. Сима, у меня немало друзей-евреев, которые не только любят русскую культуру, но они даже большие ее патриоты и ревнители, чем многие русские.

МАРКИШ. Конечно! Об этом хорошо в своих воспоминаниях написал Давид Самойлов, о своем обрусении, возможно, даже крещении. И почти одновременно с ним о том же — Лидия Гинзбург. Я их понимаю. И понимаю, когда Архангородский в первом варианте солженицынского «В круге первом» говорит: «Надо сказать России: я твой, и быть ее уже полностью, до конца». Понимаю, но сам к такой категории не принадлежу. И не потому, что я «русофоб», как меня сдуру однажды обвинил покойный Володя Максимов (ты же знаешь, он меры ни в чем не знал), а потому, что у меня как бы другая принадлежность. В нашей семье говорили по-русски, но интерес к еврейской культуре, еврейской истории во мне пробудился рано.

ЗОЛОТУССКИЙ. Когда в 1951 г. второй раз арестовали моего отца, мы жили под Ульяновском, в леспромхозе. При обыске нашли книгу «Среди еврейства», автора не помню. Ее тоже приобщили к делу, как вещественное доказательство. Отдали ее на экспертизу известному герценоведу Якову Эльсбергу, профессиональному доносчику, и его рецензия была подшита к папке моего отца. В ней говорилось, что книга вредная, сеет семена сионизма и т.д. Отца продержали в тюрьме год и выслали навечно в Красноярский край. А знаешь, как над Эльсбергом подшутили еще при его жизни? Статью о нем в «Литературной энциклопедии» подписали Г.П. Уткин.

Ну, а те писатели, которые ныне живут в Израиле? Они принесли что-то в еврейскую культуру?

МАРКИШ. Там уже три поколения из России. У моего брата Давида вышла дюжина книг на иврите, хотя пишет он на русском. Но те, кто уехал в последние десять лет, — они русские писатели, просто иногда пишут о евреях. Вот Дина Рубина, талантливый прозаик, но то, что ее героев зовут Яша и Фима, ничего не меняет. Чем Рабинович, живущий в московской хрущобе, отличается от своего соседа Иванова? Да ничем. Поэтому Дина Рубина живет в Иерусалиме, а печатают ее в Москве. И замечательно! А Эли Люксембург — он еврейский писатель, пишущий по-русски.

ЗОЛОТУССКИЙ. Сима, что ты преподаешь?

Для молодого читателя поясню: ГПУ (Главное политическое управление) — так называлось когда-то будущее КГБ. — Г.П. Уткин — намек на службу Я.Эльсберга в «органах». — И.З.

МАРКИШ. Русскую литературу. Каждый год мы с Жоржем Нива выбираем тексты на следующий год. Они зависят от курса, который он готовит. Например, в следующем году будет литература русской эмиграции. Система обучения здесь французская — тему выбирает сам профессор. Это может быть что угодно, хоть «Бабочки в русской прозе». Нива каждый год выбирает тему: Достоевский, Блок, «пейзаж». В этом году темой зимнего семестра было «Бесчеловечность в литературе: ГУЛАГ. Карцериальная тема от Достоевского до Солженицына». Соответственно с темой подбирается литература, тексты, которые мы со студентами читаем. А в летнем семестре все эти двадцать лет я сам, независимо от Жоржа, брал тему. Раньше мы пытались дать студентам российскую жизнь через тексты, по последним номерам журналов. Читали, помню, Анатолия Курчаткина — писателя, из которого можно было вытащить настоящую русскую жизнь. Читали и «Обломова», и «Анну Каренину», и «Господа Головлевы».

ЗОЛОТУССКИЙ. А как ты думаешь, Сима, молодые — они обрзованнее нас, глубже?

МАРКИШ. Из молодых я видел Сашу Архангельского, Андрея Немзера, господина Костоутенко — он занимается Андреем Белым. Они много читали, больше, чем наше поколение, они больше видят — и это понятно. Но глубже? Затрудняюсь сказать. Я боюсь одного, — что крохоборство закрывает перспективу для всякого понимающего взгляда. «Извините, но вы недостаточно знаете предмет: Пастернак чихнул не 16 февраля, а 17-го. Вот, видите письмо Зинаиды Николаевны?» А мне это неинтересно. Мне важна идеология. А кто когда чихнул — это скучно.

ЗОЛОТУССКИЙ. А классической филологией занимаются сейчас молодые?

МАРКИШ. О, конечно! Когда я поступал в 1948-м в Московский университет, на классическое отделение никто не хотел идти. Там было 25 мест, как и на других отделениях, а набирали от силы семь душ, остальные были «ссылные» — те, кто не прошел конкурс на русское отделение, или романо-германское. Я перешел с романо-германского — после ареста отца, чтобы как можно дальше уйти от советской власти — в Гомера, Плутарха, Горация. А в 1968-м конкурс был огромный, чуть не 20 человек на место. Но, приехав сюда, я перстал заниматься классической филологией. Издал еще одну книгу об Эразме — она вышла по-французски в 1979-м, а на английском — в 1986-м, в Америке. Я стал заниматься русской еврейской литературой

ЗОЛОТУССКИЙ. Скажи, классическими переводами «Илиады» по-прежнему остаются два — Гнедича и Жуковского?

МАРКИШ. Был еще перевод Вересаева, но после Гнедича даже Жуковский — совсем не то. Во-первых, Жуковский переводил с немецкого, для него, что «Илиада», что «Наль и Дамаянти». А Гнедич положил на это жизнь свою и душу! Кстати, если бы Гнедич не был украинцем, он бы не смог это перевести. Дело в том, что гомеровский диалект состоит из разнородных элементов. Для грека чтение Гомера было, как если бы мы читали текст, где рядом украинские, русские, белорусские слова. И Гнедич это сделал! Вместо слова «попасть» у него «уметить». Думаешь: господи, как он такое точное слово придумал, и не догадываешься, что Гнедич просто взял украинское слово. Труд Гнедича это переводческое чудо.

ЗОЛОТУССКИЙ. Сима, ты издавал «Еврейский журнал»...

МАРКИШ. Я только помогал Эйтану Финкельштейну.

ЗОЛОТУССКИЙ. Почему он закрылся?

МАРКИШ. Никто нам не дал ни копейки. Эйтан выпускал его на свои деньги, но возникли трудности. Где мы только ни пытались найти деньги, я даже Иосифа Бродского просил найти нам богатого еврея. Он обещал, но пока что не нашел. Вышло всего четыре номера, а жаль — остались интересные материалы.

ЗОЛОТУССКИЙ. А ты знаешь, что в Москве выходит армяно-еврейский журнал «НОЙ»?

МАРКИШ. Да, очень хороший журнал. Я читал самые первые номера. А ты привез уже одиннадцатый? Это прекрасная идея — соединить в одном издании евреев и армян. У многих еврейских писателей чувствуется интерес к Армении, к ее народу. Помнишь рассказ Василия Гроссмана «Добро вам»? Я читал его еще в самиздате, когда он назывался по-армянски — «Барев дзес». Да, соединить эти народы — хорошее дело, чистое. Особенно заметное среди обилия дрянных журналов, которых много развелось сейчас в России.

ЗОЛОТУССКИЙ. Сима, а где похоронен твой отец?

МАРКИШ. Да ты что?! Разве теперь узнаешь! Был такой фильм «Признание» — по книге Лондона, участвовавшего в процессе Гелин-

дер-Сланского. Так Лондон рассказывает, что трупы сжигали, прах сгребали в мешки из-под картофеля и все.

ЗОЛОТУССКИЙ. А могилы твоих предков остались в России?

МАРКИШ. Бабушка лежит, дедушка. На Донском кладбище, где крематорий.

ЗОЛОТУССКИЙ. Знаешь, когда я ездил в Белую Церковь, где похоронен мой дед, я не нашел его могилы. И не немцы разрушили там еврейской кладбище, а советская власть: погрузили надгробья и увезли куда-то в поле.

МАРКИШ. Мы с братом искали могилу деда в местечке Полонное возле Бердичева. Тоже ничего не нашли, хотя кладбище сохранилось. Ну, что делать? Не в этом главная беда...

ЗОЛОТУССКИЙ. Сима, ты ответил на вопросы. А что ты сам хочешь сказать?

МАРКИШ. Только одно: я не русофоб. Я сорок лет прожил в России, видел там много худого и много хорошего, видел доброту русского человека... его уникальную способность делать бессмысленно-добрые поступки, именно по Василию Гроссману — бессмысленную доброту русского человека. И если я не хочу теперь возвращаться в Россию, то просто потому, что *не хочу*. В 1492 году евреев изгнали из Испании и Португалии. И когда они уходили, поклялись: «Мы никогда сюда не вернемся! Никогда!» У моего отца есть пьеса «Клятва»: когда началась гражданская война в Испании, то евреи впервые после изгнания вернулись сюда, нарушив клятву, чтобы бороться с фашизмом. У меня было такое же ощущение, когда я уезжал... нас выбрасывают из России, изгоняют, не хотят. И мы не хотим! Это первая причина. Вторая — не хочу дышать одним воздухом с этой гнусью — прохановыми, баркашовыми, зюгановыми. И, наконец, книга «Неправедный суд» — она меня убивает. Поэтому и не хочу назад. Поэтому и умру, больше не увидев России. Но мои чувства к ней, к русскому народу, не говоря уже о русской культуре — самые нежные. Я расскажу тебе историю, одну из тех, что меня до конца привязали к России. Это было 1 февраля 1953 года. Мы сидели в тюремном вагоне и нас должны были везти в Казахстан. Сидим мы в «столыпине» в одной камере с моим двоюродным братом, а мимо нас ходит какой-то страшный тип, огромный, несуразный, с мордой зверской и все поглядывает на меня. Я спрашиваю брата: чего он от меня хочет? А тот все проахаживается да поглядывает. Потом поманил меня. Я подошел к решетке.

- Тебя как зовут?
— Семен. — Это я на всякий случай говорю.
— Семен? А не Симон?
— Да, Симон.

И он мне сует записку, которую ему дала на перроне моя будущая жена. Она его уговаривала, деньги сулила, а он не брал. И она разревелась, и так плакала, что он ее пожалел. Я думаю, нигде ни в Германии, ни в Швейцарии — такого быть не могло. Нигде в мире!

ЗОЛОТУССКИЙ. И со мной было такое. Когда мы бежали из детского дома, я проехал всю Россию от Зауралья до Москвы, и мне встречались такие люди. И отцу моему встречались. В 44-м мне, уже «ремесленнику», привозил посылки якобы от отца (он еще был в заключении) начальник лагеря, который когда-то был его подчиненным. И вот этот генерал приезжал в спецвагоне, который ставили возле Курского вокзала, а его ординарец отдавал мне посылку. А ведь человек мог все потерять.

И последнее, Сима — издадут ли сейчас в России твоего отца?

МАРКИШ. Нет и, видно, не будут. В Израиле вроде собираются что-то издать к столетию со дня рождения (25 ноября 1995) на идиш, иврите и русском. А ведь у него бы много набралось, на хороших несколько томов. Когда отца арестовали, то весь его архив, почти весь КГБ выбросило на помойку. Сохранилось очень мало, это сейчас в Израиле. После реабилитации в 50-е вышел однотожник, потом двухтомник, потом стараниями Сергея Васильевича Шервинского том отца в Большой библиотеке поэта. Это было как раз за год до моего отъезда из России — в 1969-м. И все.

АРМЯНО-ЕВРЕЙСКИЙ ВЕСТНИК «НОЙ»

Единственный в двух полушариях Земли!

**Подписка и продажа в Москве:
113534 Москва а/я 11
тел. (095)386-25-63**

**Подписка и продажа в Иерусалиме:
Книжный магазин «МАДРИХ» — ул. Иегудит, 4
тел. (02) 384-075**

ПРЕЗИДЕНТ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Председателю Правления
Союза российских писателей
И.П. Золотусскому

«28» июля 1995г.
№ Пр-1023

г. Москва, Кремль

Уважаемый Игорь Петрович!

Очень рад тому факту, что в наше непростое для творческой интеллигенции время Союз российских писателей стал продолжателем лучших литературных традиций, всегда присущих ведущим российским писателям. Передача творческого опыта видными литературными мастерами своим менее известным, молодым и начинающим коллегам по перу — одна из таких золотых традиций российской литературы.

В связи с этим инициатива Союза российских писателей по проведению Всероссийского совещания молодых писателей в октябре 1995 года в городе Ярославле с участием ведущих мастеров литературного жанра, на мой взгляд, заслуживает всяческого одобрения и поддержки.

Уверен в том, что проведение такого совещания будет способствовать развитию в России литературного творчества, даст толчок к увеличению интереса населения нашей страны к художественной литературе.

Благодарю Вас за приглашение участвовать в открытии Всероссийского совещания молодых писателей и надеюсь, что смогу приехать в Ярославль в октябре 1995 года.

Желаю творческих успехов,

Б. Ельцин

Симона ДАМОТ

АРМЯНЕ, ЕВРЕИ, КАМБОДЖИЙЦЫ

«Причины и осуществление процесса уничтожения» — вот тема дискуссии, которая прошла в сентябре 1993 г. в Серизи. Впервые французские исследователи сравнили три геноцида — армян, евреев и камбоджийцев. Участники этой встречи Жанин АЛТУНЯН и Марк НИШАНЯН ответили на вопросы Симоны Дамот, корреспондента журнала «Les nouvelles d'arménie» («Армянские новости»).

КОРРЕСПОНДЕНТ. Как возникла идея такой встречи?

Ж. АЛТУНЯН. Неожиданно — во время беседы, организованной центром Кестемберг, который возглавляют Жан Жилибер и Перл Вилкович. Там был и Ришар Рехтман, антрополог и психоаналитик, работающий в XIII округе Парижа. Его пациенты — камбоджийцы, что позволило ему многое узнать о преступлениях полпотовцев. Первая встреча получилась весьма интересной, и было решено продолжить разговор, расширив как рамки темы, так и число участников. Так состоялась встреча в Серизи. Армянскую сторону на ней представляли Ваган Егишеян, Элен Пиралян, Марк Нишанян и я.

М. НИШАНЯН. Интересно, что эту встречу организовали не историки, а психоаналитики.

Ж. АЛТУНЯН. И это очень важно. Историк исследует причины события, его хронологию и фактологию, а психоаналитик пытается понять: как вообще можно пережить такое? Франц Верфель, автор романа «Сорок дней Муса-дага», еще в 30-е годы предупреждал евреев, что их может постигнуть страшная участь армян. Но это и все другие предупреждения не были услышаны.

М. НИШАНЯН. Принято считать, что геноцид армян в Османской империи — это чудовищное проявление азиатской жестокости, но я считаю иначе: это происходило в самом сердце Европы. Мне важно понять, как возникает в массах общая воля к истреблению инородцев, иноверцев, как она втягивает людей, как влияет на них. И второе — как геноцид связан с самой имперской формой правления. Я пришел к выводу, что геноцид происходит именно тогда, когда империя рушится, перестает существовать. Порабощенные народы необходимы в про-

цессе становления империи, но когда она распадается, «чужие» этносы не нужны, они становятся опасны.

Ж. АЛТУНЯН. Эта точка зрения поразила аудиторию. Марк объявил, что катастрофа произошла потому, что армяне не могли быть включены в Турецкую республику, и потому подлежали уничтожению.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Пережитый геноцид оставляет незаживающую рану в памяти народа. А в психике нации тоже? Или все суждения о национальном неврозе преувеличены?

Ж. АЛТУНЯН. Трудный вопрос. Некоторые психоаналитики считают, что эта психическая травма не отличается от «обычных», ибо и в других случаях человек испытывает страдание. Но я думаю, геноцид порождает совершенно специфическую «генетику страдания», которую дети наследуют от отцов, всасывают буквально с молоком матери. Ведь ты не родился, как все остальные, — ты спасся, ты чудом уцелел, потому что твоих родителей должны были истребить, как и всех твоих родных, весь твой народ. Отсюда чувство проклятости, обреченности и страх, что резня может повториться. И траур носить нельзя, и забыть невозможно.

М. НИШАНЯН. Очень интересное сообщение сделал антрополог Ришар Рехтман. Он убедительно опроверг вымысел о «самоуничтожении» камбоджийцев, о якобы существовавшей в древней культуре этого народа идее «автогеноцида», которая и привела к чудовищной бойне, развязанной «красными кхмерами». Каждый человек мог быть уничтожен в любой момент. И все молчат, ведь речь, даже одно слово могут выдать твое социальное происхождение. Рехтман сказал: геноцид уничтожает людей, но это уже не люди; как личности они убиты еще раньше.

Ж. АЛТУНЯН. Да, при геноциде уничтожают прежде всего духовные и социальные связи, все, что помогает человеку стать личностью и отличаться от других людей.

М. НИШАНЯН. Геноцид оставляет человеку только одно: быть жертвой палача, все остальное невозможно, безнадежно, бессмысленно.

Ж. АЛТУНЯН. Дискуссия в Серизи — первая попытка. Нас было четверо армян, и странно было видеть, как нас слушали! Как будто до этой встречи многие даже не знали о том, что турки вырезали полтора миллиона армян. Когда вечером показали фильм Жака Кебадьана

«Армянские воспоминания», я слышала, как евреи (их было на встрече много) говорили: «Но ведь это же было и с нами!» И еще... Учит только знание. Неведение помогает преступлению остаться безнаказанным. Мы должны объединиться, потому что сегодня нельзя защищаться в одиночку.

Les nouvelles d'arménie. Paris, 1993, № 4

О ГЕНОЦИДЕ И СТАТИСТИКЕ

Прочитал в вашем вестнике (№12) статью «Белый геноцид армян продолжается». Автор пишет: «В 1897 г. в мире насчитывалось 5 миллионов армян. Число жертв геноцида, войн и нерожденных вследствие этого составило 12 миллионов. Сегодня в мире 9 миллионов армян, а их могла быть 40,6 миллиона».

Возможно, вашим читателям будут интересны цифры, приведенные в статье Георга Морделя «Кому принадлежит Освенцим?» (журнал «Зеркало». Тель-Авив. 1995, № 123):

«В 1939 году египтян было всего 15 миллионов, евреев во всем мире — около 16 миллионов. Сегодня египтян более 70 миллионов, а нас — с трудом 14 миллионов...»

Эти цифры говорят гораздо больше, чем многие тома, посвященные геноциду армян и евреев.

*Валерий КАЦ,
Иерусалим*

Надежда БАНЧИК

ПИСЬМО РАДИОСТАНЦИИ «СВОБОДА»

Обращаюсь к вам с просьбой или, быть может, предложением. Я — еврейка, но двенадцать лет назад побывала в Ереване, и с тех пор не могу смотреть спокойно на поистине трагическое положение, в котором оказался армянский народ.

Я, насколько возможно, глубоко ознакомилась с событиями, известными под двумя «кодовыми» названиями: «резня армян 1915 года» и «первый геноцид XX века». Два названия придают одним событиям различный смысл. «Резня» — спонтанная вспышка необъяснимой, первобытной жестокости; явление «местного» масштаба, которое не

заслуживает изучения, осмысления, внимания мира. Но когда говорят о «первом геноциде XX века», то предполагают сознательное, точно рассчитанное истребление народа, послужившее прецедентом для Сталина и Гитлера, ставшее «генеральной репетицией» Катастрофы евреев. Факты однозначно подтверждают справедливость именно второй оценки. Нет сомнения и в связях, и в преемственности «первого геноцида» с последующими злодеяниями тоталитарных режимов.

Между тем, вокруг трагедии армянского народа уже восемьдесят лет не прекращаются геополитические «маневры», в которых мировое сообщество не может или не хочет признать историческую справедливость неопровержимых фактов.

Целый народ уже восемьдесят лет как бы заточен в незримое «гетто» неразделенной боли, неосужденного злодеяния, не восстановленной справедливости. У него отнята большая часть исторических земель вместе с его величайшей святыней — горой Арарат. А все попытки армян разрушить это «гетто» ставят их самих в унижительное положение: снова и снова доказывать... что их убивали за то, что они были армянами.

Никто из членов Европейского Союза, куда стремится Турция, решительно не поставил перед ней вопрос об ответственности и возмещения за геноцид армян и за фальсификацию исторических фактов. Никто из «миротворцев» карабахского конфликта не проанализировал, не осмыслил фатальные для армян последствия «не замеченного» геноцида — но ведь именно эти последствия «взорвались» в 1988 году в Карабахском движении! Причем, в движении мирном, ненасильственном, в конституционном обращении к властям бывшего СССР (м.б. спорном, требовавшем политических дискуссий). Власти — «ответили»: спровоцированным трехдневным (!) погромом армян в Сумгаите, извращением событий в прессе и ТВ, демонстрациями «советской военной мощи» в Ереване, игнорированием требований армян о судебном разбирательстве «Сумгаита», погромами армян в том же 1988 году в городах Азербайджана, арестом комитета «Карабах» — в разгар спасательных работ после Спитакского землетрясения, блокадой Армении, «особым режимом» в НКАО, восьмидневной (!) расправой с 250-тысячной армянской общиной Баку (12-19.1.1990 г.), наконец, военным вторжением в Нагорный Карабах и «операциями по обезвреживанию армянских боевиков», весьма напоминавшими сегодняшнее обезвреживание чеченских «бандформирований». Разве это не попытка второго геноцида армян? И вновь мировое сообщество закрыло глаза.

Так снова было подтверждено «право» решения спорных проблем *любыми* методами, вплоть до безнаказанного геноцида и лжи, выдаваемой за «объективность». Нет сомнения: «Чечня» начиналась в «Сумгаите»! А армянский народ был во второй раз предан всем де-

мократическим и правозащитным миром, в который столь глубоко и свято верил, на который возлагал столько надежд...

Сходство с еврейской судьбой, — но еще концентрированное, еще несправедливее, еще лицемернее. Ибо то, о чем еврею заявляют «в лоб», армянам устраивают под маской «благоволения» и «сочувствия».

Я, еврейка, не могу видеть, как целый народ погибает не только от физического, но и от морально-политического геноцида! Не могу видеть «гетто» на исходе XX века!

Не могу молчать, когда гибнет в гетто другой народ, ибо есть на земле подлинное сочувствие.

Не могу молчать, ибо цепочка «Дер-Зор — ГУЛАГ — Освенцим» заставляет задуматься о завтрашнем дне.

Удивительно, что радиостанция «Свобода» не сделала ни одной обстоятельной, аналитической передачи об истинных, глубинных причинах «Карабаха» — этом до сих пор не разрешенном справедливо «армянском вопросе». Обращаюсь к вам с просьбой сделать такую передачу и готова принять в ней участие.

С глубоким уважением

3 мая 1995 года

Женя ЦЕРУНЯН

«СВОЕЙ ЖИЗНЬЮ Я ОБЯЗАН АРМЯНСКИМ ДРУЗЬЯМ»

Помню, как-то поздним вечером позвонил мне давний друг нашей семьи Александр Газарян.

— Нашелся Микаэл Маркосян, — почти кричал он. — Я рассказывал вам, помните? Про Иосифа Когана, которого мы скрывали под армянским именем.

Гость должен был приехать в Ереван. Мы тоже пришли на вокзал, и стали очевидцами волнующей встречи. Коган, теперь житель Хмельницкой области, разыскал своих друзей Давида Минасяна, Арутюна Хачатряна, которые в лагере для военнопленных выдали лейтенанта-ерея за своего земляка и тем спасли его от смерти. Когда фашисты все же узнали, что Микаэл Маркосян — еврей, Ваган Варданян, Арутюн Хачатрян и Аветис Карапетян по плану, разработанному Степаном Егдженяном, организовали побег друга.

О его дальнейшей судьбе не знали ни те, кто остался в концлагере, ни те, кто за укрывательство еврея были брошены в тюрьму.

— Нет, меня не повесили, — рассказывал Коган. — Меня укрыл лес, он стал побратимом и даже кормильцем. Смерть потеряла мой след. На третий день блужданий я наткнулся на польских партизан, они взяли меня с собой, дали оружие. Я сказал им, что я армянин, назвался Микаэлом Маркосяном — именем, которым вы меня нарекли. Так началась моя вторая жизнь. Вместе со мной воевали двое армян — Константин Марданян и Николай Багманян.

Я слушала Иосифа Когана и думала: какая волнующая повесть, полная испытаний, мужества и счастья. Но не все сюжеты жизни заканчиваются так счастливо.

У меня есть подруга-армянка. Она вышла замуж за украинца, переехала из Еревана к нему во Львов. Мы встретились в скорбный день памяти жертв геноцида 24 апреля 1988 года — многие евреи, поляки, украинцы пришли тогда к Львовскому армянскому собору, чтобы разделить с земляками-армянами их боль, и не только «историческую», давнюю, но и боль от только что нанесенной раны — сумгаитской резни. Мы «прикипели» друг к другу с первого взгляда, и с тех пор не разлучались.

Жизнь моей подруги не задалась. Муж ушел, оставив ее с двумя детьми, мальчиком и девочкой. С работы ее уволили — на предприятии, где она работала, националисты провозгласили «Украина — для украинцев!» И в армянской общине она оказалась лишней, потому что не мирилась с несправедливостью, конформизмом, корыстью некоторых руководителей общины. Так и жила одна с двумя детьми, вдали от родных, на случайные заработки, нищенские алименты, и еще — принимая близко к сердцу каждую горестную весть из Армении.

Но мы нашли выход из этого круга, казалось, очерченного самой судьбой, — во взаимном открытии армянской и еврейской культуры мы обе обретали новые духовные опоры, изумляясь глубине родства наших душ, характеров, судеб. Как мало мы могли подарить друг другу, и как много! Любимые книги, любимые песни, искренние беседы... а по сути — возможность раскрыть душу до дна, пережить вместе самую тяжкую боль.

Теперь, наверное, понятно, почему, прочитав однажды объявление об организации детского летнего лагеря при синагоге, мы решили обратиться туда. Ведь моя подруга — мать-одиночка, живет, говоря официально, «за чертой бедности», ее дети хорошо знают еврейскую культуру, интересуются ею не меньше, чем армянской и украинской. Разве нельзя доставить им маленькую радость — отдых в таком лагере?

Но когда мы пришли записывать детей, у моей подруги потребовали свидетельство о рождении.

— У вас записана другая национальность. — И выговор мне: «Вы, что, не читали Тору? Не знаете, что еврей — тот, у кого мать еврейка?»

Я пробовала что-то объяснить.

— Если вы внимательно читали Тору, как вы не обратили внимание на главное: еврейство определяется не буквой, а духом. Разве моавитянка Руфь была еврейкой по крови? Извините, но ваш подход ближе не Торе, а советскому отделу кадров с его «пятой графой».

Но чиновница осталась глуха к моим словам. Ее не касалось, что армян убивали в Сумгаите и уж кому-кому, а нам, евреям, надо относиться к армянам бережнее, сердечнее.

Мы ушли...

Прости меня, что не смогла защитить тебя еще от одной раны. Я не могу стать армянкой, а ты — еврейкой, хотя иногда мне так хочется, чтобы это случилось. Тогда ты почувствовала бы на себе ту поддержку, которую оказывают друг другу еврейские организации и общины. Ты почувствовала бы, что весь цивилизованный мир разделяет с тобой трагическую память о Катастрофе и героизме еврейского народа. Но мы не можем изменить национальность. Не только потому, что запись в метрике не изменить. Но и потому, что мы — частички своих народов. Мой народ создал Библию, твой — первым принял христианство как государственную религию. Мы — дочери народов Книги, и это роднит нас более всего. И все же... прости меня.

А спустя несколько дней моей подруге позвонили из Общества еврейской культуры (ее там знали, мы вместе ходили на собрания, лекции) и сказали:

— Мы организуем летний лагерь, не хотите ли записать своих детей? Мы внесем их в списки, если вы не возражаете...

Газета «Арагац» (Киев). 1995, № 8.

перевод с украинского Надежды Банчик

Лариса БЕЛАЯ

О ГУТТМАНЕ, ТЕСТАХ И РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Более четверти века доктор педагогических наук, профессор Вадим Сергеевич Аванесов занимается проблемой педагогических, социологических и психологических измерений — малоизвестной у нас наукой «Measurement in Behavioral Sciences», т.е.

тестами. Однажды, встретившись с ним в «Ленинке» (ныне Российская Национальная библиотека), я услышала имя Луиса (Элиагу) Гуттмана, и спросила: «Кажется, это известный ученый?»

— Да, он очень известен, но узкому кругу специалистов, тех, кто оперирует понятиями «шкала Гуттмана», «идеальные задания теста». Направление его исследований я бы попытался передать словами поэта Николая Гумилева: «Все оттенки смысла умное число передает». Первую половину жизни Гуттман провел в США. В 25 лет стал и оставался все годы Второй мировой войны консультантом министра обороны США по вопросам повышения боеспособности армии, комплектования подразделений с учетом психологических качеств военнослужащих, применения методов преодоления страха у солдат в условиях боевых действий. Позднее эти разработки использовались в армии Израиля. Там он начал работать в 1947 г., возглавив созданный им Институт прикладных социологических исследований. В 1955-1987 гг. Гуттман — профессор Иерусалимского университета.

— Вадим Сергеевич, а тесты Гуттмана приложимы к изучению межнациональных отношений?

— Я и вышел-то впервые на них, когда работал в Институте социологических исследований Академии наук СССР, где пытался построить шкалу Гуттмана, измеряющую отношение людей одной национальности к представителям других национальностей.

И бывший Союз, и Россия — государства многонациональные, и для общества очень важно изучение национальных проблем. В США, например, в 40-х гг. еврейская община финансировала работы по созданию тестов для измерения уровня антисемитизма у различных этнических и политических групп населения. Выяснилось, что антисемитизм связан с этноцентризмом — формой индивидуального и группового сознания, при котором люди других этносов предстают менее желательными, чем соплеменники. Этноцентричный человек предпочитает национальные обычаи, кухню, музыку, в брак вступает только с женщиной (мужчиной) одной с ним национальности. Для измерения этноцентризма в США была создана специальная Е-шкала. Тех, кто интересуется этими работами, я отсылаю к книге Т.Адорно «Авторитарная личность». Уместно также упомянуть известные у нас работы американца Рокиша по измерению профашистских психологических установок личности посредством т. наз. F-шкалы.

Психологические «дрожжи» антисемитизма, фашизма, а у нас еще и нетерпимости к «лицам кавказской национальности» — радикализм, идея национальной исключительности, превосходства своей нации над другими; это упрощает, примитивизирует сознание, причащает

человека действовать быстро, бездумно, даже безрассудно, руководствуясь упрощенными поведенческими схемами, которые внедряются в сознание индивида.

— Но ведь национальные проблемы решаются не тестами. Не решаются они и на уровне бытового сознания, хотя именно на этом уровне проявляются особенно часто. Межнациональные отношения — вопрос политики. Государственной политики. Когда началась «Война в Заливе», спровоцированная нападением Саддама Хуссейна на Кувейт, в Нью-Йорке толпа разгромила несколько магазинов, принадлежавших арабам. На следующий же день президент Джордж Буш выступил по телевидению, решительно осудив погромы и заявив, что арабы — такие же американские граждане, как и все остальные. Этого оказалось достаточно, чтобы погасить искры ненависти.

Но вернемся к Гуттману. Вадим Сергеевич, а где еще могут быть применимы его работы?

— Они могли бы помочь российским преподавателям освоить методику объективного контроля знаний учащихся — школьников и студентов. Сейчас тестирование используется у нас чаще всего неумело и, как правило, за плату. В таких условиях наука лишь мешает коммерсантам, а также доморощенным исследователям, которые тратят государственные средства на разработку «тестов», которые таковыми вовсе не являются, что стало бы сразу понятно, если бы их авторы потрудились прочитать хотя бы одну работу Гуттмана. Да в том и беда, что его труды не переведены на русский язык.

— А что, без тестов нельзя обойтись?

— В современных условиях уже нельзя. Возможно, Россия сейчас единственная страна в мире, где число преподавателей растет, а студентов — падает. Причина? Слишком велики у нас затраты «живого» труда преподавателей, слишком мало обучающихся и контролирующих компьютерных программ, да и самих компьютеров не хватает. Российская система образования на переломе: по-старому учить уже нельзя, а по-новому мало кто может. Преподавателю предстоит из урокодателя стать организатором самообразования, технологом такого учебного процесса, где главным станет обучение учащихся в новой информационно-образовательной среде.

Не случайно, а закономерно то, что уровень жизни выше именно в тех странах, где и тестовая культура выше. В Израиле создан Центр тестирования, он ежегодно издает сборник тестовых заданий для абитуриентов израильских вузов. В США более четырехсот фирм, занимающихся тестами. XXI век станет веком интеллектуальной и информационной конкуренции. А как же быть России? Необходимо создать сотни самоокупаемых негосударственных тестовых служб, пере-

водить научную литературу, издавать журналы для специалистов, обучать молодых учителей методике тестового контроля и предпринимать еще многое, что в совокупности составит стратегию образования. Пока же такой стратегии нет, как нет и спроса на труды Гуттмана. Но это еще не самое печальное. Я часто размышляю над феноменом «лишних» людей, прекрасно известном всем нам по романам русских писателей. Неужели России не нужны талантливые люди, неужели ей нет нужды до «собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов»?

Поживем — увидим.

Пауль ЦЕЛАН (1920-1970)

ДЕСЯТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

ГОСТЬ

Задолго до вечера
заходит в твой дом тот,
кто с тьмой обменялся приветом.
Задолго до дня
просыпается он,
и до ухода он сон разжигает,
сон, сквозь который шаги раздаются:
ты слышишь как мерит он дали,
и туда свою душу бросаешь.

ИЗМЕНЧИВЫМ КЛЮЧОМ

Изменчивым ключом ты дом отпираешь, где
мечется снег несказанного.
По крови смотря, что бьет у тебя
из глаза, иль рта, или уха,
меняется ключ твой.

Меняется ключ твой, меняется слово,
ему метаться с хлопьями.
По ветру смотря, что гонит тебя,
снег комом вокруг слова растет.

(ПАМЯТИ ПОЛЯ ЭЛЮАРА)

Уложи умершему в гроб слова,
что он говорил, чтоб жить.

Положи его голову среди них,
пусть чувствует
тоски языки,
тиски.

Положи на веки умершего слово,
в котором отказал он тому,
кто ты ему говорил,
слово,
которого кровь сердца его извергала,
когда рука, нагая как его,
того,
кто ты ему говорил,
вплетала в дервья будущего.

Положи это слово на веки ему:
быть может,
войдет в его глаз, еще синий,
другая, более чуждая синь,
и тому, кто ты ему говорил,
снится с ним: мы.

КЕНОТАФИЯ

Рассыпь свои цветы, пришелец,
рассыпь их, будь утешен,
ты даришь их глубинам, там,
внизу, садам.

Кто здесь лежать был должен,
не лежит
Нигде. Но мир лежит с ним
рядом.

Мир, свой глаз ракрывший
за разным крепом.

Но он держался — ведь всякое
он видел —
со слепцами:
он шел и срывал слишком
многое,
он срывал аромат
и те, кто видели это, это

ему не простили.

Тогда пошел он и выпил каплю
странную:

море.

А рыбы —

прибились ли рыбы к нему?

ГЛАЗ ВРЕМЕНИ

Это глаз времени:
взгляд косой
под семицветною бровью.
Веко его омывают огни,
слеза — его пар.

Слепая звезда подлетает к нему
и тает на жаркой реснице:
тепло становится в мире,
и мертвецы
пускают почки и цветут.

ШИВБОЛЕТ

С камнями моими
выплаканными,
за решетками,
втащили они меня
в самую гущу рынка,
туда,
где развернут флаг, которому я
присяги не приносил.

Флейта, двойная флейта ночи:
помни темный
братский багрец
Мадрида и Вены.

Приспусти свои флаги, воспоминанье.
Приспусти на сегодня, навечно.

Сердце, позволь себя и здесь познать,

здесь, в самой гуще рынка.
Выкликни его, шибболет, там,
на чужбине родины:
Февраль. No pasaran!

Единорог:
ты знаешь про камни,
ты знаешь про воду,
приди,
я поведу тебя туда,
где голоса Эстремадуры,

СЧИТАЙ миндаль,
считай то, что горьким стало и тебя пробужденным держало,
считай с ним меня.

Я искал твой глаз, когда открыл ты его и никто на тебя не глядел,
я прятал ту тайную нить,
по которой роса твоих дум
соскользнула в сосуды,
что слово хранило, в сердце Ничье не нашедшее путь.

Только там вступил ты весь в имя, в имя твое,
шел ты уверенным шагом к себе.
Взмахнули молоты вольно в колокольне твоего молчания,
подслушанное поразило тебя,
мертвое и тебя рукой обхватило,
и пошли вы сам-три через вечер.

Сделай горьким меня.
Считай меня с миндалем.

MANDORLA*

В миндале — что стоит в миндале?
Ничто.
Стоит Ничто в миндале.

* Миндалевидный нимб.

Там стоит и стоит.

В Ничто — кто там стоит? Король.

Король там стоит, король.

Там стоит и стоит.

Локон еврейский, не будешь седым.

А твой глаз — куда стоит твой глаз?

Твой глаз стоит миндалю навстречу.

Твой глаз Ничему стоит навстречу.

Он стоит к королю.

Так стоит и стоит.

Локон людской, не будешь седым,

Миндаль пустой, королевская синь.

ФУГА СМЕРТИ

ЧЕРНОЕ млеко зари мы пьем его вечером

мы пьем его в полдень и утром мы пьем его ночью

мы пьем и мы пьем

мы роем могилу в ветрах там не тесно лежать

Человек живет в доме он играет со змеями пишет

он пишет когда темнеет в Германию твои золотые волосы Маргарита

он это пишет и выходит из дома и блещут звезды он поет своих свищет

он свищет евреев своих пусть роют могилу в земле

он велит нам теперь играйте музыку к танцу

Черное млеко зари мы пьем тебя ночью

мы пьем тебя утром и в полдень мы пьем тебя вечером

мы пьем и мы пьем

Человек живет в доме он играет со змеями пишет

он пишет когда ~~темнеет~~ в Германию твои золотые волосы Маргарита

Твои пепельные волосы Суламифь мы роем могилу в ветрах

там не тесно лежать

Он кричит втыкайте глубже в царство земное вы те вы другие
играйте и пойте

он в поясе сталь достает ею машет глаза у него голубые

втыкайте глубже лопаты вы те вы другие играйте дальше музыку к танцу

Черное млеко зари мы пьем тебя ночью
мы пьем тебя в полдень и утром мы пьем тебя вечером
мы пьем и мы пьем
человек живет в доме твои золотые волосы Маргарита
твои пепельные волосы Суламифь он играет со змеями

Он кричит играйте слаще смерть смерть из Германии мастер
Он кричит водите темнее по струнам и вы дымом подыметесь в воздух
а там у вас будет в тучах могила там не тесно лежать

Черное млеко зари мы пьем тебя ночью
мы пьем тебя в полдень смерть из Германии мастер
мы пьем тебя вечером и утром мы пьем и мы пьем
смерть из Германии мастер глаз у него голубой
он попадает в тебя свинцовою пулей он попадет в тебя точно
человек живет в доме твои золотые волосы Маргарита
он травит нас псами своими и нам в воздухе дарит могилу
он играет со змеями он грезит смерть из Германии мастер

твои золтые волосы Маргарита
твои пепельные волосы Суламифь

ЛИСТ, бездревесный,
для Бертольда Брехта:

Что это за времена,
когда беседа
почти преступленье,
ибо так много значений
несет в себе заключение?

перевод с немецкого Лилит Жданко-Френкель

ГОЛОСА

Константинос КАВАФИС (1863-1933)

ГОЛОСА

Беззвучные любимые голоса
тех, кто умер или ушел не оглянувшись.

Порою они раздаются в наших снах,
порой наяву меж висков зазвонят внезапно.

А с ними на мгновение прилетает
отзвук ранней жизни, поэзии невозвратной.
И, как дальняя музыка ночью, гаснет.

Жюль СЮПЕРВЬЕЛЬ (1884-1960)

ВОСПОМИНАНЬЕ

Мы скажем друг другу: «Помните времена солнца?
Оно освещало каждый листок, оно ласкало
и старых женщин, и девушек удивленных,
творило цвета (с особой нежностью на закате),
скакало рядом с лошадью и прядало ушами.
Незабываемые чудеса земной нашей жизни!
Там, на земле, предметы падали со стуком,
взгляд наш привычно скользил по уютному миру,
слуху был внятн плеск воздушного моря
и по звуку шагов мы узнавали друга.
Могли сорвать цветок, могли подобрать камень.
А вот дым удержать нам тогда не удавалось —
теперь мы один только дым в кулаках сжимаем».

Нелли ЗАКС (1891-1970)

УЖЕ ГОТОВЫ ВСЕ СТРАНЫ

Уже готовы все страны
подняться с карты мира.
Сбросить, как кожу, звездное небо,
все моря голубыми свертками
взвалить на спины,
вырвать горы с огненными корнями
и надеть их, как шапки, поверх волос-туманов.

Унести с собой и последнюю скорбь свою —
куколку бабочки,
на крыльях которой они однажды
достигнут желанной цели.

Ханс БЁРЛИ (1918 -1988)

САМОЕ ДОРОГОЕ

Самое дорогое, что у тебя есть, —
это все то, чем никто обладать не может.

Распахни ворота навеки
и отправляйся в лес.
Сядь на поляне в вечерний час и слушай,
как земля напевает свои молитвы,
шелестом трав поминая умерших.
Зреньё свое одолжи перелетной птице,
что плывет в ночной синеве
мимо звезд Ориона.

Ты уйдешь вниз, под траву,
и вверх, за Млечный Путь.
Ты увидишь свою голубую вечность, миновав
невысокие горы смерти на горизонте.

*с новогреческого, французского, норвежского и немецкого
перевел Андрей Графов.*

СОДЕРЖАНИЕ

Булат ОКУДЖАВА. В альбом. <i>Стихи</i>	4
Проповедь по случаю интронизации верховного патриарха и католикоса всех армян ГАРЕГИНА I.....	5
Московское заявление.....	9
Борис ГОЛЛЕР. Белые олени. <i>Драма</i>	12
Петер ХАКС. Эдип-цареубийца. Пер. Э. Венгеровой.....	81
Еврейское население мира.....	91
Сами о себе.....	94
Егише ЧАРЕНЦ. Памятник. <i>Стихи</i> . Пер. А. Тарковского.....	96
Михаил ПОЛАДЯН. Портрет Егише ЧАРЕНЦА.....	97
Эдуард ХАЛД. Ветер горы Меркете. <i>Рассказ</i>	98
Григорий ЛЕВИН. Владимир ИВЕЛЕВ. Дмитрий ЩЕДРОВИЦКИЙ. Александр ВИНОКУР. Михаил ВИРОЗУБ. Елена МОЦКИНА. Семен ГРИНБЕРГ. <i>Стихи</i>	105
Дмитрий СЛИВНЯК. Яир песах, он же Белый шум.....	115
Лидия ШУЛЬГИНА. И нет конца... <i>Текст и рисунок</i>	121
Левон-Арутон АБРАМЯН. Национальная идентичность как процесс.....	130
Левон-Арутон АБРАМЯН. На языке философии истории.....	134
Рафаэль ШАПИРО (Р.БАХТАМОВ). Обратная сторона медали.....	141
Давид ГУРЕВИЧ. «Синдром С.» и проблема национального суверенитета.....	146
Н.ЛЕПИН. Памяти Хама, сына Ноева, или Парафраз на тему Ветхого Завета.....	156
Ион ДЕГЕН. Хасид.....	158
«Я не русофоб...» Беседа Игоря ЗОЛОТУССКОГО с Симоном МАРКИШЕМ.....	166
Письмо Президента России И.Золотусскому.....	173
Симона ДАМОТ. Армяне, евреи, камбоджийцы. Пер. Р. Варжапетяна.....	174
Валерий КАЦ. О геноциде и статистике.....	176
Надежда БАНЧИК. Письмо радиостанции «Свобода».....	176
Женя ЦЕРУНЯН. «Своей жизнью я обязан армянским друзьям». Пер. Н. Банчик.....	178
Лариса БЕЛАЯ. О Гуттмане, тестах и российском образовании.....	180
Пауль ЦЕЛАН. <i>Стихи</i> . Пер. Л. Жданко-Френкель.....	184
Константинос КАВАФИС. Жюль СЮПЕРВЬЕЛЬ. Нелли ЗАКС. Ханс БЁРЛИ. <i>Стихи</i> . Пер. А. Графова.....	190

Обложка художника
Марка Ибшмана

Главный художник
Владимир Петров

Набор и верстка выполнена в издательстве «НОИ»
Ильей Вороновым и Екатериной Эйдельштейн

Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 020338 от 26.12.1991 г.

Подписано в печать

Формат 84x108/32
Бумага офсетная
Заказ **81**

Цена свободная
Тираж 999 экз.

113534 Москва, а/я 11
Телефон: (095)386-25-63

